

Министерство образования Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
Исторический факультет

ПРОБЛЕМЫ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

Сборник статей

Ярославль 2000

ББК Т 3(0)5+ТЗ(0)6
П 79

Проблемы новой и новейшей истории: Сб. статей / Под ред. М.Е. Ерина, Г.Н. Канинской, С.Ю. Тороповой. Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2000. 100 с.
ISBN 5-8397-0048-7

Сборник статей охватывает различные аспекты новой и новейшей истории Европы и США, посвящен актуальным проблемам и написан на малоизученных архивных документах.

Сборник статей может быть полезен преподавателям, научным работникам, студентам, всем интересующимся всеобщей историей.

Ответственные редакторы: доктор исторических наук М.Е. Ерин
кандидат исторических наук Г.Н. Канинская
кандидат исторических наук С.Ю. Торопова

Трагедия плена

(Из истории шталага 326 (VI К) Зенне. 1941 - 1945 гг.)

Плен без войны немыслим. В период второй мировой войны это трагическое явление приобрело поистине колоссальные масштабы. 35 миллионов человек - такова численность военнопленных в 1939 - 1945 годах. Война сопровождалась чудовищными преступлениями национал-социализма в отношении пленных, особенно советских. С такими фактами человечество столкнулось впервые.

В немецком плену оказалось 5 734 528 советских солдат, офицеров и генералов, из них 3,3 млн. погибли или расстреляны, т.е. 57,8%¹. Некоторые авторы считают даже, что всего было захвачено в плен около 6 млн. красноармейцев, из них погибло 4 млн. человек². По данным Генштаба Вооруженных Сил Российской Федерации, пропало без вести, было захвачено или сдано в плен - 4 млн. 559 тысяч³. Это тоже спорная цифра и весьма занижена. Не совсем понятно, почему "пропавшие без вести" объединены с "попавшими в плен". Это разные вещи. Сейчас, видимо, трудно дать достоверные сведения о числе погибших в плену. Многие исследователи приводят разные цифры. В любом случае масштабы уничтожения советских пленных в гитлеровских лагерях огромны. В большом количестве советские воины попадали в плен в первые месяцы войны. К концу 1941 года вермахтом было пленено, по различным данным, от 2,5 млн. до 3,3 млн. красноармейцев и командиров. Большинство акций по уничтожению военнопленных падает на август - декабрь 1941 года.

Верно замечено, что судьба советских военнопленных в Германии не имеет параллелей в истории пленения солдат и офицеров других государств. Она глубже, трагичнее и неразрывно связана с историей народа. Да, пожалуй, ни одна армия, ни один народ в истории не пережил и не перенес ничего подобного. Для историков проблема плена до сих пор остается весьма актуальной. Интерес ученых и широкой общественности к ней возрос, стал более целенаправленным и разносторонним. Следует признать, что в последние годы у нас в

¹ Streit Ch. Keine Kameraden. Stuttgart, 1978. S. 10, 244, 245.

² Козлов В.И. О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг. // История СССР. 1989. № 2. С. 135; Дуглас И.А., Черон Ф.Я. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. Париж, 1994. С. 409.

³ Известия. 1998. 25 июня.

стране появились интересные книги и статьи о судьбе пленных⁴. Для ученых стали доступны архивные материалы. Более того, проходят международные конференции, посвященные советскому и немецкому плену⁵.

В Германии данная тема уже давно находится в центре историко-политических дискуссий. В 70 - 90-е годы в ФРГ опубликованы содержательные работы К. Штрайта, А. Штрайма, У. Херберта, Х. Вайшера, Г.-А. Якобсена, Р. Фоссера, Р. Келлера, В. Боргдена и К.Волланда, К. Хюзера и Р. Отто, М. Зиденханса, Б. Бонвеча, Г. Моммзена. Их исследования получили широкую известность и признание за рубежом. Особенно хотелось бы отметить, что в ряде германских городов были организованы выставки о судьбах советских и немецких военнопленных в годы второй мировой войны⁶. На них были показаны предметы, фотографии, документы и фильмы. В некоторых городах ФРГ созданы также центры по сбору документального материала и по изучению истории лагерей военнопленных.

Тем не менее тема плена советских солдат и офицеров в третьем рейхе еще недостаточно изучена. В отечественной литературе больше всего писали и продолжают писать о пленных, оказавшихся в концлагерях. Как нам кажется, мы до сих пор мало знаем о жизни и трагической судьбе пленных, которые находились в "шталагах" (Kriegsgefangenen-Mannschaftsstaumlager - стационарный лагерь для военнопленных) и "офлагах" (Offizierlager - офицерский лагерь), разбросанных на территории самой Германии. Сразу оговоримся, что нас пока интересует именно этот аспект темы. Кроме того, существовали фронтовые штаб-лаги. Таким образом, речь идет о мучениях и смерти сотен тысяч людей. Вряд ли история второй мировой войны может быть полной без знания и изучения всей правды о пленных.

В данной статье впервые в отечественной литературе исследуется история печально знаменитого и одного из крупнейших шталагов третьего рейха - шталага 326 (VI K) Зенне. В 1941 - 1945 годах он был расположен на территории сегодняшней общины Шлос Хольте-Штукенброк (земля Северный Рейн-Вестфалия). Лагерь 326 в Зенне был открыт 23 апреля 1941 года. Через неделю (30 апреля 1941 г.) он впервые упоминается в официальных документах, в ежемесячном обзоре Верховного главнокомандования. С февраля 1943 года и до конца войны он официально назывался "Шталаг 326 (VI K) Зенне". В некото-

⁴ Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. М., 1996; Ерин М.Е. Советские военнопленные в Германии в годы второй мировой войны // Вопросы истории. 1995. № 11 - 12; Семиряга М.И. Судьба советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4.

⁵ Проблемы военного плена: история и современность. Ч. 1 и 2. Вологда, 1997.

⁶ Kriegsgefangene - военнопленные. Sowjetische Kriegsgefangene in Deutschland - Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland (Hrsg.) Düsseldorf, 1995; Varnichungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. Ausstellungskatalog. Hamburger Institut für Sozialforschung (Hrsg.). Hamburg, 1996.

рых документах делается приписка "под Падерборном". В годы войны его чаще называли "лагерь русских".

Шталаг 326 (VI K) часто ассоциируется с названием Штукенброк. Такая тесная связь шталага, Штукенброка и мемориального кладбища советских военнопленных широкой общественности стала известна в послевоенное время, в особенности с конца 60-х годов. Это связано с многогранной и бескорыстной деятельностью рабочего кружка "Цветы для Штукенброка", который был основан в 1967 году в городе Лемго, неподалеку от лагеря.

Шталаг 326 (VI K) является символом незабываемости и сплочения всех людей доброй воли, которые не хотят войны и повторения страшных преступлений против человечества. Штукенброк - это знак бесчеловечности и жестокости фашизма. История лагеря показывает, что здесь так же, как и в концлагерях третьего рейха, совершались в огромных масштабах преступления против людей. Уничтожение русских военнопленных в шталагах было частью войны на уничтожение России. К жертвам этой войны на уничтожение относятся солдаты и офицеры шталага 326.

Это мрачная глава в немецкой истории и часть немецкого прошлого, отражающая повседневную практику национал-социализма. За реальным положением пленных просматривается зловещий образ циничного и надменного человека, призирающего других, уничтожающего людей с иным мировоззрением. Элементарные права человека нарушались, как, впрочем, и международное право. Уничтожение людей в лагерной системе было запрограммировано. Такая практика не могла быть скрыта от немецкого населения. То, что происходило в лагере 326, как и в других лагерях, знали и видели многие. Этот исторический факт не следует забывать.

О шталаге 326 в Германии написано и сказано много. Отметим, что к числу лучших книг о шталаге 326 относится исследование двух авторов: профессора Падерборнского университета К. Хюзера и школьного учителя истории Р. Отто⁷. Они собрали огромный материал об этом лагере. В их распоряжении оказались ранее неизвестные архивные источники, письма, воспоминания очевидцев и бывших пленных, карты, фотографии, статистика. Эти материалы отражают горе, страдание, борьбу и гибель многих человеческих судеб. Авторы книги считают советских военнопленных "жертвами национал-социализма". Они справедливо пишут, что вермахт был соучастником национал-социалистической политики истребления людей, несет ответственность за массовые преступления и за создание системы лагерей для военнопленных⁸. В 80-е годы историей шталага 326 (VI K) успешно занимался историк М. Зиденханс⁹.

⁷ Huser K., Otto R. /Das Stammlager 326 (VI K)Senne: 1941 - 1945 / Sowjetische Kriegsgefangene als Opfer des Nationalsozialistischen Weltanschauungskrieges. Bielefeld, 1992.

⁸ Ibid. S. 15.

⁹ Siedenhan M. Stalag 326 in Stukenbrok. Provinz unterm Hakenkreuz. Diktatur und Widerstand in Ostwestfalen-Lippe. Hszg. W. E / mer (U. Horst/ H. Schuler-Jung. Bielefeld, 1984).

Из воспоминаний бывших советских пленных особо хотелось бы упомянуть весьма содержательную книгу "Лагерь 326. Сообщения очевидцев. Фото. Документы"¹⁰. Она издана в ФРГ в 1988 году кружком "Цветы для Штукенброк" и, к сожалению, до сих пор не переведена на русский язык, и таким образом российский читатель не имеет доступа к ней. Книга воспоминаний в деталях рассказывает о всех аспектах жизни и борьбы военнопленных. При написании статьи мы использовали также "Протоколы Штукенброк". Они служат дополнением к общему пониманию условий жизни и причин смерти военнопленных¹¹. Эта небольшая книжка содержит не только выдержки из воспоминаний пленных, но и ряд фотографий, наглядно подтверждающих страшные злодеяния фашистов в отношении пленных. Аналогичный характер носит брошюра «50 лет спустя. Воспоминания о лагере военнопленных. "Шталаг 326"»¹². Конечно, мы привлекли другие документы, в частности материалы Нюрнбергского процесса о военных преступлениях и мемуарную литературу по второй мировой войне.

В этой связи хотелось напомнить, что на студии "Центрнаучфильм" создан документальный фильм о шталаге 326 (VI K). Его авторами являются бывшие узники лагеря Г.А. Хольный (режиссер) и А.С. Васильев (автор сценария). И последнее. В 1993 году в Москве бывшие пленные шталага 326 создали общественную организацию - Ассоциацию бывших военнопленных "Штукенброк", со своим уставом и программой. Главная задача Ассоциации - сохранение памяти о погибших в плену и социально-правовая помощь нуждающихся в ней бывших военнопленных. Президент Ассоциации - Г.А. Хольный.

В данной статье хотелось бы осветить один из важных аспектов проблемы плена - отношение лагерного персонала, охранников и гражданского населения к советским военнопленным.

Многочисленные документы свидетельствуют, что советские военнопленные были жертвами расистской идеологии. Официальная пропаганда убеждала немцев в расовой неполноценности русских пленных, внушала мысль об уничтожении "славянского недочеловечества", призывала к грубому обхождению с пленными, населению навязывалось антибольшевистское настроение. Она предупреждала немецких женщин от прямых контактов с русскими. Газеты писали и рекомендовали смотреть на них, как на "зверей в зоопарке", "чудовищ" и "извергов", как на врагов. Советский солдат - существо низшего порядка, он ближе стоит к животному, чем к человеку. Такая пропаганда, усиленная приказами и

¹⁰ Das lager 326. Augenzengenberichte. Fotos. Dokumente. Hrsg. Arbeitskreis Blumen für Stukenbrock. Pozta Westfalika, 1988.

¹¹ Protokoll Stukenbrock. Hrsg. Arbeitskreig für Stukenbrock. Pozta Westfalika. Bielefeld, 1985.

¹² 50 Jahre danach. Erinnerungen an das Kiegsgefageugenlager. "Stalag 326". Hovelhof, 1991.

директивами ОКВ, несомненно, способствовала жестокому обращению с пленными и вела к произволу в отношении их.

С самого начала каждый советский пленный рассматривался как "носитель большевизма". Большевистский солдат считался весьма опасным, коварным и вероломным. Каждый немецкий солдат имел право проводить резкую грань между собой и советским военнопленным. Чувство гордости и превосходства немецкого солдата, назначенного для охраны русских пленных, должно во всякое время быть заметным для окружающих.

В памятке об охране советских военнопленных содержались такие требования: 1) безжалостно применять оружие в случае сопротивления, по убегающим немедленно стрелять; 2) всякие разговоры с пленными строго запрещаются, в том числе во время передвижения к месту и с места работы; 3) пленным строго запрещается курить; 4) строго препятствовать всяким разговорам пленных с гражданскими лицами; 5) применение оружия против советских военнопленных, как правило, считалось "правомерным" и освобождало караульных от всякой обязанности разбираться в этом¹³. Советские военнопленные подвергались разностороннему контролю и охране. По сути дела, их жизнь была поставлена вне закона.

Все пленные, прошедшие через шталаг 326, пишут в своих воспоминаниях о жестоком обращении, об издевательствах над ними и о враждебном отношении немцев. Этот лагерь приобрел печальную славу своей неблагоустроенностью, дикими порядками в обращении с военнопленными и зверством лагерной полиции. В нем господствовал особый режим, способствовавший быстрому уничтожению советских пленных. Чаще всего по отношению к ним применялись кнут, плеть, палка, дубина, подвешивание к "столбу". Бывший пленный В.М. Ашаров оказался в шталаге весной 1943 года. В плен он попал при защите Севастополя и как офицер прошел через многие концлагеря. Он испытывал страшные издевательства, мучения и несправедливость, пережил много гнусных преступлений, но лагерь 326, по утверждению Ашарова, остался в его воспоминаниях особенно жестоким. Его отличительная черта: полное бесправие советских пленных, невыносимые условия, голод, холод, плохие санитарные условия и расстрелы. Эсэсовцы, продолжает автор, охотились на нас и, если хотели, кнутом или палкой выгоняли на построение. При этом до смерти забивали тех пленных, которые не успевали достаточно быстро встать в строй перед боксом¹⁴. Действительно, немецкая охрана в свободное время с удовольствием занималась и так называемыми "играми в дикого кабана", немецкие солдаты стреляли по людям. В книге же умерших отмечали: "Убит при попытке к бегству"¹⁵. Их хоронили свои же товарищи.

¹³ Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: В 8 т. Т. 4. М., 1990. С. 208-209.

¹⁴ Protokoll Stukenbrock. S. 29.

¹⁵ Siedenhans M. Stalag 326 in Stukenbrock. S. 216.

Особенно в начальный период в шталаге происходили жестокие и страшные эксцессы. Во время строительства лагеря караульные безжалостно относились к пленным, стреляя без всякого повода для устрашения или били их кулаками, кнутом, винтовочными прикладами, палками и резиновыми дубинками вплоть до смерти, а в свидетельстве отмечалось: "убит при попытке к бегству". По общему мнению пленных, немцы, по-видимому, придавали битью особо важное значение. В книге К. Хюзера и Р. Отто приводятся свидетельства евангельского пастора Бангена о том, как немецкие охранники били русских кнутом, а затем вечером некоторые из них хвастались, как много убили пленных¹⁶. Кстати, Банген осуждал отношение к русским солдатам, как "недочеловекам". Недаром пленные заявляли, что лагерь 326 построен на их костях. Каждый кирпич, каждый барак, каждый метр изгороди из колючей проволоки полит русской кровью¹⁷. Многие пленные погибали, бросившись на колючую проволоку, по которой проходил электрический ток. Караульные хладнокровно их пропускали. Они беспричинно могли открыть огонь с вышек, убивая пленных. Когда транспорт с пленными прибывал на вокзал, многих выносили уже мертвыми. Караульные это обычно комментировали такими словами: "из этих должны делать жидкое мыло"¹⁸. Абсолютное равнодушие проявляла охрана к пленным, умирающим от голода, болезней, истощения, или к их убийству. Как пишет Сильченко, убийство не влекло к ответственности и наказанию, наоборот, скорее побуждало к дальнейшим злодеяниям¹⁹.

Любое возникшее волнение, беспорядок или неповиновение жестоко подавлялось в зародыше. Для поддержания дисциплины провинившихся пленных содержали в карцере. "Совсем нормальным явлением" считалась часами длившаяся переключка на аппельплацу, как особая нечеловеческая форма пыток. При любой погоде пленные стояли по 3 – 5 часов, часто полураздетые. Кто падал, того страшно били. После такого обращения на аппельплацу оставалось лежать 10 – 15 пленных²⁰. Для расправы с пленными охрана использовала злых сторожевых собак. И.М. Мамонтов, бывший офицер, пробывший несколько месяцев в лагере, рассказывает, как эсэсовцы натравливали на них собак. Все пленные были слабые и похудевшие. Сам Мамонтов весил только 45 кг. Когда собака бросалась на пленного, тот сразу же падал на землю, и затем его раздирали собака. Таких случаев было очень много. Он сам был тому свидетелем²¹. Даже с теми, кто добровольно переходил на сторону немцев и сдавался в плен, имея специальное удостоверение немецкого командования (Passierschein - Пас-

¹⁶ Husel K. Otto R. Op. cit. S. 66.

¹⁷ Protokoll Stukenbrock. S. 29.

¹⁸ Siedenhans M. Stalag 326 in Stukenbrock. S. 216.

¹⁹ Siltschenko W. S. Das Lager 326 // Das Lager 326. S. 30.

²⁰ Protokoll Stukenbrock. S. 29.

²¹ Ibid. S. 30.

сиршайн), офицеры и солдаты обращались жестоко. Это ярко показано в воспоминаниях Янковского.

Одним из инструментов уничтожения пленных было наличие штрафной команды СС. От одной мысли попасть в бараки этой команды пленные испытывали жуткий страх. Из этих барачков прямой путь, как правило, был на кладбище²². В бараках людей не просто убивали, а была выдумана изощренная система ежедневных пыток и издевательств. Характерный случай рассказывает бывший пленный Ю.А. Сапурев, оказавшийся в лагере в феврале 1943 года. Один эсэсовский офицер имел привычку организовывать боксерские бои между пленными. Он говорил: "Ты и ты, надевайте боксерские перчатки и начинайте бой, бейте друг другу морды". Слабые, исхудалые, мы не могли боксировать. Кроме того, среди нас не было боксеров. Вся игра заканчивалась тем, что этот эсэсовский офицер надевал боксерские перчатки и бил пленных по всем правилам боксерского искусства²³.

Яркое описание издевательств над военнопленными оставил А. Шилкин, находившийся в лагере 326 с лета 1943 года и до самого освобождения. Автор часто упоминает имя фельдфебеля Бошмана, который при разводе на работу систематически избивал пленных клинком. Он заставлял пленных ползать попластунски от проходных ворот до блока, предварительно избив их. Особенно сильно бил вьюсь прибывших штрафников. Зимой 1945 года солдаты СС совместно с Бошманом устроили в лагере общее избивание пленных офицеров. Причиной было якобы их медленное построение во время развода на работу. В ход были пущены приклады и штыки. После избивания офицеров заставили бежать от лагеря до места работы.

Далее Шилкин рассказывает о том, как молодой шеф блока № 3, где находились штрафники, 20-ти лет от роду, один глаз вставленный, среднего роста, на рукаве имел нашивку в виде красного и белого квадрата, избивал военнопленных палкой и всегда старался бить по голове. Были случаи, когда палки от ударов ломались. Методы издевательств были различные. В 14-м бараке он совместно с другим немцем подвешивал пленных на проволоке за ноги. Часто бил клинком больных пленных, которые не могли идти на работу. Все экзекуции над пленными поручались ему.

По показаниям Шилкина, с осени 1944 года пленные советские офицеры работали под конвоем солдат СС. Недалеко от лагеря пленные копали бункер. Их систематически избивали эсэсовцы. Так, от побоев в лазарете умер капитан Задорожный. Офицера Станислава Драпей (поляка) били по спине палками и прикладами до тех пор, пока она не покрывалась кровоподтеками, после чего его заставляли бегом таскать кирпичи (по 20 штук) на гору. В результате издевательств Драпей долгое время лежал в лазарете. Помимо палок и прикладов, охранники часто применяли штыки. Одному офицеру на работе было нанесено

²² Schimanskij W. I. Ich entkam dem Todeslager // Das Lager 326. S. 101-102.

²³ Protokoll Stukenbrock. S. 30.

десять штыковых ран. Почти каждый день двух-трех офицеров приводили с работы под руки, так как после издевательств над ними они не могли идти. На работе пленных офицеров заставляли ползать, подниматься в гору, кувыркать через голову, а часть их оставляли без обеда.

Огромные страдания пленным приносила лагерная полиция, подбираемая из числа пленных. По воспоминаниям переживших плен, эти полицейские проявляли нечеловеческую жестокость, избивали, издевались и нередко убивали пленных. По сути, это были аморальные люди, не знавшие ни жалости, ни сострадания к своим товарищам. Большинство лагерной полиции шталага 326 (VI К) составляли украинцы. Она создавалась из "надежных элементов" и действовала для наведения порядка и дисциплины в лагере совместно с комендатурой. Ее члены носили особую черную униформу и лучше питались, чем все остальные. Это были "лагерные полиция в униформе", "предатели", как их с презрением и отвращением называли пленные. Отношения между русскими и украинцами характеризовались, как "постоянно напряженные". Иногда дело между ними доходило до массовых драк. Руководство вермахта и лагеря избрало именно украинцев в качестве "лагерной полиции" для разжигания антирусских настроений и чтобы посеять национальную рознь. В лагере были эстонцы, латыши, литовцы, белорусы. Их тоже старались отделить от основной массы русских пленных, чтобы "обработать" и настроить против них. Среди пленных велась активная антирусская и антибольшевистская агитация, призывавшая пленных к сотрудничеству с немцами, вермахтом в качестве "добровольных пропагандистов". Кстати, в шталаге 326 до конца 1944 года существовал "отдел добровольных пропагандистов".

Мотивы сотрудничества пленных с немцами были разные: воинствующий антибольшевизм, враждебность националистического толка против московской центральной власти, предательство своих товарищей ради личной выгоды. Все они надеялись пережить плен через коллаборационизм.

В памяти пленных лагеря самое омерзительное впечатление оставил русский пленный "Сашка рыжий" (А.И. Снегирь), служивший начальником лагерной полиции. Как пишет Шилкин, он был жестоким и главным помощником немцев в избиении пленных. Причем почти всегда использовал клинок, не зная чувства меры. Пленных избивал по приказанию немцев, а чаще по собственной инициативе. Особенно сильно бил беглецов и офицеров. Последних - просто из ненависти. При переводе пленных из блока в блок не разрешал ремонтировать в бараках окна, нары, двери. Почти все продукты, которые пленные доставали на работе, лично сам отбирал на проходной. В пьяном виде вместе со своим другом Андреем ночью врвался в бараки и жестоко избивал пленных. Он был тесно связан с гестапо и систематически делал подарки офицерам гестапо в виде деревянных изделий - резные тарелки, шахматы и различные шкатулки, которые отбирал у пленных. Как видно, характер общения охранников и лагерных полицейских с пленными отражал глубину напряженности межчеловеческих отношений.

Судя по воспоминаниям, не все немецкие охранники избивали советских пленных. Бывший пленный Г.М. Матвеев пишет, что разные были немцы: одни были по-страшному, требуя от него, чтобы он призывал русских солдат самим сдаваться в плен, другие считали, что этого не должно быть²⁴. Многие зависело от личного образа мыслей, религиозности, а также от установок нацистской идеологии. Некоторые охранники спокойно относились к тому, что кто-то съест пленным что-то съестное. Другие сотрудничали с группами сопротивления и помогали таким образом выжить русским пленным. Третьи сочувствовали им. Встречались немецкие солдаты, которые разочаровались в национал-социализме. Снова хотелось бы вернуться к воспоминаниям Аникеева. Он пишет, что пленные интересовались событиями, которые происходили вне лагеря. Особенно их интересовали новости с фронта. Эти новости приносили им частично и непосредственно сами немецкие солдаты. Аникеев был знаком с одним немцем-санитаром – ефрейтором по имени Ф. Херман, который имел художественные наклонности, любил рисовать и был хорошим ювелиром. От него пленные узнавали очень много. Он приносил им даже немецкие газеты. Херман рассказывал пленным и о покушении на Гитлера 20 июля 1944 года. Добрым словом вспоминает Аникеев чеха Либеля, который работал у немцев в санчасти в качестве переводчика. Либель говорил: "Чехи и русские - братья" и передал однажды большой пакет с продуктами²⁵.

Известно, что всякая связь военнопленных с гражданским населением была строго запрещена, любая поддержка или помощь пленным строго наказывалась. Комендант лагеря постоянно обращался к местному населению за помощью в поимке всех бежавших пленных. И все же запреты не могли полностью исключить проявление сочувствия, элементарных контактов и любопытства. Шиманский вспоминает, что в воскресные дни к лагерю приходила хорошо одетая публика из окрестных деревень, чтобы поглядеть на нас, первых советских военнопленных²⁶. Дети, например, часто подбрасывали "русским" свой хлеб через лагерное ограждение или передавали им по пути на работу что-либо съестное. Взрослые в свою очередь обменивались продуктами питания на соломенные башмаки, сделанные пленными с поразительной ловкостью, шкатулки для драгоценностей или другие украшения. Исходный материал для какого-либо ремесла часто похищался с места работы. Полиция и представители вермахта, конечно, пытались воспрепятствовать этому. Несомненно, обменная торговля для обеих сторон была связана с большим риском. Более того, несмотря на угрозу высокого штрафа и даже заключение в концлагерь в случае разоблачения, часто между "торговыми партнерами" развивались личные отношения. Любые доказанные половые связи жестоко карались либо тюрьмой, либо конц-

²⁴ Matwejew G. M. Ich erlebte des Lagers // Das Lager 326. S. 109.

²⁵ Anikejew I. P. Informationsquelle Radio. S. 70-71.

²⁶ Schimanskij W. I. Op. cit. S. 97-98.

лагерем для немецких женщин, а советским военнопленным выносился смертный приговор²⁷.

По мнению исследователей Хюзера и Отто, в целом можно констатировать, что нацистское мировоззренческое представление о "русских недочеловеках", "русской низшей расе" в повседневной жизни местного населения не проникло столь глубоко²⁸. При этом обычно ссылаются на пленных, которые работали на крестьянском дворе близлежащих деревень. Большинство из них были батраками. И тем не менее, их приглашали к общему столу вместе с членами семьи, во время еды произносили застольную молитву, сидели за одним кухонным столом и ели, хотя это было запрещено лагерным начальством. Часть жителей Зенны, преимущественно конфессионально настроенные люди, сочувственно относились к пленным. Из гуманистических соображений они осуждали варварское отношение к пленным, особенно возмущались в первое время тем, что пленные живут в чистом поле и не имеют бараков²⁹. Любопытный разговор между пленными и немцами передает в своих воспоминаниях Л.С. Манаенков: "Гитлер в последнее время мобилизует всех, кто еще может двигаться. Старые люди, среди них и те, кто в годы первой мировой войны были в русском плену. Они на собственном опыте знали, что такое война. Некоторые из них показывали нам фотографии своей семьи и говорили, что их сын погиб, а Гитлер - это дерьмо (Scheiße). Когда один товарищ спросил их, когда же закончится эта война, они ответили: если это произойдет завтра - хорошо, если это произойдет сегодня, еще лучше"³⁰. Так, работая порой бок о бок, люди ближе узнавали друг друга.

²⁷ Huser K. Otto R. Op. cit. S. 102.

²⁸ Ididem.

²⁹ 50 Jahre danach. S. 12-13.

³⁰ Protokoll Stukenbrock. S. 30.

Учреждения дополнительного образования и образование взрослых в системе национал-социалистической диктатуры

Проблема образования взрослых в Германии с исторической точки зрения обнаруживает ряд существенных пробелов. Так, в исторической литературе, посвященной проблеме народного образования в Германии, фактически выпадает период 1933 – 1945 годов. В публиковавшихся в последнее время в Германии работах о сущности воспитания в годы национал-социалистической диктатуры, об идеологических основах национал-социалистического образования, об образовании взрослых в народных школах было лишь несколько строк. До сих пор, по сути, не поставлена проблема роли и отношения участников процесса образования взрослых при национал-социализме, народного образования и национал-социалистического государства, процесса его преобразования и унификации.

Немногие замечания по этому поводу ограничиваются констатацией факта, что внезапный снос национал-социалистическим государством существовавших традиций образования привел к его преобразованию, централизации и унификации.

Это могут подтвердить следующие примеры. Бекер пишет: "После 1933 года не было больше возможно обретение образовательной самостоятельности и свободное решение и образование взрослых было растворено"¹. Блеттнер: "1933 год прервал усилия по формированию образования взрослых, которые были возобновлены лишь в 1945 году"². Эммерлинг подчеркивает в своем обзоре "50 лет народной школы", что фашистская эра ничего не внесла в систему образования взрослых, и характеризует ее в семи предложениях³. Несколько особняком стоит Плихт, который видит окончательное крушение традиций взрослого образования не с приходом нацистов к власти в 1933 году, а с началом второй мировой войны. При этом главную ответственность за крушение этой системы он возлагает на капиталистическую систему с ее кризисами и безработицей. Во втором издании монографии "Судьба народного образования в Германии" он ставит на первое место не проблемы народного образования в

¹ Hellmut Becker: *Erwachsenenbildung* // *Evangel. Staatslexikon*. Stuttgart; Berlin, 1966. S. 439.

² Fritz Blättner: *Volksbildungswesen* // *Evangel. Kirchenlexikon*. Göttingen, 1959. S. 1686.

³ Erich Emmerling: *50 Jahre Volkshochschule in Deutschland*. Berlin, 1953.

годы национал-социалистической диктатуры, а анализ и поиск ошибок системы народного образования в годы Веймарской республики⁴.

Народное образование в годы национал-социалистической диктатуры не проявляет никаких признаков самостоятельности. Оно является лишь составной частью запутанного национал-социалистического мировоззрения, а потому осознание и восприятие системы образования может происходить лишь в контексте нацистской идеологии. Эрхардт видит эту общую взаимосвязь мировоззрения, идеологии, воспитания и образования следующим образом: «Если рассматривать содержание, структуру и функцию того, что национал-социалисты называли мировоззрением, то под ним подразумеваются ключевые формы контроля над сознанием, под которым понималась пропаганда, воспитание и обучение. Конгломерат предубеждений, политических воззрений и псевдофилософских представлений национал-социалисты считали мировоззрением, нашедшим свое выражение в словах "общность", "раса", "вождь"... В тесной сцепке находились такие понятия, как кровь и почва, а также словосочетания - расовая воля, раса господ, народный товарищ, кровное сообщество, которые могли составлять бесконечное количество комбинаций для логичной идеологической структуры»⁵.

Воспитание и образование при национал-социалистах предполагало политическое засвидетельствование. Они были подчинены политической целевой установке стабильности национал-социалистического руководства в государстве. Из этого Гитлер выводит мысль, что "необходимо воспитывать всех немцев в духе национал-социалистического мировоззрения". Мировоззрение и воспитание четко выделялись в важнейшую политическую функцию, таким образом пропагандировалась политическо-воспитательная конечная цель. Неограниченный охват всех немцев к "национал-социалистическому разъяснению и обучению как в партии, так и в кругу приверженцев" делал при идеологическо-политической тотальности невозможность существования других мировоззренческих групп, что было характерно для демократических традиций в образовании Веймарского периода Германии.

Национал-социалистическое народное образование не имело никакого самосознания, что следовало из самих задач этой системы. Целью же воспитания в национал-социалистическом государстве было создание нового немецкого человека. Этой цели должны были совместно добиваться народные школы и прочие институты внешкольного воспитания и образования. При этом воспитание понималось так: 1) воспитание как "воспитание народа"; 2) воспитание как придание определенной формы членам общества посредством самого общества; 3) воспитание молодежи через влияние семьи и школьных преподавателей⁶.

⁴ Werner Picht: Schicksal der Volksbildung in Deutschland. 2. Auflage. Braunschweig, 1950.

⁵ Keim, Helmut / Dietrich Urbach: Volksbildung in Deutschland 1933 - 1945. 1976. S. 7

⁶ Otto Gohdes. Der neue deutsche Mensch // Der Schulungsbrief. 1934/7.

К основному пониманию национал-социалистического воспитания принадлежало "изживание" научно-рациональных дисциплин, создавая тем самым необходимые предпосылки для национал-социалистического мировоззрения. Вся воспитательная деятельность была направлена, в первую очередь, на физическую сторону, и лишь затем - на умственные способности; прежде всего образование должно было содействовать созданию характера, культивированию воли и решимости и только затем шло научное обучение.

Внедренная целевая установка и инструментарий, а также расистское ядро национал-социалистического воспитания ориентировали на воспитание руководителя, располагая к требованиям тотального контроля со стороны партии над любым человеком. Лишь по политическому весу, который отводился народному образованию, и по организации практической работы, она отличалась от других областей образования. Для сугубо специфических целей и заданий, отодвинутых систематической нацистской пропагандой и мировоззрением на второй план, оставалось в поле деятельности совсем немного места. Наряду с общественными функциями народного образования взамен отсеченных образовательных задач, функции сугубо образовательные определялись тем, что сама система представляла не чисто политический инструктаж, а органическую интеграцию образования и нацистской пропаганды.

Новые акценты для системы народного образования обозначились при присоединении и совместной работе с такими институтами нацистского государства, как "Немецкий трудовой фронт" и "Сила через радость". "Немецкий трудовой фронт" имел также социальный заказ, ориентированный на воспитание: "Высокой целью Фронта является воспитание всех работающих немцев в национал-социалистическом государстве и национал-социалистических институтах общества". Воспитание в рамках сообщества "Сила через радость" видело свою задачу в том, чтобы обосновать новую рабочую мораль. Сам глава "Немецкого трудового фронта" Р. Лей видел воспитательную задачу в посредничестве между национал-социалистическим мировоззрением, народной культурой и производственным процессом. Лейтлофф считал, что функции народного образования, тесно связанные с досугом, должны содействовать "переживанию, назиданию и радости". Из этого вытекает его понимание народного образования как воспитания в обществе: "Мы называем народом ту общность, которая является живым содержанием государства и которая естественно соединена посредством крови. Стало быть, народное образование - это обучение и воспитание этой общности"⁷.

В рамках всей национал-социалистической воспитательной работы народное образование выделялось как формирование досуга; мировоззренческое воспитание в школе; культурное обслуживание рабочих.

⁷ Reichsschulungsleiter Max Frauendorfer: Grundsätze des Nationalsozialismus // Der Schulungsbrief. 1935/7/4. Heft 7. S. 4.

Народное образование было как бы вырвано из политических и экономических условий, в частности, в начале войны оно продолжало формировать представление об идентичности немцев и национал-социализма. Лишь несколько позднее у него появились задачи повышения профессиональной квалификации.

На протяжении всех 12 лет национал-социалистической диктатуры ни воспитанию, ни пропаганде, ни обучению, ни народному образованию не были отведены предельно ясные функции, внутригосударственное распределение заданий. Постоянно соперничающие между собой лидеры НСДАП пытались увеличивать свою власть в государстве и партии, а поэтому в структурах подчиненных им, постоянно происходило изменение компетенции. При этом многочисленные заведения, отвечающие за воспитание, обучение, пропаганду и народное образование, совместно занимались лишь идеологическим оправданием режима и его задач. Хотя надо заметить, что неоднократно предпринимались попытки разграничить эти сферы (в большинстве случаев между ними различия были незначительными и пролегалли они между политической и педагогической практикой). С целью унификации, а также выравнивания и исправления деятельности народных школ в августе 1934 года имперский руководитель по обучению в НСДАП и в "Немецком трудовом фронте" начал отвечать в целом за проведение мировоззренческого обучения, воспитания и образования, а также образования в "Силе через радость". При этом закладывалась основа централизованной структуры народного образования: учебные программы "Силы через радость" в обязательном порядке должны были быть проверены в рейхсшлунгамт НСДАП, учителя сельских народных школ должны были пройти обязательное обучение и переподготовку, между центральными структурами народного образования и народными школами должны были быть руководители по вопросам обучения в гау (Gauschulungsleiter), которые организовывали процесс обучения и вели наблюдение за ним⁸.

В первые годы после прихода к власти нацистов обучение понималось гораздо шире, нежели до этого. Национально-политическое обучение должно было проводиться во всех сферах образования, досуга и отдыха. Как писалось выше, исходя из идеологии и мировоззрения национал-социализма обучение и народное образование были лишь частью воспитания народа в новых условиях. При этом чем шире распространялось понятие обучения, тем большее значение приобретала для национал-социалистического режима система народного образования. Само понимание обучения как придания человеку определенной формы, а народного образования как "мировоззренческого воспитания" определялась предписанием имперского организационного руководителя Лея от 26 октября 1936 года. Стоит отметить, это определение дополнил в 1938 году Розенберг, написавший, что обучение состоит не в воспитании 70 - 80 миллионов немцев, а в гораздо большем задании - в отработке и укреплении руково-

⁸ Otto Marrenbach, Die Gesamtheit der DAF. S. 339.

дящего корпуса, который должен дисциплинировать немецкую нацию. Из этого ясно следовало, что все обучение шло только под контролем партии и по ее запросам, важнейшим из которых являлось укрепление господства НСДАП⁹.

В связи с тем, что народное образование нередко вторгалось в компетенцию других учреждений и организаций, а вместе с тем идеологически и институционально разделялось пропагандой и обучением, в 1936 году на расширенном совещании главного управления образования (Hauptschulungsamt) и имперского руководства пропаганды НСДАП была предпринята попытка разделить их компетенцию. Пропаганда понималась как унификация оценок нации в целом по отдельным общественно-политическим вопросам, а обучение - как воспитание с педагогической точки зрения. Примечательно, что при этом для их воздействия брались различные социальные группы: если пропаганда - мировоззренческо-политическое воздействие на членов партии и ее структур, то обучение - на политических руководителей НСДАП, руководителей среднего и нижнего звена структур и союзов НСДАП.

С 1938 года происходит унификация нескольких моделей рабочих планов. Так, например, за образец одного из курсов был взят план зимы 1938/39 года, содержащий следующие темы: 1) история и политика; 2) сила народа; 3) здоровье нации; 4) народ в работе; 5) немецкая культура и духовная жизнь; 6) народное сообщество и родина; 7) мировоззрение. Данные темы прорабатывались докладчиками, лекторами и рабочими группами. Несмотря на то, что учреждения дополнительного образования взрослых нередко инспектировались и проверялись, точные данные о количестве слушателей невозможно установить, так как часть из них никак не регистрировалась. По имеющимся же данным, в 1937 году в Германии действовало 218 учреждений дополнительного образования взрослого населения, которые провели 18 573 мероприятия с 1 220 102 слушателями и участниками, на которых приходилось 6 787 преподавателей (из них более 70% работали на общественных началах и лишь 7 имели здесь полную ставку). На следующий год количество учреждений выросло до 325, мероприятий соответственно - 41 842, участников - 3 705 128, а преподавателей - 7 971. Интересен социальный состав слушателей данных учреждений: учащиеся - 1,9%, представители вермахта - 2,6, торговцы - 5, ремесленники - 6,5, чиновники - 9,8, рабочие - 18,4, служащие - 26,3, прочие - 29,5%¹⁰.

С началом войны работа по образованию взрослых начала значительно перестраиваться и интенсифицироваться. Теперь даже вермахт попадал в сферу задач учреждений народного образования. Вся работа народного образования теперь была направлена на моральную поддержку и оправдание войны: это стало важнейшим военным заданием. В предисловии к учебной программе зимнего сезона 1942/43 года гамбургских учебных заведений можно было прочитать:

⁹ Siehe Anm. 5.

¹⁰ Marrenbach, a a O. S.

"Мы живем в непоколебимой уверенности, что победа будет за нами. Достижение этой победы и есть важнейшая задача нашего времени". Во время войны учреждения народного образования ориентировались на возросшее количество обучающихся. Было ли это оправданным или пропагандистским трюком, сложно сказать. Так, окружное руководство образовательного отдела "Силы через радость" в Магдебурге издало документ с такими словами: "По рассмотрению статистики учащихся последних лет устанавливается возрастающее количество обучающихся по сравнению с последним мирным годом". По данным этого документа, в Магдебурге в 1938/39 году обучались всего 169 671 учащихся, в 1940/41 году – 386 812, а на 1941/42 год планировалось 900 000 учащихся¹¹.

Руководство НСДАП выражало самую глубокую озабоченность созданием на занятых Германией территориях системы немецкого народного образования. Подобные учреждения появились в Австрии сразу же после "аншлюса" в 1938 году. 3 декабря 1939 года в Праге (протекторат Моравия и Богемия) доктор Лей в присутствии имперского протектора данной территории фон Нейрата и гауляйтера Хенлайна открыл первое немецкое заведение народного образования. В Нидерландах и Дании о данных учреждениях должны были заботиться солдаты оккупационных сил и местные жители, которым предписывалось изучение немецкой культуры.

Взгляд на практическую деятельность национал-социалистического народного образования определяется отдельными сообщениями, рабочими программами, статистическими данными различных учебных заведений. Стоит заметить, что статистические данные о деятельности народных школ и других заведений народного образования существуют лишь в крупных городах, например в Гамбурге, Берлине. Так, если в Гамбурге зимой 1933/34 года число курсов в народных школах составляло в районе 70, то через 2 года - зимой 1935/36 года их стало 315. В тот же период выросло количество доцентов (преподавателей) с 70 до 406, а количество обучающихся претерпело почти трехкратный прирост - с 5 147 до 19 298. В Берлине число курсов в рамках 1933/34 учебного года составляло 656, в 1937/38 - около тысячи (их число фактически не сократилось даже в годы войны: в 1942/43 году - 921 курс). Число обучающихся так же неуклонно росло: в 1933/34 году - 20 000, 1937/38 году - 30 000, а в 1942/43 году - 35 000. Из этого числа обучающихся 57,8% посещали народные школы, а 40% - высшие народные школы. В половом составе учащихся незначительно преобладали мужчины - их число составляет 57,4%. Если посмотреть на социальный состав проходивших обучение, то большинство составляли служащие - 46,4%, рабочие же составляли всего 29%. Эта социальная структура слушателей соответствовала тому, что происходило в 1928 - 1933 годах в системе народного образования до прихода к власти нацистов, т.е. можно гово-

¹¹ Martin Broszat. Der Staat Hitlers, dtv-Weltgeschichte. Bd. 9. München, 1969. S. 192

рить, что после 1933 года социальный состав слушателей и обучавшихся фактически не изменился¹².

Гораздо большие изменения претерпела сама программа обучения. Так, наибольшее количество часов получили общественно-социальные предметы.

Показательно, что если в крупных промышленных городах доля мужчин, участвующих в обучении, ненамного превышала (иногда даже уступала, как, например, во Франкфурте на Майне, где на 2 014 мужчин, обучавшихся в 1938/39 году, приходилось 2 982 женщины) долю женщин, занятых в обучении, то в мелких городах или городах со слабо развитой промышленностью преобладание мужчин в процессе обучения было очевидным.

Вопреки стараниям национал-социалистов унифицировать и нивелировать все народное образование, в деятельности различных учреждений нередко встречались существенные различия. Существенное влияние при этом оказывали традиции, религиозная структура конкретного места и влияние партийного руководства на проводимый процесс.

Примером может служить основанное в 1878 году в Берлине традиционно независимое и лишь затем принудительно связанное с национал-социалистическим режимом такое учреждение народного образования, как Высшая народная школа Гумбольдта, которая ежегодно после 1933 года имела до 30 000 слушателей.

К началу зимнего учебного курса 1933 года учебная программа данного заведения претерпела на себе влияние национал-социалистического мировоззрения. Было провозглашено, что в связи с актуально стоящими вопросами нового государства в учебном расписании основное место будет уделено следующему: древнейшая и древняя истории, расовая проблема и т.д. Перестановки в учебной программе привели к размежеванию в среде доцентов между национал-социалистами, имевшими здесь значительное влияние, и людьми, несогласными с проводимой ими политикой. Не случайно, что именно Высшая народная школа им. Гумбольдта стала единственным учреждением народного образования, осуществляющим тесную связь с Национал-социалистическим союзом немецких студентов, и даже открыто призывавшим своих слушателей к вступлению в него. В нем не видели никакой разницы между студентом университета и слушателем Высшей народной школы. Более того, именно руководство данного заведения выступило в 1933 году с инициативой изменения структуры народного образования, благодаря чему народные школы отошли бы в периферийную образовательную область (данное мероприятие национал-социалистическое руководство стало проводить лишь несколько лет спустя). Преданность руководства этой высшей школы национал-социалистическому режиму с первого дня его становления еще ярче подчеркивает то, что в самом заведении не просто действовала официальная структура национал-социалистического союза немецких студентов, но она поставила своей целью

¹² Gerd Ruhle. Das Dritte Reich, - Das erste Jahr 1933. S. 334 f.

привлечь в союз как можно больше слушателей, состоящих в партии, СА или других партийных структурах. Но некоторое время спустя нацистское руководство унифицировало социальную деятельность своих структур и союз студентов прекратил свою деятельность в высшей народной школе им. Гумбольдта, да и вообще сведения о подразделениях союза студентов, действующих в учреждениях народного образования, более не встречаются. Вдобавок к этому после 1934 года руководство системы народного образования начало более нейтрально относиться к новому режиму, и даже в школе им. Гумбольдта возобладали неполитические нейтральные темы для обучения¹³.

Если вернуться к программе обучения, то стоит подчеркнуть, что до 1942 года количество прослушиваемых курсов и предметов постоянно росло, и лишь в 1943 году произошел своего рода переворот. Кризис данной системы был связан со следующими причинами: во-первых, старые преподаватели не могли выдерживать повышенных требований военного времени; во-вторых, воинская обязанность, боевые действия и прочее снизили количество слушателей на 30 – 40% от уровня довоенных лет. Это коснулось прежде всего курсов, связанных с иностранными языками, хозяйственно-экономическими проблемами. На курсах, имеющих общественно-политическое значение, количество слушателей, напротив, фактически не уменьшалось. Таковыми стали: философия, педагогика, археология, искусствоведение, риторика - они остались на уровне 1942 года.

В Берлине привлечением новых слушателей занимался лично профессор Армин, ректор Берлинского технического института, а с 1934 года по совместительству оберфюрер СА. Жители Берлина совместно с "Уранией" проводили свои конференции даже в военные годы, так, с апреля по июнь 1942 года состоялось несколько серий докладов и около 40 воспитательно-образовательных лекций. В зимнем сезоне 1943 года их количество составило: 10 самостоятельных лекций и 20 циклов докладов. Среди докладчиков выступали такие известные ученые, как профессор Макс Планк (доклад "Перспективы и границы точной науки"), профессор Фритц Клатт.

В связи с возрастающим контролем и консолидацией национал-социалистического режима к процессу деятельности народного образования подключились и промышленные предприятия. Так, в 1937 году при Л.Г. Фарбен (АЕГ) была создана народная производственно-образовательная структура. Но принципиальный перелом в данной ситуации произошел после весны 1941 года, когда с подобной инициативой выступили руководители предприятий Северной Германии. Данная инициатива получила одобрение в Берлине, так как ее можно было бы использовать в интересах геополитических задач, и уже к октябрю 1941 года в Германии существовало более 300 народных производственно-образовательных заведений. Деятельность структур народно-

¹³ Vgl. Walther Wallowitz: *Geformtes Volk. Gestaltung staatsbürgerlicher Erziehung*, Leipzig, o.J.

го образования на промышленных предприятиях оправдывалась тем, что каждый отдельный руководитель ответственен не только за работу, но и за уровень развития рабочих этого предприятия. Основными темами в деятельности данных заведений стали разговорные курсы и профессионально-ориентированная тематика¹⁴.

Тематика занятий в сельских народно-производительных структурах была инициирована задолго до 1933 года. Здесь на первое место встала проблема становления нового дворянства, новой аристократии - аристократии крови и почвы. В связи с тем, что крестьянство утверждалось национал-социалистическим руководством как своеобразная закрытая и неповторимая среда, то и суть образования в городских и сельских заведениях должна была различаться. Так, сельский вариант образования предполагал более широкое заимствование из натурфилософии¹⁵.

До 1933 года между университетами и народными школами не было никакой определенной связи, за исключением берлинских образовательных учреждений. И после 1933 года не было на этот счет никаких особых предписаний, но преподаватели высших учебных заведений лишь в единичных случаях являлись работниками народных школ.

Еще в 1935 году директор гамбургской высшей народной школы Хазельмайер призвал преподавателей высших учебных заведений к сотрудничеству, упрекая их в изоляционизме, боязни падения уровня науки из-за ее популяризации. По мнению Хазельмайера, преподаватели университетов и студенты старших курсов должны были активно проявить себя в системе народного образования на благо всего народа¹⁶.

Но тем не менее новая форма сотрудничества между высшими учебными заведениями и народными школами была определена лишь летом 1941 года во Фрайбурге. В связи с произошедшими изменениями в руководстве народного образования ректор фрайбургского университета профессор Зюсс принимал местное руководство над учреждениями народного образования. В материалах печати того периода подчеркивалось, что тесные связи между данными структурами существовали еще с 1933 года, а теперь преподаватели университета принимали на себя руководство по оформлению и составлению программ для учреждений народного образования.

После 1933 года образование взрослых религиозными организациями систематически ограничивалось со стороны государства и партии. Так, например, в мае 1933 года Католическая народная школа Рейн-Вестфальского промышленного района была преобразована в образцовое заведение женской национал-

¹⁴ Vgl. Die Bücherei 1937/7-8. S. 344.

¹⁵ Alfred Rosenberg. Die Schulung hat sich die höchsten Ziele zu stellen // Freiheit und Persönlichkeit. Reden und Vorträge anlässlich der Tagung der Gau- und Kreisschulungsleiter der NSDAP auf der Ordensburg Krössinsee vom 16. bis 24. Oktober 1938. München, o.J. S. 8

¹⁶ Heinrich Becker. Kampf um freie Volksbildung 1933 // Freie Volksbildung. 1933/1. S. 1 ff.

социалистической организации. Католическая народная школа в Берлине, основанная в 1923 году, была переименована в "Институт религиозного образования взрослых", где резюмировались прежние программы католических народных школ.

Интересен тот факт, что в короткий период после 1933 года еврейское народное образование получило широкое распространение. Так, зимой 1934/35 года Еврейский учебный дом в Берлине и Свободная еврейская народная школа предлагали для 50 рабочих групп серию докладов и лекций¹⁷.

После прихода к власти нацистов заочному обучению стало придаваться более глубокое значение. Заочное обучение обычно применялось в Третьем Рейхе на профессиональных курсах, в частности по техническим занятиям и при переподготовке на новую профессию. Кроме того, заочное обучение нередко проходили моряки, желавшие приобрести дополнительную профессию или навыки. С 1940 года заочное обучение начинает тесно связываться с деятельностью вермахта, в частности через "Учреждение профессионального роста", отвечавшее за заочное обучение солдат через почту. Заочное обучение было разделено на "Общеобразовательные основные курсы", "Общеобразовательные конструктивные курсы", "Специальные конструктивные курсы", а также на специальную, общественно-политически ориентированную часть. К сожалению, за отсутствием каких либо статистических данных в отношении воспользовавшихся заочным обучением нельзя восстановить их численность и динамику роста. В отношении заочного образования стоит так же добавить, что отдельные университеты, например Берлинский, достаточно тесно привлекались к деятельности заочного обучения. Так, многие студенты оказывались в службе полевой почты, чтобы они могли заниматься разработкой специальных научных тем и сюжетов, которые могли бы быть вставлены в курс заочного обучения¹⁸.

Таким образом, видно, что период нацистской диктатуры в отношении учреждений дополнительного образования вообще, и образования взрослых в частности, не был "двенадцатилетним вакуумом". Национал-социалисты, умело воспользовавшись недочетами, ошибками и трудностями, которые испытывали данные учреждения, сумели в кратчайшие сроки подчинить их НСДАП, ориентируя на выполнение задач, возложенных на них партией.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Fritz Laack. Illusion und Wirklichkeit der Volksbildung // Freie Volksbildung. 1933/ 5-6. S. 261.

Об особенностях религиозно-политической ситуации в поздневикторианской Англии

Религия занимала одно из центральных мест в викторианскую эпоху, получившую свое название по имени английской королевы Виктории, правившей с 1837 по 1901 год. Британские историки справедливо полагают, что "общественное сознание викторианцев было религиозным" и именно религия, а не язык, выполняла роль хранителя культурных ценностей и национальной идентичности¹.

Религиозная ситуация в Британии отличалась сложностью и неоднозначностью. Со времен Генриха VIII англиканство заняло господствующее положение среди других протестантских верований, не вошедших в систему государственной церкви. Религиозные течения, не признавшие "39 статей" англиканского символа веры, с начала правления королевы Виктории получили название нонконформисты, или диссентеры, а в конце XIX века - "свободные церкви". Крупнейшими течениями среди них были конгрегационалисты, баптисты, методисты, внутри которых также существовали различные группировки (в методизме, например, выделялись узслианцы, примитивные методисты, пользовавшиеся большой симпатией рабочего класса, библейские христиане, протестантские методисты и др.)². Не было единства и в государственной (англиканской) церкви, где с конца XVII века обозначились два течения: "высокая церковь", тяготеющая к католицизму, и "низкая церковь", сохранявшая протестантские традиции в англиканстве. Высокоцерковники, которых еще называли англо-католиками, были представлены протестантской церковной аристократией и разделяли основные догмы государственной церкви, а в политическом отношении имели тесные связи с консервативной партией. Низкоцерковники, хотя и входили в государственную церковь, не придавали ее институтам слишком большого значения, требовали равноправия для диссентеров и видели в Библии единственный источник христианства. В политическом отношении они были склонны поддерживать вигов, пока с середины XIX века не вылились в более умеренное течение "широкой церкви"³.

¹ Religion and Political Culture in Britain and Ireland. L., 1995. P. 175.

² Подробнее о различных течениях протестантизма и группировках внутри них см.: Bebbington D.W. Victorian Nonconformity. L., 1992.

³ Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993. С. 80.

Борьба за равенство в религиозной сфере велась на протяжении большей части XIX века. Хотя Актами 1828 и 1829 годов все протестантские деноминации и католики уравнивались в гражданских правах, а вигские кабинеты в 1830-х годах провели ряд реформ, лишивших англиканскую церковь ее безоговорочного господства, последняя вплоть до конца 1860-х годов сохраняла ведущую роль в распределении государственных субсидий на образовательные цели, содержалась населением за счет церковного налога, имела значительное влияние на местах посредством системы патронажа.

Прошрое столетие отмечено тесной связью религии и политики. Особенно это проявилось с последней трети века, в так называемую поздневикторианскую эпоху. Религиозную политику либеральной партии во многом определял ее лидер Вильям Гладстон. Он начинал политическую карьеру, следуя семейной традиции, в рядах консерваторов, занимал посты в торийских кабинетах Р. Пиля. После раскола консервативной партии по вопросу о свободной торговле (1846 г.) Гладстон вслед за Пилем вышел из рядов тори, в середине столетия в числе немногих пилитов стал служить в коалиционных правительствах Г. Пальмерстона, пока не сменил Дж. Рассела на посту лидера либеральной партии, став одной из наиболее почитаемых в ее истории фигурой. Обучаясь в Итоне, а затем Оксфордском университете, Гладстон первоначально намеревался стать священником, пока не сделал окончательный выбор в пользу политической деятельности. Но религия оставила большой след в мировоззрении "народного Вильяма": все свои политические шаги он соизмерял с морально-религиозными нормами, что отчетливо видно из его переписки⁴. В. Гладстон никогда не был ортодоксом ни в религиозных вопросах, ни в политике, что позволило ему совершить нетрадиционную эволюцию от консерватизма к радикализму, от "консерватора-высокоцерковника к либералу-католику"⁵. Викторианский либерализм был тесно связан с неконформизмом, и именно благодаря Гладстону диссентеры смогли установить тесный политический союз с либеральной партией, который пришелся на 1870 - 1880-е годы, а его отставка с поста премьер-министра фактически предопределила утрату роли неконформизмом ведущей религиозной и общественно-политической силы общества.

Религиозно-политическую ситуацию в поздневикторианской Англии определяли три основных вопроса: отделение церкви от государства, реформа образования и борьба с ритуализмом внутри англиканской церкви. Одним из первых законов, принятых кабинетом Гладстона в 1868 году, стало отделение церкви от государства в Ирландии. При разработке билля об отделении премьер-министр опирался на радикальное крыло либеральной партии; определенное влияние

⁴ Correspondence on Church and Religion of William Ewart Gladstone. 2 vols. L., 1910.

⁵ Butler P. Gladstone, Church, State and Tractarianism. A Study of his Religious Ideas and Attitudes, 1809-1859. Oxford, 1982. P. 1.; Wolffe J. God and Greater Britain. Religion and National Life in Britain and Ireland 1843 - 1945. L.; N.Y., 1994. P. 132.

оказала деятельность неконформистского Общества освобождения⁶. Оппозицию законопроекту составили консерваторы, а также вигское крыло либеральной партии, представители которого были крупными землевладельцами Ирландии и получали часть доходов англиканской церкви⁷. При обсуждении законопроекта в верхней палате консерватор лорд Хэрроби дальновидно заметил, что "билль не был чисто ирландским вопросом, а стал частью кампании, организованной против англиканской церкви"⁸.

Закон вызвал неоднозначную реакцию в британских религиозных и общественно-политических кругах. Хотя англиканская церковь в Ирландии сохраняла гораздо больший доход, чем первоначально предусматривалось премьер-министром, она лишалась церковной десятины, значительных земельных держаний, уравнивалась в правах с католической и протестантской, что символизировало первый разрыв в цепи взаимоотношений церкви и государства. Сторонники данного закона рассматривали его как первый шаг, за которым последуют аналогичные в отношении церкви Англии и Шотландии. Подобные настроения повлияли даже на традиционных защитников англиканства. В частности, либерал лорд Кларендон отмечал, что "государственная церковь в Англии просуществует не более чем до конца нынешнего (т.е. XIX в. - С.Т.) столетия"⁹. Даже ряд церковных иерархов были весьма пессимистично настроены в отношении будущего англиканской церкви. Декан Кентерберийский, либерал Г. Альфорд на страницах журнала "Контемпорари ревью" заявлял о неизбежности суверенитета церкви от государства: "Среди нас вряд ли найдется хоть один влиятельный человек, который надеется на то, что государственная церковь будет существовать в следующем столетии"¹⁰. Несмотря на мнение архиепископа Тэйта, оптимистично заявлявшего в 1880 году, что "с моего детства ... англиканская церковь успешно преодолевала все кризисы, что будет делать и в будущем"¹¹, часть англиканских священников полагала, что идея христианской церкви может быть реализована только независимо от контроля светского государства.

Вопрос об отделении церкви от государства был одним из ведущих в политической жизни страны вплоть до конца первой мировой войны, но имел различную степень остроты внутри Соединенного королевства и в этом временном

⁶ Общество освобождения было создано конгрегационалистом Э. Майзлом в 1844 г., но первоначально оно носило другое название: "Ассоциация антигосударственной церкви", которая вела борьбу за отделение церкви от государства в Англии.

⁷ Подробнее о выработке билля см.: Machin G.I.T. *Politics and the Churches in Great Britain* 1869 - 1921. Oxford, 1987. P. 22-31; McDowell R.B. *The Church of Ireland. 1869 - 1969*. L., 1975. P. 26-50.

⁸ Цит. по: Machin G.I.T. *Op. cit.* P. 23.

⁹ Ibid. P. 1.

¹⁰ *Contemporary Review*. IX. Sept.-Dec. 1868. P. 165.

¹¹ Цит. по: Machin G.I.T. *Op. cit.* P. 2.

промежутке. Пик борьбы пришелся на период между избирательными кампаниями 1880 и 1885 годов, когда в либеральном лагере практически не осталось сторонников англиканского духовенства. Члены Общества Освобождения, пытаясь распространить движение за отделение церкви от государства на другие части Королевства, развернули с 1871 года массовую агитацию¹², а в 1878 году подготовили билль о лишении англиканской церкви в Британии статуса государственной. В "Радикальную программу" Дж. Чемберлена (1885 г.), лидера одного из влиятельных течений в либеральной партии, вошло требование об отделении. Но в результате ослабления либеральной партии после раскола в 1886 году движение за отделение в Англии потеряло остроту и постепенно сошло на нет.

В Шотландии, где государственной была не англиканская, а пресвитерианская церковь, борьба за отделение стала частью общебританского движения и велась по инициативе "свободных церквей"¹³. Хотя она так и не увенчалась успехом, государственной церкви был создан сильный противовес в виде двух диссентерских образований - Свободной церкви и Объединенной пресвитерианской церкви, которые в 1900 году создали новое объединение - Объединенная свободная церковь, серьезно соперничавшее в последующее десятилетие с государственной. Лишь Уэльс смог добиться позитивного решения этой проблемы в годы первой мировой войны.

В рамках движения за отделение ряд диссентеров выступал за религиозное равенство, которого, несмотря на ранее принятые законы, на практике в ряде областей Англии и Уэльса так и не существовало. Они требовали упразднения религиозных экзаменов в университеты, свободы совершения обрядов погребения, бракосочетания, расширения светской системы образования.

Реформа образования стала другим важным вопросом политической жизни поздневикторианской Британии. С 1860-х годов в стране развернулось мощное движение за введение национальной системы обязательного начального образования. Поскольку 80% всех начальных школ находились под контролем англиканской церкви, этот вопрос был тесно связан с ликвидацией религиозного неравенства. Наиболее активные сторонники реформы – неконформисты - по инициативе Дж. Чемберлена создали в Бирмингеме в 1869 году Национальную лигу образования, члены которой выступали за обязательное, бесплатное, т.е. финансируемое государством, свободное в религиозном отношении обучение, находившееся под контролем общества. Эта организация, поддерживаемая радикалами, тред-юнионами, неконформистами и либеральными англиканами,

¹² Это предопределило создание общественно-политических организаций, оказывающих поддержку англиканской церкви. Среди последних назовем Институт защиты церкви (1871), издававший ежемесячную газету "Национальная церковь" и фактически не уступавший по доходам Обществу, ряд местных организаций в Манчестере, Йоркшире.

¹³ Зверева Г.И. Протестантская церковь Шотландии // Очерки истории западного протестантизма. М., 1995. С. 147-149.

сразу же стала пользоваться большим влиянием и уже в конце следующего года имела более ста отделений в различных городах. В противовес ей в Манчестере был создан Национальный Союз образования, который выступал за сохранение добровольных школ, существующих на пожертвования отдельных деноминаций и финансируемых за счет местного школьного налога, а также против идеи свободного в религиозном отношении образования. Союз объединил консерваторов-англикан, католиков и ряд неконформистов-либералов.

В результате в 1870 году либеральным министерством В. Гладстона был подготовлен компромиссный закон об образовании, просуществовавший до 1903 года. В статье 25, которая вызывала наибольшие дискуссии с обеих сторон, наряду с государственными школами, создаваемыми по рекомендации специальных школьных комитетов и финансируемыми государством, сохранялись деноминационные школы, существовавшие на добровольные пожертвования¹⁴. Таким образом, принцип обязательного светского образования был реализован в законе лишь частично. Чтобы снять недовольство неконформистов, правительство Гладстона в 1871 году приняло закон о полной отмене религиозных экзаменов в университет на знание англиканских догм. Эта проблема, обсуждаемая британским обществом с 1834 года, получила свое логическое завершение. Теперь неконформисты и католики получили доступ в три крупнейших университета страны: Оксфорд, Кембридж, Дарем.

Двойственный характер реформы начального образования предопределил борьбу за ее изменение в последующие три десятилетия. Консервативное правительство Б. Дизраэли подготовило в 1876 году новый закон об образовании, который отменял ст. 25 прежнего Акта, вводил государственные субсидии добровольным школам и провозглашал обязательность начального образования в ряде частей страны. Последнее предложение вызвало недовольство неконформистов: при сохранении добровольных монорегиозных учебных заведений многие из них были вынуждены обучать своих детей в англиканских школах, составлявших подавляющее большинство в образовательной системе. Закон 1876 года не решил проблему добровольных школ: в них по-прежнему существовало лишь начальное образование, а недостаточность финансирования не позволяла им конкурировать с государственными школами, в распоряжении которых имелись лучшие здания, более широкий набор дисциплин, высокие учебные стандарты.

Новый всплеск борьбы неконформистов за образовательную реформу пришелся на 1888 год, когда специальная королевская комиссия по начальному образованию предложила увеличить государственную поддержку добровольным школам. Боявшиеся усиления англиканства диссентеры создали Ассоциацию национального образования, которая вслед за Лигой образования увязывала государственную помощь добровольным школам с жестким общественным

¹⁴ Babbington D.W. The Nonconformist Conscience: Chapel and Politics 1870 - 1914. L., 1982. Ch. 7.

контролем за ними. В результате консервативное правительство Р. Солсбери, боявшееся потерять поддержку либерал-юнионистов во главе с Дж. Чемберленом, отвергло предложения комиссии.

После отменены платы за обучение в Шотландии в 1889 году сторонники государственного образования повели борьбу за проведение соответствующих актов в Англии и Уэльсе. В мае 1891 года консервативное правительство внесло в парламент билль, предлагавший дополнительное государственное финансирование в размере 10 шиллингов (50 пенсов) на каждого школьника в возрасте с 5 до 14 лет, т.е. фактически бесплатное начальное образование. (Обязательное образование детей с 5 до 11 лет было введено вторым кабинетом В. Гладстона в 1880 г.) Нонконформисты, всегда противившиеся государственному финансированию добровольных школ, заявляли, что это грозит "заменой церковной десятины школьным налогом"¹⁵. Своеобразным итогом борьбы диссентеров за школьную реформу стал закон Бальфура 1902 года. По нему государственное финансирование было распространено на средние школы, школьные комитеты упразднены, а контроль над начальной школой перелagался на советы графств и ряд крупных городских советов. Под давлением нонконформистов и либералов принцип государственного финансирования монорелигиозных школ дополнялся передачей контроля над образовательным процессом от лиц духовного звания специальному совету управляющих, куда входило значительное число светских лиц¹⁶.

Защита англиканской церкви была тесно связана с идеей ее реформирования. В 1870-е годы возникли ряд политических организаций, которые предлагали провести в рамках установленной церкви те или иные реформы - в частности, Союз реформы церкви (1870) предлагал увеличить полномочия прихожан, реформировать систему патронажа. Реформа англиканской церкви была многоаспектной: она включала расширение самоуправления церкви, прав прихожан в церковных советах, реформирование системы патронажа при назначении на духовные должности, увеличение финансовой поддержки церковно-приходским школам. В решении ряда этих проблем был достигнут определенный успех. Например, проблема отмены или реформирования системы патронажа вынашивалась в течение 30 лет и обсуждалась как внутри англиканской церкви, так и за ее пределами. Особую актуальность она приобрела для церкви Шотландии. В 1868 году представители Генеральной ассамблеи церкви Шотландии попытались убедить премьер-министра В. Гладстона провести соответствующий закон, но безуспешно. Либеральное правительство тогда было более заинтересовано в ослаблении англиканской церкви путем ее отделения от государства, нежели в укреплении за счет реформирования системы патронажа. И лишь новое консервативное правительство Б. Дизраэли отменило патронаж в

¹⁵ Ibid. P. 182.

¹⁶ Науменков О.А. Очерки политической истории поздневикторианской Британии. Роберт Солсбери и его время. Уфа, 1996. С. 99.

1874 году, а в 1898-м премьер-министр Р. Солсбери принял соответствующий декрет для Англии¹⁷. Проведение этих реформ было связано с активизацией движения за отделение англиканской церкви от государства.

При поддержке либералов неконформисты добивались также разрешения совершать обряды погребения на приходских кладбищах по собственному ритуалу. В марте 1877 года консервативное правительство внесло билль, разрешающий лишь похороны диссентеров без молитвенных книг и священнослужителей. Р. Солсбери, опасавшийся, что дальнейшие уступки могут привести к отделению, прокомментировал причину отказа следующим образом: "Если меня будет преследовать лев, то он не удовлетворится только одной съеденной ногой"¹⁸. Лишь второй кабинет Гладстона в сентябре 1880 года принял поправку к "Закону о погребении", названную британским исследователем Маршем "последней и главной политической победой воинствующих диссентеров в Британии"¹⁹. Отныне неконформистам разрешалось производить захоронения на приходских кладбищах.

Необходимость проведения реформы англиканства осознавалась рядом течений внутри церкви, а не только диссентерами. Этот вопрос был тесно связан с борьбой против ритуализма, являвшимся третьим важным религиозно-политическим вопросом последних десятилетий прошлого века. Его истоки восходят к 1840-м годам, когда внутри государственной церкви возникло течение тракторианцев, выступавшее за усиление ее обрядовой стороны. Через два десятилетия ритуализм стал одним из ведущих течений англиканства, оставаясь таковым до 1930-х годов. Сторонники ритуализма выступали за введение католического церемониала и облачения, возрождение исповеди, вынашивали идею основания конвентов и монастырей, практиковали "6 пунктов" в литургии. Последние, названные британским исследователем Н. Йатсом "своеобразной хартией англо-католицизма"²⁰, включали причащение на восток при полном облачении; смешивание воды с вином, использование зажженных свечей на алтаре, недожженого хлеба при причастии, ладана во время службы. Для защиты ритуалистской практики в мае 1860 года был образован Союз англиканской церкви, состоявший из служителей церкви и мирян. Через 5 лет после образования он располагал 47-ю местными отделениями и насчитывал 2 300 членов, а в 1876 году число сторонников достигло почти 14 тыс. человек²¹.

¹⁷ Machin G.I.T. Op. cit. P. 230-232.

¹⁸ Parry J.P. Religion and the Collapse of Gladstone's First Government, 1870 - 1874 // Historical Journal. 1982. N 25. P. 75.

¹⁹ Marsh P. The Victorian Church in Decline: Archbishop Tait and the Church of England, 1868 - 1882. L., 1969. P. 262.

²⁰ Yates N. The Oxford Movement and Anglican Ritualism. Historical Association, 1983. P. 26.

²¹ Machin G.I.T. Op. cit. P. 4-5.

Проблема растущей опасности ритуализма обсуждалась в последней трети XIX века британским парламентом и церковным Синодом. В мае 1873 года юридическая комиссия Тайного совета запретила практику ритуалистов, после чего последние стали выступать за отделение церкви от государства. Позиция нонконформистов по отношению к ритуализму была двойственной: с одной стороны, являясь сторонниками евангелизма, они отвергали его как религиозную практику, но с другой - понимали, что деятельность ритуалистов ослабляет англиканство, и в этом плане их цели совпадали. Угрозу ритуализма англиканской церкви понимал архиепископ Тэйт. С одобрения королевы и при его активном участии в 1874 году консерваторы подготовили билль "О регулировании общественного богослужения". Именно Тэйт предложил внести в него умеренное требование: создать в епархиях специальные органы, состоявшие из равного числа священнослужителей и прихожан, для помощи епископам в разрешении проблемы церемониала²². Соответствующий закон предусматривал введение в епархиях института судей, которые могли рассматривать жалобы о незаконности литургий и выносить окончательные решения вплоть до лишения должности главы прихода. Тэйт оптимистично заявлял, что данный Акт унифицирует англиканскую церковь, предотвратит попытки ее дальнейшего отделения и таким образом "станет еще одной мирной революцией, которыми славятся британцы"²³. Закон, вступивший в силу 1 июля 1875 года, вызвал резкую реакцию тори, ряда либералов-высокоцерковников и активизировал требование отделения англиканской церкви от государства. В марте 1876 года в журнале "Фортнайтли ревью" сообщалось, что "развитие ритуализма вдохновляет тех, кто был до настоящего времени безразличен к проблеме освобождения"²⁴. Таким образом, консерваторы, боровшиеся за укрепление церкви, получили обратный эффект.

Эволюция социальной базы нонконформизма, раскол партии либералов в 1886 году, лидирующие позиции консервативной партии в партийной политике конца столетия предопределили снижение общественной остроты проблем отделения, образования и ритуализма, которые вылились в чисто парламентские споры.

Взаимодействие политики и религии в последней трети XIX века было двусторонним и выражалось, с одной стороны, в том, что религиозные проблемы приобретали политическую окраску и часто находились в центре политических дискуссий (ритуализм), активизировали электоральную активность англиканских священников, нонконформистских министров, учителей воскресных школ. С другой - в обсуждении политических вопросов активно участвовали ведущие представители религиозных течений (гомруль), наблюдалось явное партийное размежевание протестантов и католиков, стремление их основать

²² Подробнее о прохождении билля см.: Machin G.I.T. Op. cit. P. 70-86.

²³ Ibid. P. 78.

²⁴ Ibid. P. 94.

политические группы и организации. Последние, носившие как монорелигиозный (например, Союз Англиканской церкви, Католический союз Великобритании), так и межденоминационный характер (Общество освобождения, Ассоциация антигосударственной церкви), занимались активной политической деятельностью: предвыборной регистрацией, работой с избирателями, обсуждением законопроектов в парламенте.

Однако это взаимодействие было неоднозначным. Религиозные движения и группировки, имевшие четко очерченные планы, редко вступали в соглашения с политическими. Нонконформисты, к примеру, приветствовали поддержку ритуалистами отделения церкви от государства, но не могли блокироваться с ними по этому вопросу из-за серьезных расхождений в религиозных доктринах и практике. Либеральные идеи ряда высокоцерковников привлекали нонконформистов, но камнем преткновения было желание первых сохранить государственную церковь. Религиозное размежевание не совпадало с политическим: противники ритуализма находились в рядах как консервативной, так и либеральной партий, а нонконформистское требование отделения церкви от государства не было "либеральным", так как вигское крыло партии всегда было ему оппозиционно. Учитывая особенности формирования консервативной и либеральной партий, заметим, что первая была более однородной в религиозном отношении и на 90% (по данным 1911 г.) состояла по вероисповеданию из англикан. Либеральная партия, изначально имевшая коалиционный характер и включавшая вигский (аристократический), радикальный (буржуазный) и центристский компонент, была столь же многообразна в религиозном отношении. Но составлявшие костяк партии политические диссентеры никогда не помышляли о создании своей собственной организации, справедливо полагая, что, выступая вместе с либералами, они получают больше преимуществ, чем выступая против них. Всегда чисто тактических соображений придерживались ирландские католики, поддерживавшие либералов в вопросе о гомруле и блокировавшиеся с консерваторами в желании сохранить добровольные школы.

В целом партии либералов и консерваторов в последней трети прошлого столетия были неконфессиональными организациями; религиозные вопросы никогда не были основополагающими в их политических программах, куда они включались из чисто тактических соображений привлечения электората для победы на выборах и не имели под собой серьезного теоретического фундамента. Этим можно объяснить тот факт, что движение за отделение церкви от государства нашло логическое завершение лишь в Ирландии и Уэльсе и сошло на нет в Шотландии и Англии. Гораздо более осторожная, продуманная и согласованная политика с нонконформистами стала проводиться консервативными лидерами (в частности, Р. Солсбери) после вступления в партию тори либерал-юнионистов. Наконец, даже в период своего наибольшего влияния на либе-

ральную партию, неконформисты никогда не допускались к принятию окончательных решений²⁵.

Заметной тенденцией в последнее десятилетие XIX века стало и постепенное снижение религиозного компонента в партийной политике, что можно объяснить целым рядом обстоятельств. Прежде всего, назовем численный рост, увеличение политического влияния и институциональное оформление рабочего класса. Ритм жизни рабочих значительно отличался от того, который предлагался традиционными религиозными институтами. Гораздо большим влиянием среди них пользовалась не государственная церковь, а католицизм (особенно среди ирландских рабочих-иммигрантов), примитивные методисты, Армия спасения и другие мелкие секты.

Политические организации рабочих и образованная в 1900 году лейбористская партия приоритетное внимание уделяли социальным и экономическим проблемам. Один из лейбористских членов парламента в связи с этим заявил: "Рабочие больше заинтересованы не в молитвенной книге, а в налоговой"²⁶. Как это ни парадоксально, но образование лейбористской партии окончательно свело на нет вопрос об отделении церкви от государства в Англии.

Другим обстоятельством стало дальнейшее развитие процесса секуляризации. Появление новых форм досуга викторианцев (скачки, музыкальные фестивали и т.д.) сокращало количество посещающих церковь. Если в середине XIX века число прихожан росло пропорционально увеличению количества населения, то к концу столетия последняя тенденция стала преобладать, и ряд ведущих протестантских деноминаций ощутил снижение своего влияния среди мирян. Хотя отметим, что процесс уменьшения заинтересованности средних классов в религии не повлиял на кризис церкви. В Уэльсе в 1904 – 1905 годах наблюдалось своеобразное религиозное возрождение. В англиканской и ряде неконформистских церквей на рубеже веков происходило лишь сокращение количества посещающих церковь при одновременном росте священнослужителей (священников и министров), по числу которых в пропорции к прихожанам Англия занимала второе место в мире после Испании²⁷. Церковь в Англии сохраняла влияние и популярность до 1920-х годов.

Обратной стороной растущего индифферентизма к религиозным проблемам стало увеличение интереса поздневикторианского общества к социальным реформам, что заставило церковных иерархов также обратиться к ним²⁸. В 1883 году министры конгрегационалистской церкви опубликовали ставший сразу же знаменитым памфлет "Горький плач лондонских бездомных", а со следующего года стали организовываться религиозные поселения в лондонских

²⁵ Babbington D.W. The Nonconformist Conscience. P. 156.

²⁶ Цит. по: Garbett C. Church and State in England. L., 1950. P. 215.

²⁷ Read D. The Age of Urban Democracy. England 1868 - 1914. L.; N.Y., 1979. Ch. 5; Wolfe J. God and Greater Britain. P. 64-70.

²⁸ Babbington D.W. The Nonconformist Conscience. P. 38-45.

трущобах, число которых к началу первой мировой войны достигло 40. В 1889 году англикане основали Христианский социальный союз, а в 1906-м - Церковную социалистическую Лигу. Существовали социалистические ассоциации в других деноминациях. В 1891 году Конгрегационалистский союз Англии и Уэльса сформировал комитет по социальным вопросам, который сотрудничал с лейбористскими членами парламента по вопросам социальных улучшений в обществе²⁹. Особой популярностью пользовалась Армия спасения, уделявшая особое внимание социальным проблемам. Образованная в 1878 году У. Буттом, она за короткий промежуток времени испытала необычайный численный рост. Социальные проблемы отодвинули на второй план религиозные споры в английских церквях, а растущий интерес к ним приводил к созданию межденоминационных союзов (в 1870 г. создана Ассоциация, включавшая уэслианских методистов и англикан), которые в силу религиозных и политических различий были скорее исключением из правил.

С окончанием викторианской эпохи, по верному замечанию Дж. Вульфа, закончилась "религиозная политика XIX века. Она уступила место классовой политике нового столетия"³⁰. В этот новый период политической истории страны либеральная партия, провозгласившая себя надклассовой силой, потеряла лидирующие позиции в партийно-политической системе Великобритании.

²⁹ Norman. Church and Society in England, 1770 - 1970. Oxford, 1976. P. 161-166, 221-260.

³⁰ Wolfe J. Op. cit. P. 139.

Армия Крайова: финал истории

История польского некоммунистического движения Сопротивления является особенным, если не уникальным явлением, ибо, возникнув в условиях второй мировой войны, оно вышло за ее рамки. С 1939 по 1944 год оно прошло два этапа своего развития, с точки зрения внутренней организации. В эти годы из разрозненных подпольных групп, ставивших целью борьбу как с немецкими, так и с советскими оккупантами, оно преобразовалось в строгую централизованную организацию, подчиняющуюся лондонскому эмиграционному правительству, Армию Крайову (АК). Организация вплоть до 1944 года, за небольшими исключениями, дистанцировалась от активной боевой деятельности, имея своей главной задачей подготовку финального вооруженного восстания при поддержке западных союзников. Но в обстановке быстрого развития советского наступления в 1944 году и выхода Красной Армии на «восточные территории» Польши руководство АК начало активное внедрение плана «Буря», включавшего превентивные удары отрядов подполья по немецким подразделениям на Восточном фронте, освобождение польских городов до подхода советских войск и установление в них власти лондонского правительства. Однако предполагавшееся в плане взаимодействие с Красной Армией без подчинения ее командованию не удалось установить, а аресты руководства восточных округов АК привели операцию к фактическому провалу. Последней, самой крупной и трагической попыткой осуществить данную тактику явилось Варшавское восстание (1 августа – 2 октября 1944 г.), которое вынудило отказаться от стратегии всеобщего восстания и поставило под вопрос дальнейшее продолжение борьбы в рамках планов, выработанных до этого.

С началом плана «Буря» главной проблемой, стоявшей перед лондонским подпольем, была уже не столько борьба с немецкими оккупантами - освобождение страны советскими войсками выглядело ближайшей перспективой, - сколько с той властью, которая установится в результате этого в Польше. Попытка политического утверждения власти Лондона в столице провалилась, поэтому Армия Крайова должна была уйти в новое подполье. С политической точки зрения, новая конспирация была вызвана естественным негативным отношением советского военного командования к польским независимым формированиям в своем тылу.

Директива ставки Верховного Главнокомандования советскими войсками на территории Польши от 31 июля 1944 года определяла мобилизацию, проводимую не относящимися к Польскому Комитету Национального Освобождения организациями, незаконной (отсюда незаконны и формирования, не иницииро-

ванные ПКНО)¹. Командующий 1-м Белорусским фронтом К. Рокоссовский 2 августа 1944 года приказал включать подразделения АК в 1-ю польскую армию З. Берлинга, несогласных с этим ("имеющих в своем составе немецких агентов") немедленно разоружать. Командный состав АК подлежал обязательному интернированию².

Разоружаемые солдаты АК проявляли естественное недовольство действиями советских властей, в некоторых случаях отдельные отряды превентивно реконспирировались, уходя таким образом от интернирования³.

Какова была реакция руководства АК? 16 августа 1944 года генерал Т. Коморовский приказал комендантам округа Новогрудок осторожно идти на переговоры с советским командованием. Отряды АК подлежали объединению в дивизии и концентрировались в удобных для обороны районах; в случае разоружения они должны были оказывать сопротивление. Армия Крайова в районах, занятых Красной Армией, должна была переходить к подпольной работе, всячески противодействовать мобилизации своего состава в армию З. Берлинга и советские части, но воздерживаться от прямого вооруженного выступления против Советов⁴. Таким образом, было положено начало нового этапа развития подполья, предпосылки которого появились еще на последнем этапе Варшавского восстания.

1 октября 1944 года, за день до подписания повстанцами капитуляции, заместитель командующего АК Л. Окулицкий по приказу Т. Коморовского покинул Варшаву и принял общее командование конспирацией. В подчиненном ему штабе он выделил узкую группу, которая с этого времени базировалась южнее, в Ченстохове⁵. В его распоряжении оставались еще значительные резервы АК, которые либо не участвовали в военных действиях, либо сумели эвакуироваться из столицы.

Официально переход подполья в новую фазу определяли директивы лондонского центра Л. Окулицкому от 14 – 18 ноября 1944 года Армия Крайова подлежала реорганизации в особую конспиративную сеть, организацию "Не" ("Независимость") для борьбы против советских оккупантов, за восстановление суверенитета Польши⁶. В соответствии с этим предполагалось распустить конспиративные и партизанские отряды Армии Крайовой и сохранить "основную сеть ячеек совершенно конспиративных", опирающуюся на прежнюю политическую организацию и систему руководящих органов Армии Крайовой. В основные задачи этих ячеек включалось поддержание в обществе "идей независимости в Польше", доставка лондонскому правительству сведений прежде

¹ Русский архив. Великая Отечественная. М., 1994. Т. 3. С. 332.

² Там же. С. 335.

³ Там же. С. 339-340.

⁴ Armia Krajowa w dokumentach (AKD). L., 1976. Т. 4. S. 123-124.

⁵ AKD. Т. 5. S. 39.

⁶ Ibid. S. 139-141.

всего политического характера; посредничество в оказании материальной помощи на территории страны через организацию “общественной самопомощи”, при необходимости - самооборона⁷. Контингент ячеек “Не” сужался по сравнению с АК, а новый набор проводился с большой степенью осторожности, какой не было даже в годы советской оккупации.

В связи с новыми условиями бывшие аковцы должны были возвратиться к мирной профессиональной деятельности, которая “не является противоречием требованиям национального достоинства, поскольку не связана с политической деятельностью, направленной против независимости страны”⁸.

Директивы предполагали возможность плановой организации проникновения пропагандистских работников в армию, администрацию, органы безопасности “народной власти”, в том числе для предотвращения или смягчения деятельности последних в отношении польского общества. Предписывалось не пренебрегать возможностью уклонения от прописки или призыва в Войско польское, подчиненное ПКНО; отказаться от сопротивления в открытой форме, которое провоцирует уничтожение “ценнейшего элемента общества”, т.е. прежде всего специалистов и молодежи⁹.

19 января 1945 года Л. Окулицкий подписал приказ о роспуске Армии Крайовой. Документ констатировал, что освобождение Польши Красной Армией создавало только видимость свободы. По сути оно “означает замену одной оккупации другой, проводимой под прикрытием люблинского правительства, безвольного орудия в российских руках”. В приказе также отмечается нежелательность “воевать с Советами” и то, что “нынешняя советская победа не заканчивает войны”¹⁰. Документ в своем основном содержании представлял из себя скорее декларацию, имел формальный характер, обращенный прежде всего к советским властям, ибо никакого роспуска АК не должно было в самом деле происходить. Однако в действительности следствием приказа стали значительные изменения.

Еще 14 января 1945 года Л. Окулицкий в одном из донесений сообщал о том, что он «переходит с сильно сокращенным штабом на подпольное положение, развивая конспиративную сеть “Не”». Он отмечал необходимость реорганизации исходя из принципа большей осторожности радиосвязи и первоочередного ее значения. После роспуска Армии Крайовой руководство ее звеньев глубоко конспирировалось, а солдаты освобождались от присяги, т.е. имели свободу выбора между легализацией и конспирацией. Оружие тщательно укрывалось и не подлежало сдаче. Скомпрометировавших себя людей надлежало заменять и переводить в другие районы. В составе штабов оставалось по 3 человека и, кроме того, по 2 специалиста для обслуживания радиосвязи. Ме-

⁷ Ibid. S. 140.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibid. S. 141.

¹⁰ Ibid. S. 1-2.

стонахождение штабов и радиостанций было известно только узкому кругу высшего руководства и доверенных лиц¹¹. Всего, по словам Л. Окулицкого, в главном штабе "Не" имелось к марту 1945 года 6 передатчиков, в округах - 30 станций¹².

Сам Л. Окулицкий в феврале 1945 года, как следует из протокола допроса его на Лубянке, переместился в местечко Милианцевек под Варшавой, откуда поддерживал тесные связи с правительством, Радой Едности Народовой (РЕН). Его заместитель по политической работе Я. Женецкий проживал в местечке Брвинов, а заместитель по военным делам полковник А. Санойца - в Кракове. Женецкий, по поручению Окулицкого, занимался организацией пропаганды во вновь образованных периферийных штабах "Не"¹³.

Согласно тем же данным, после издания приказа о роспуске Армии Крайовой Л. Окулицкий распорядился сформировать нелегальные штабы, которые должны были заняться организацией пропаганды против советского военного присутствия в Польше. Кроме этих методов, все другие временно запрещались, во избежание репрессий "оккупантов" в отношении участников подполья. Л. Окулицкий признал свою и председателя РЕН роль в общем невыполнении приказа советских военных властей (январь 1945 г.), обязывавшего бывших аковцев сдавать радиопередатчики и наличное оружие с боеприпасами. Л. Окулицкий лично дал указания комендантам округов АК скрыть оружие в надежных тайниках и тщательно законспирировать местонахождение радиопередатчиков. Он пояснил, что радиостанции использовались подпольем для передачи политической и военной информации о положении в Польше лондонскому центру, особенно информации о дислокации частей Советской Армии¹⁴.

В феврале 1945 года на заседании Делегатуры (подпольного правительства) Л. Окулицкий сообщил об издании им приказа о формальном роспуске АК и оставлении тщательно законспирированных штабов для дальнейшей нелегальной работы, а также о приказе этим штабам сохранять действующие радиопередатчики, оружие и боеприпасы. Делегатура одобрила действия своего военного министра. Таким образом, стратегия Л. Окулицкого была формально утверждена. После этого Окулицкий сделал доклад о своих решениях на заседании главной комиссии РЕН, однако здесь он умолчал факт сохранения радиостанций и оружия, чтобы мероприятия по организации нового подполья не получили преждевременной огласки, а также не вызвали противодействия со стороны части Совета, стремившейся к компромиссу с советскими властями, издавшими приказ об обязательной сдаче АК своего вооружения. Таким образом Окулицкий пытался сохранить абсолютную конспирацию своих действий во

¹¹ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 3. С. 415.

¹² НКВД и польское подполье (по "особым папкам" Сталина). М., 1994. С. 173-174.

¹³ Там же. С. 170-172.

¹⁴ Валихановский Т. У истоков борьбы с реакционным подпольем в Польше (1944 - 1948). Киев, 1980. С. 205.

избегание задержек и затруднений в контактах с партиями, входившими в РЕН (дебаты в сложившейся ситуации были невыгодны), он просто временно пренебрег санкцией законодательной власти, став фактически диктатором в военной сфере деятельности подполья. Лишь 25 марта на объединенном заседании Делегатуры и РЕН Окулицкий сообщил ранее скрываемое, упустив, однако, точные количественные данные, пообещал в случае крайней необходимости пойти на компромисс с Советами¹⁵.

Председатель подпольного правительства Я. Янковский в ходе допроса на Лубянке (май 1945 г.) показал, что он лично полагал, что ни один из аковцев не согласится сдать командованию Советской Армии свое оружие, однако было принято решение изъять его у них и “законспирировать” и не предпринимать пока вопрос о возможности его сдачи¹⁶. В этом признании кроются истоки главного противоречия в истории пост-аковского подполья: между целенаправленной линией руководства на осторожные действия и неконтролируемостью в сложных условиях деятельности отдельных подпольщиков и отрядов. С целью обуздать чрезмерную “самостоятельность” отдельных членов организации, ее руководство пыталось лишить их оружия, однако не достигло в этом успеха. С другой стороны, сдача оружия отдельными подпольщиками сокращала и без того скудные его запасы.

Насколько соответствовали реальности планы и прогнозы командования “Не” и сложилось ли новое подполье в том виде, в каком оно его представляло? Есть основания дать на этот вопрос негативный ответ, однако из него не следует отрицание “прогресса” конспирации: любое движение способствовало развитию процесса реформирования.

Прежде всего обратимся к условиям, в которых последнее имело место. Крымская конференция (февраль 1945 г.) решала вопрос о составе будущего польского правительства, при этом западные члены антигитлеровской коалиции ограничились лишь пожеланием включения в это правительство нескольких членов-некоммунистов. При выборе этих кандидатур инициатива фактически оказалась в руках СССР, несмотря на создание специальной комиссии¹⁷. С. Миколайчик, которого в определенной мере поддерживал Запад, не принял ялтинских соглашений (по причине, прежде всего, непризнания установленных восточных границ Польши), поэтому его кандидатура не устраивала советскую сторону. Последняя согласна была рассматривать лишь кандидатуры из внутрипольской оппозиции, отказывая представителям лондонского правительства¹⁸.

Формальный процесс выбора “пополнения” польского правительства из состава внутренней оппозиции, который советская сторона не была заинтересо-

¹⁵ НКВД и польское подполье. С. 179.

¹⁶ AKD. T. 4. S. 615; T. 5. S. 58, 65-69.

¹⁷ Duraczynski. Gen. Iwanow zaprasza. Warszawa, 1989. S. 58.

¹⁸ AKD. T. 6. S. 315-316.

вана доводить до конца, был использован ею в совершенно неожиданном направлении. Лидерам оппозиции, в частности Я. Янковскому и Л. Окулицкому, было предложено начать переговоры о сотрудничестве. 11 марта 1945 года предложение было принято, а Янковский уполномочен Лондоном вести переговоры с советскими властями¹⁹. 17 и 21 марта 1945 года состоялись две встречи Янковского с начальником оперативной группы НКВД в Радоме Пименовым, на которых было решено провести переговоры 27 – 28 марта при участии генерал-полковника Иванова (псевдоним И.А. Серова, заместителя наркома внутренних дел СССР), а 29 марта предполагалась организация поездки оппозиции в Лондон для согласования позиций. Однако 27 марта в г. Прутков Я. Янковский, К. Пужак, Л. Окулицкий были уведомлены, что переговоры вынужденно переносятся в Москву, где должен быть решен вопрос о вылете в Лондон. “Поездка” в Москву закончилась для лидеров подполья трагически: они были заключены во внутреннюю тюрьму НКВД, а в июне 1945 года осуждены по ст. 58 УК РСФСР за антигосударственную деятельность в отношении Советского Союза и Красной Армии, в составе других руководителей АК (так называемый “процесс 16-ти”)²⁰. Таким образом, уже в конце марта 1945 года организация “Не” фактически лишалась своего главного руководства, что могло стать для нее роковым. Однако не все было так просто. Ибо, насколько мы можем заключить, организация “Не” не сформировалась в полном смысле этого слова, а подполье представляло собой сеть групп и организаций, в той или иной мере тяготевших к центру, но проводивших достаточно самостоятельную политику. Об этом свидетельствуют попытки легализации бывших аковцев в массовом масштабе по инициативе, в частности, комендантов Виленского округа А. Кржижановского (“Вилька”) и Жешувского подокруга – К. Путека (“Зворного”).

В конце 1944 года на территории последнего НКВД произвел значительные аресты. В заключении оказался фактически весь штаб подокруга; 2 инспектора, А. Дембский (“Радван”) и Т. Зелинский (“Обух”), и 5 комендантов обводов. Был арестован сам К. Путек. Сначала советская сторона предложила арестованным в качестве условия освобождения всех заключенных аковцев создать из АК дивизию под началом Роля-Жимерского. 11 января 1945 года был освобожден под “честное слово” полковник А. Дембский, который должен был передать оставшимся на свободе руководящим кадрам подокруга письмо К. Путека с решением о необходимости прекращения конспирации и легализации личного состава Армии Крайовой подокруга Жешув. В связи с этим всякие действия АК подокруга, направленные против Красной Армии и временного правительства, полностью запрещались. 25 января 1945 года “Зворны” планировал начать выход аковцев из подполья. Предполагаемая ак-

¹⁹ Ibid. S. 612-625; Русский архив. Т. 3. С. 478-486.

²⁰ Chmielarz A. Ujawnianie Armii Krajowej // Armia Krajowa. T. 1. Dramatyczny rozwój. Warszawa, 1994. S. 115-118.

ция включала в себя: представление властям всех членов АК подокруга; сдачу всего наличного имущества: оружия, радиостанций, печатных станков, документов; формирование особого подразделения из солдат АК подокруга, которое, после принятой присяги, должно было войти в состав Войска Польского и принять участие в войне с Германией.

Согласно письму К. Путека, советская сторона гарантировала безопасность легализующимся членам АК, вне зависимости от прежнего их места в конспирации²¹.

В случае успешного проведения акции советская сторона обеспечивала, по словам письма "Зворного", приостановление арестов в отношении аковцев²².

Хотя "Радван", возвратившись к "Зворному", чтобы доложить о выполнении своей миссии, вынужден был говорить об энтузиазме, с которым аковцы и общественность приняли решение о легализации, этот оптимизм не соответствовал реальному положению. Некоторые представители руководства подокруга, например Жешувский инспектор Л. Чеплинский и шеф разведки С. Пеньковский, отвергали даже возможность контактов с русскими²³. Тем не менее, в середине января 1945 года был подписан договор, по которому из бывших аковцев создавалась 24-я дивизия Войска Польского. Ее кадры должны были составить лица, одобренные К. Путеком.

Согласно приказу Жешувского коменданта, создавались специальные "явочные" комиссии для записи выходящих из подполья. Одновременно освобождались некоторые аковцы, которые должны были принимать участие в осуществлении акции. С 12 января должны были прекратиться все аресты в отношении подполья на территории подокруга.

Однако уже 11 января советские власти вывезли из Жешува эшелон с арестованными аковцами (до 500 человек) в глубь СССР. Таким образом, обязательность намерений советской стороны была поставлена под вопрос. Тем не менее, К. Путек, покинув тюрьму 19 января 1945 года, на встрече с С. Пеньковским продолжал поддерживать необходимость легализации. Аргументация была следующая: главная цель АК - борьба с немцами - выполнена; НКВД уже раскрыл до 85% состава организации. На вопрос Пеньковского, считает ли он себя подчиненным командованию АК, "Зворный" ответил: "Формально - нет, а сердцем - это вы понимаете..." (AUOP, 50930/oryg).

Уже 29 января исполняющий обязанности коменданта Жешувского подокруга Пеньковский издал приказ о приостановлении легализации. Были приняты эффективные меры по выполнению данного приказа. В результате на сборный пункт 24 дивизии в Жешуве явилось лишь 200 человек аковцев²⁴.

²¹ Chmielarz A. Op. cit. S. 118.

²² Garbacz D., Zagorski A. W kleszniach czerwonych. Rzeszow, 1991. S. 99.

²³ Chmielarz A. Op. cit. S. 122.

²⁴ Banasikowski E. Na zew ziemi Wilenskiej. Warszawa, 1987. S. 351.

В ответ на указанные действия подполья органы НКВД и польской госбезопасности развернули в полном масштабе процесс арестов. Были взяты в том числе лица, составившие штаб 24-й дивизии и территориальные командующие, в тюрьме оказался сам К. Путек.

7 марта 1945 года по приказу коменданта краковского округа, легализация в нем полностью прекращалась. Молодежь, участвовавшая в подполье, должна была возвратиться в леса²⁵.

Таким образом, в некоторых округах приказы центрального руководства организации “Не” просто игнорировались. Командующие звеньев подполья действовали согласно текущей ситуации, и действия эти мало соотносились с планами центра, ставили под сомнение само существование целостной организации “Не”.

Уже в этом проявлялись характерные черты и принципы нового подполья. Последнее постепенно приобретало все более децентрализованный характер, становилось сетью автономных групп, координируемых только в большей или меньшей мере главным командованием. Подобная организация была более приспособлена к меняющимся условиям, однако такие акции, как всеобщая легализация или восстание, были фактически обречены на провал. В актах легализации, проводившихся в отдельных звеньях подполья, постепенно отработывался механизм, который был использован немного позже центральным руководством подполья для самосохранения организации путем ее “реформирования”, легализации для продолжения борьбы на новом уровне.

Существовавшая после разгрома “Не” подпольная организация “Делегатура сил збройных” (ДСЗ) в августе 1945 года по приказу ее командующего Я. Жепецкого (бывшего заместителя Л. Окулицкого) была формально распущена. Члены ДСЗ имели полную возможность воспользоваться начавшейся в стране амнистией. Выход “из лесов” был лишь способом перехода организации на более глубокий уровень конспирации - “без отрыва от производства”. Так, в сентябре 1945 года на месте ДСЗ выросла новая организация, декларировавшая себя чисто политической, под названием “Свобода и независимость” (ВиН). Главные задачи организации состояли в пропаганде и агитации идей независимости от советского военного присутствия и советско-коммунистического диктата. Данные цели возможно было осуществить легче полностью свободным в своем передвижении лицам. Сохранявшиеся в ВиН задачи разведки и сбора информации было легче осуществить, что очевидно, путем проникновения агентуры подполья в органы новой власти, что в свою очередь более удобно осуществить “простым гражданам”, чем находящимся вне закона подпольщикам.

Таким образом, благодаря легализации подполья возникла новая подпольная организация ВиН. Но выход из подполья обусловил и отток из конспирации лиц конформистского толка, которые разочаровались в борьбе, либо ранее не

²⁵ Ibid. S. 124.

имели возможности выйти из подполья, сдерживаемые дисциплинарным его уставом. В итоге состав ВиН представлял собой преимущественно консервативный элемент бывшей Армии Крайовой и примыкавшую к нему молодежь, а также использовавшие лозунги правых уголовные группировки. Такой пестрый состав ВиН обусловил неустойчивость организации, полную бесконтрольность действий местных ее отделений, которые, несмотря на политическую программу, не предусматривавшую применения оружия, кроме крайних случаев самообороны, вели открытую террористическую деятельность. Обострение террора в период референдума 1946 года и выборов в Сейм в 1947 году привело, с одной стороны, к распаду организации ВиН, который провоцировал даже внутренние конфликты, с другой стороны, вызвало ответную волну операций польских органов госбезопасности и разгром базиса организации. В результате череды репрессий подполье ВиН к концу 1940-х годов прекратило свое существование. Оставшиеся мелкие группы уже с конца 1947 года имели уже эфемерный характер, не представляя собой ни военной, ни политической силы, сохраняясь лишь вследствие своей распыленности. Эти группы занимались главным образом террористической деятельностью, однако уже не могли иметь под собой какую-либо идейную основу. На основании данных, имеющихся у советских чрезвычайных органов, деятельность осколков антикоммунистического подполья ограничивалась фактически уголовными акциями, из которых даже отдельные покушения на политических деятелей носили лишь локальный характер. Чаще всего операции подполья ограничивались реквизицией имущества, которая оправдывалась как "возвращение награбленного государством". Последнее отнюдь не способствовало увеличению популярности подполья, наоборот - авторитет его упал уже к лету 1947 года, что показали частью выборы в Сейм, в которых оппозиция потерпела сокрушительное поражение. Но не следует видеть в этом выражение негативного отношения польской общественности к общественно-политической программе правых партий. Народ испытывал недоверие лишь к конкретным представителям подполья, которые дискредитировали себя террором. О несогласии общественности с политической линией ПОРП можно заключить по реалиям жестких политических кризисов 1953, 1956, 1968, 1970, 1980 - 1981 годов и "революции" 1989 года. Таким образом, мы полагаем, что последний этап развития польского движения Сопротивления содержал в себе истоки политической нестабильности в ПНР на протяжении всей ее истории.

"В доме отца моего обителй много"

**(К вопросу о возможностях адаптации
африканских интеллектуалов в западном обществе)**

Вторая половина XX века стала временем исхода африканских интеллектуалов с территории Африки. Мотивы их выезда за пределы континента были разнообразны. Одни после провозглашения независимости не смогли примириться с потерей европейского гражданства и десятилетиями вели борьбу за право законно жить на Западе. Другие выезжали за рубеж по семейным обстоятельствам. Установление в ряде стран диктаторских режимов в 70 - 90-е годы активизировало отток интеллектуалов. Диапазон воздействия на них со стороны правящих кругов был достаточно широк. Невыплата жалования, запреты на профессию, невозможность заниматься творческой деятельностью, травля и преследования вынуждали африканских писателей, политических деятелей, ученых искать пристанище за рубежом.

Все без исключения стремились на Запад в поисках лучшей жизни. Африка на протяжении XX века практически постоянно была "зоной социального хаоса", порожденного политикой колонизаторов и "вирусом" освободительных революций, этно-религиозными и гражданскими войнами. Находиться вне дома было безопаснее, особенно для молодежи, в силу возраста остро реагировавшей на какие-либо бедствия и конфликты. Средние городские слои, к которым главным образом принадлежали интеллектуалы, берегли, лелеяли и, как правило, в трудные времена отправляли детей за рубеж набираться знаний и опыта. К тому же социально-экономическая отсталость большинства африканских стран не позволяла в полной мере использовать труд высококвалифицированных специалистов. Сфера их применения оказалась ограничена. Обладателям университетских дипломов нередко приходилось переходить на работу в бизнес и политику, где имелись более или менее устойчивые перспективы продвижения по служебной лестнице. По тем же причинам африканские интеллектуалы оказались предрасположены к выезду за границу, что превращало практически каждого из них в потенциального эмигранта. На фоне неграмотного или едва грамотного населения образованные люди выделялись благодаря присущему им конформизму и космополитизму, высокому уровню профессиональной подготовки и неутомимой энергии, направленной на реализацию их идей, совершенно несовместимых с атмосферой косности, лжи, лицемерия, апатии и лени, характерной для африканских обществ второй половины XX века. Все это вместе несомненно сказалось на общей для многих установке - на выезд за пределы Африки.

Это решение вряд ли можно считать субъективным. Во-первых, уже несколько поколений интеллектуалов, в силу полученного образования и воспитания, существовали изолированно от традиций африканского общества и народа. Во-вторых, они отчетливо ощущали свою "инакость", на родине и за ее пределами оставаясь "чужими", "выскочками", "парвеню". В-третьих, именно вне Африки им удалось найти пути консолидации в рамках собственной общности. Мало кто рассматривал эмиграцию как "изгнание из рая". На чужбине африканцы были склонны считать себя "счастливчиками", избежавшими злого рока судьбы – жить в "обители дьявола".

За пределами Африки имелось больше возможностей для самореализации. В силу привычек, образа жизни, стиля мышления и традиционных связей, сложившихся по типу "метрополия - колония", Европа рассматривалась не только как средоточие цивилизации и культуры, но и как "второй дом". И если старшее поколение испытывало тягу к европейским столицам: Лондону, Парижу, Лиссабону, молодежь пыталась расширить регион обитания и выражала интерес к учебе и работе в ЮАР, Австралии, Канаде, и более всего - в США, стремясь к успеху в стране "великих возможностей".

Однако полной интеграции в западное общество не происходило. Интеллектуалы по-разному реагировали на отчуждение с его стороны, но именно склонность к конформизму и компромиссам в целях адаптации и выживания определила особенности их поведения. Одни руководствовались лозунгом: "Если хочешь быть с ними, будь, как они!". Другие ратовали за консолидацию и солидарность в рамках диаспоры. Третьи повсюду ощущали себя "чужими" и следовали формуле: "Если не можешь быть с ними, не показывай этого"¹.

Многие преуспевали, добиваясь поставленной цели, хотя вряд ли можно предположить, что кто-либо намеренно относился к ним с особым снисхождением из-за их непохожести на других, особенностей поведения или цвета кожи. По мнению Франца Фанона, всемирно известного психолога и психоаналитика, ученого, теоретика национально-освободительного движения, единственной защитой на пути к успеху были знания, хорошие манеры и умение приспосабливаться². Именно эти качества помогли "выжить" ему самому и Леопольду Сенгору, создателю "негритюда", поэту, государственному и политическому деятелю, президенту Сенегала, всемирно известному писателю и драматургу Воле Шойинке, первым из африканцев удостоенному Нобелевской премии в области литературы в 1986 году, и директору Института всемирной культуры при Бингемтонском университете, ученому Али Мазруи, обладателю многих наград и почетных титулов, какие только существуют в мире африканистики, автору более двух десятков книг и множества статей об Африке, "старейшине"

¹ Wortham A. The Other Side of Racism. A Philosophical Study of Black Race Consciousness. Ohio, State Univ. Press, 1981. P. 143, 201, 245, 275, 279.

² Fanon F. The Fact of Blackness // Anatomy of Racism. Ed. by T. Goldberg. Univ. of Minnesota Press, Minneapolis, Oxford, 1992. P. 112-113.

африканской артистической диаспоры в Великобритании, художнику Узо Эгону и теоретику искусства Олу Огуйбе, одному из устроителей первого прошедшего в Лондоне "африканского сезона" в 1995 году. По мнению ганийского писателя А.К. Армы, "лучшие из лучших не хотели быть африканцами, так как Африка в силу присущей ей отсталости ... все равно отвергла бы их труды"³. Следуя этой логике и в полной мере сознавая себя отверженными, интеллектуалы отправлялись в Европу и Америку. В изгнании, в мире западных ценностей, их талант обретал свое истинное пристанище.

Далеко не все из них были еврофонами. А. Мазруи выделял, по крайней мере, два уровня интеллектуальной зависимости. На первом она была направлена на слепое, рабское подражание Западу и едва ли не граничила с сумасшествием, "про-белой анти-черной паранойей", "манией интеграции", "культурной шизофренией", на втором - возникало сопротивление против подобной зависимости, сравнимое с "приходом в сознание"⁴. Взгляды Ф. Фанона и Л. Сенгора, В. Шойинки и А.К. Армы, У. Эгону и самого А. Мазруи эволюционировали именно в этом направлении. Возможность поступательного развития африканской культуры они связывал с необходимостью избавления от любых форм зависимости и обретением уверенности в правильности своего опыта и знаний.

Возрождение интереса со стороны интеллектуалов к Африке и ее взаимоотношениям с окружающим миром, к ее "вчера, сегодня и завтра", к ее настоящему, прошлому и будущему - к трем ступеням временного опыта, традиционного для системы африканских знаний и ценностей и обеспечивающего взаимосвязь между живущими, умершими и еще не родившимися, было спровоцировано самими интеллектуалами⁵. Издалека Африка представлялась зоной повышенного риска, выглядела как средоточие коррупции, взяточничества, конфликтов. Природные катаклизмы, стихийные бедствия, смертельные опасности, болезни подстерегали здесь человека на каждом шагу. Однако никто не считал африканцев героями. Сами они нередко возлагали на себя особую миссию то ли наставников, то ли пророков, то ли просто "глашатаев" африканской культуры. Ее пропаганда осуществлялась по двум направлениям: в среде диаспоры и за ее пределами. Первое считалось более важным потому, что основная масса родившихся после 1945 года на чужбине африканцев никогда не видела Африки и знала о ней понаслышке, из книг и фильмов. Ее приобщение к традиционным ценностям было возможно только с помощью интеллектуалов: ученых, писате-

³ Armah A.K. *Larsony, or Fiction as Criticism of Fiction* // *New Classic*. IV. November 1977. P. 43-44.

⁴ Mazrui A. *Africa's International Relations. The Diplomacy of Dependency and Change*. London, Heinemann, 1977. P. 30-33.

⁵ Mazrui A. *Africa's International Relations. The Diplomacy of Dependency and Change*. P. 1; W.Soyinka. *The Writer in a Modern African State* // *The Writer in Modern Africa*. African-Scandinavian Writers' Conference, Stockholm, 1967. Ed. by Per Wastberg. The Scandinavian Institute of African Studies, Uppsala, 1968. P. 19.

лей, художников, способных расширить представления молодежи об их исторической родине.

В. Шойинка пробовал делать это в разных жанрах. В кино и в театре, на радио и на телевидении он часто использовал африканские мотивы: элементы танца и музыки, традиционные выразительные средства - магические формулы и заклинания, обращение к богу, элементы ритуала, средства костюма. В кино он больше всего хотел воссоздать африканскую действительность, ее реалии и динамику. Жизнь среди природы казалась ему естественной, и он призывал понимать и принимать эту естественность без комментариев.

А. Мазруи, преподававший в 70 - 90-е годы в Стэнфордском, Калифорнийском, Гарвардском, Лидском, Лондонском и Оксфордском университетах, а также в Каире, Багдаде, Тегеране, в Австралии, в 1986 году тоже выступил в качестве автора сериала "Африканцы: тройное наследство", созданного по заказу Би Би Си, Паблик Бродкастинг Сервис и Нигерийского телевидения. Одновременно с фильмом в свет вышла его книга с одноименным названием. Она стала бестселлером в Британии и рекомендовалась к переизданию в США. Изложенные в ней идеи о трех составляющих современной африканской культуры - африканских традициях, христианстве и исламе - были подвергнуты резкой критике. Автора обвиняли в претенциозности и фальши, в пристрастности и морализме, в мессианстве и стремлении взять на себя роль "социального лекаря". Съемки были приостановлены. Компания, которая спонсировала деньги на производство фильма, лишилась кредита. Сам А. Мазруи считал, что общественное мнение США в достаточной мере не избавилось от предрассудков и вряд ли способно принять во внимание наличие новых подходов к анализу прошлого и настоящего Африки. В своем интервью он заявил, что "американцы умеют общаться, но не умеют слушать"⁶, и это укрепило его в понимании своей роли интеллектуального посланника африканской культуры в игнорирующем ее существование западном обществе. На радио и на телевидении он выступал с лекциями и интервью в программах таких известных радиостанций, как "Голос Америки", Би Би Си, на теле- и радиостудиях США, Кении, Нигерии, Эфиопии, Южной Африки, Дании, Барбадоса, Франции, Малайзии, Британии, Ямайки, Пакистана, Ирана, Сенегала, Зимбабве, Объединенных Арабских Эмиратов, Канады и других стран.

Африка и африканцы составляли главный предмет его творчества. Эта же тема занимала умы многих африканцев, живших на чужбине. Их мучила тоска по пескам и пальмам покинутого Отечества. Эйдетизм, разнovidность образной памяти, воплотившийся в сохранении ярких и четких представлений об окружающих их когда-то давно предметах и лицах, помогал воссоздать картины бедившего душу прошлого. Немногие поднялись до обобщений. В 1970 году "мэтр" художников диаспоры Узо Эгону, более полувека живший в Лондоне,

⁶ Mazrui A. // Brockman N. An African Biographical Dictionary. Santa Barbara, California, Denver, Colorado, Oxford, England, 1994. P.220.

создал картину "Исход" - она была удостоена специальной премии Би Би Си - и в продолжение темы в 1974 году - "Второе пришествие после исхода". Написанные в 80 - 90-е годы циклы произведений "Люди без Отечества" и "Прошлое и настоящее диаспоры" принесли ему славу одного из лучших британских живописцев и мировое признание. Конфликт с окружающим миром, одиночество, ностальгию по утраченному дому сумел отразить он в своем творчестве. Однако стремление надеть маску "белого господина", художника-интеллектуала не вытеснило из памяти образов детства. Они нашли выражение в избранных им сюжетах. Африканцы и окружающий их мир, полный обыденных и ритуальных вещей ("Жующий мальчик", "Портрет африканской девушки", "Отдыхающий мужчина", "Африканские маски", "Маски и музыкальные инструменты" и т.д.), стали объектом его произведений⁷. В воспоминаниях черпал новые темы и В. Шойинка - примером тому стала его автобиографическая повесть "Аке, годы детства", впервые изданная в 1981 году⁸.

Реалист В. Шойинка и склонный к абстракциям А. Арма рисовали выборочные картинки из жизни Нигерии и Ганы в периоды взлетов и падений, осуждали бесплодные планы правительства в реформировании государства и фальшивые успехи на пути "модернизации". Их романы как бы демонстрировали общий ход истории. То, что происходило в Африке, вполне могло бы, по их мнению, произойти всюду. Оба обладали конкретно-историческим мышлением и испытывали приверженность к идеям романтизма. Их африканство проявлялось в манере повествования, в использовании средств из арсенала пророков - проповедников, в сюжетах произведений. "Целители"⁹ и "интерпретаторы"¹⁰, "облагодетельствованные евро-американским Олимпом"¹¹, "проклятым заклеянные"¹² интеллектуалы были призваны избавить от страданий жителей африканского континента. Они подвергали критике "богов" африканского социализма - "ностальгирующих по прошлому": Л. Сенгора, К. Нкруму и других, для которых вчерашний день был несомненно лучше сегодняшнего и завтрашнего, какими бы хорошими они ни были. Это нашло отражение в созданном А. Армой портрете К. Нкрумы - ирреальном, "поддельном", как бы совершенно случайно африканском образе универсального политика, который мог родиться в любой стране, и в язвительной характеристике В. Шойинкой негритюда - политического и литературного движения, "возникшего в среде африканской диаспоры под воздействием холодного климата и достижений научно-технического прогресса"¹³. Акцентирование внимания на соматических, физио-

⁷ Oguibe O. Uzo Egonu. An African Artist in the West. London, Kala Press, 1995.

⁸ Шойинка В. Аке, годы детства // Шойинка В. Избранное. М., 1987.

⁹ Armah A.K. The Healers. London, 1979.

¹⁰ Soyinka W. The Interpreters. London: A. Deutsch, 1965.

¹¹ Armah A.K. Why We Are so Blest? New York, 1972.

¹² Fanon F. The Wretched of the Earth. Penguin Books Ltd, New York, 1990.

¹³ Zahir R. Frantz Fanon: Colonialism and Alienation. Concerning Frantz Fanon's Political Theory. New York; London, 1974. P. 62.

логических и психологических особенностях выглядело в его глазах не только некорректным, но даже преступным. Неслучайно он подчеркивал, что «тигры не склонны к размышлениям о своем "тигритюде", но прыгают чрезвычайно красиво»¹⁴.

Взгляды писателей на личность К. Нкрумы разделяли А. Мазруи и Кваме Энтони Аппиа, профессор философии и африканской литературы Гарвардского университета. Оба так и не смогли уяснить, кем ощущал себя Кваме Нкрума, кумир образованной молодежи 50-х годов - мессией, пророком, могильщиком колониализма, создателем самой массовой партии Ганы, харизматическим лидером, "гражданином мира", тираном, теоретиком panaфриканизма или просто усталым человеком, утомленным работой и бессонницей, который в течение многих лет в канун Рождества являлся в дом друзей, как Дед Мороз, чтобы вручить детям календарь с портретом британской королевы, и в глазах которого к концу жизни провозглашение независимости выглядело непоправимой ошибкой¹⁵.

Иными словами, африканских интеллектуалов занимал вопрос о месте интеллектуалов в обществе. Анализ деятельности предшественников позволил им осознать также и свою исключительность, непохожесть на других. Неслучайно в собственной активности они усматривали механизмы "спасения" ("исцеления", "оздоровления") если не Африки в целом, то, по крайней мере, диаспоры в частности. Обширные знания, выдающиеся достижения и магическая способность творить чудеса (внушать, исцелять, учить, наставлять), стали критериями, дающими им право возвыситься до роли мессии. Осознание себя пророком, Богом избранным всегда было связано с притязаниями на некие полномочия в сфере духовной и светской власти и подкреплялось рядом факторов, определивших фон для реализации замыслов "спасителей". Угроза извне, преддверие государственного переворота, ощущение страха перед будущим, сопровождаемое едва ли не ожиданием скорого конца света, а также столь характерная для африканского общества сакрализация власти вождя, правителя, человека, просвещенного и умудренного опытом, плюс чувство превосходства, которое давало западное образование и приверженность к достижениям западной цивилизации, создавали почву для подобных настроений.

Мессианский характер деятельности африканских интеллектуалов проявлялся по-разному. В период колониального господства европейских держав в Африке Л. Сенгор, К. Нкрума и другие выступали инициаторами патриотических движений, целью которых стало обретение суверенитета. Позднее лидеры

¹⁴ Цит. по: Wole Soyinka // Brockman N. An African Biographical Dictionary. Santa Barbara, California, Denver, Colorado, Oxford, England, 1994. P. 337.

¹⁵ Подробнее см.: Appiah K.A. In My Father House. Africa in the Philosophy of Culture. New York; Oxford, Oxford University Press, 1992; Mazrui A. Political Values and the Educated Class in Africa. London: Heinemann, 1978. P. 84; Mazrui A. Africa's International Relations. The Diplomacy of Dependency and Change. P. 42.

молодых государств, "западники" по убеждению, пытались претворить в жизнь идеи просвещения и обогащения собственного народа, приобщить огромные массы африканского населения к достижениям мировой цивилизации. Писатели, художники, музыканты, ученые пропагандировали африканскую культуру: живопись, скульптуру, литературу, традиционное искусство и медицину, всемерно подчеркивая просветительскую направленность собственной миссии на континенте и за его пределами. Они видели свое призвание в том, чтобы воспитывать и просвещать, и нередко выступали арбитрами в конфликтных ситуациях и спорах, не гнушаясь роли советников и наставников "неразумных" правителей, от которых, впрочем, более всего и страдали, превращаясь в объект критики и преследований.

Даже сам акт эмиграции рассматривался как своего рода духовная миссия, подобная, например, описанному В. Шойинкой в драме "Сильный род" ритуалу, характерному, по его мнению, для многих этносов, суть которого заключалась в том, что регулярно, как правило раз в году, определенному человеку передавались "грехи" всех жителей деревни, после чего он изгонялся из нее, а иногда даже умерщвлялся. Главный герой пьесы - учитель и врач, принадлежавший к "сильному роду", с детства готовил себя к тому, что сделает это добровольно и, пожертвовав собой, спасет других людей¹⁶.

В действительности многие африканцы считали эмиграцию своеобразным путем очищения от скверны. Вынужденный отъезд за рубеж нередко рассматривался в среде обывателей как "изгнание из рая". Такого рода отношение к эмиграции было характерно для стран, где господство военных и диктаторских режимов длилось десятилетиями и неизбежно приводило к трансформации представлений о контактах с другими странами и территориями, о сотрудничестве и взаимодействии между людьми, принадлежащими к разным этносам, вероисповеданиям и культурам. Всех, кто вынужденно или добровольно покидал отечество, отождествляли с диссидентами и подвергали травле. Жертвами остракизма становились и те, кто стремился к этому. Неслучайно в среде эмигрантов сложился комплекс вины перед отечеством. У одних он выражался в готовности оказывать помощь землякам и родственникам, у других - в устойчивой ненависти ко всему, что связывало их с домом. И в том, и в другом случаях стремление совершить нечто особенное, "спасти и сохранить" не только себя, но и других, менее "просвещенных" и более беспомощных, прослеживалось достаточно отчетливо.

Однако возможности интеллектуалов были ограничены. А. Мазруи в книге "Политические ценности и образованный класс Африки", изданной в 1978 году и во многом опередившей свое время, заявлял, что в будущем, когда в обществе развернется процесс культурного обновления, интеллектуалы будут играть решающую роль, действовать и даже думать о том, как изменить мир, а пока идет процесс культурного выживания и интеллектуалы играют в нем вто-

¹⁶ Шойинка В. Избранное. С. 9.

ростепенную роль¹⁷. Такой подход к оценке перспектив африканских интеллектуалов разделяли немногие. Поэтому критика в адрес "печального пророка" Ф. Фанона и "проповедника парадоксов" А. Мазруи, изощренного стилиста А.К. Армы и универсала В. Шойинки была одинаково беспощадна. Их критиковали за отсутствие идеалов, отчужденность и следование европейской моде. Нгути Ва Тхионго, например, не раз отмечал, что В. Шойинка намеренно демонстрировал бессилие африканских интеллектуалов, ссылаясь на его «более чем непонятную пьесу "Танец лесов", принесшую автору мировое признание, в которой черные интеллектуалы-историки, художники, если к чему-либо и были способны, то только к тому, чтобы обосновать причины коррумпированности режима, при котором им довелось жить»¹⁸. Чинуа Ачебе высказывался подобным образом о романе А. Армы "Самые лучшие из нас еще не родились?", где автор на примере Ганы дал характеристику коррумпированного общества. Ч. Ачебе назвал его "прекрасно написанной", но "больной" книгой, и не потому, что "больна" Гана, а из-за того, что главный герой повествования - слабый, бледный, пассивный, безымянный - творение в духе экзистенциализма - блуждает по страницам повести полусонный, разочарованный в окружении человеческих экскрементов, которых можно встретить множество на страницах книги"¹⁹. По его мнению, "Арму и Гану разделяло необъятное пространство ..."²⁰.

Тем не менее к концу XX века многие интеллектуалы по обе стороны Атлантики пришли к выводу, что теории африканской исключительности, возникшие на основе расовой солидарности негров, устарели, так и не излечив общество от "эпидемии комплекса неполноценности"²¹. Их взгляды на будущее все чаще увязывались с утверждением о том, что африканская культура встала на путь универсализации²². Будучи приверженцем традиций космополитизма и конформизма, они, подобно К.Э. Аппиа, демонстрировали признание идей плюрализма и культурной демократии, взывая к разуму тех "братьев и сестер", которые, стремясь к обретению "места под солнцем" и руководствуясь простой библейской истиной: "В доме отца моего обителей много"²³, стали носителями

¹⁷ Mazrui A. Political Values and the Educated Class in Africa. P. 250, 378.

¹⁸ The Writer in Modern Africa. African-Scandinavian Writers' Conference. P. 26.

¹⁹ In Person: Ac¹⁹ Mazrui A. Political Values and the Educated Class in Africa. P. 250, 378.

¹⁹ The Writer in hebe, Awoonor and Soyinka at the University of Washington. Ed. by K.L. Morell. African Studies Program Institute for Comparative and Foreign Area Studies. University of Washington, Seattle, University of Texas, Austin, 1975. P. 13 -14.

²⁰ Там же. С. 14.

²¹ Appiah K.A. In My Father House. Africa in the Philosophy of Culture. P. 228-229; Interviews with Five African Writers in Texas. Palaver. Occasional Publication of African and Afro-American Research Institute, The University of Texas at Austin, 1972. P. 18; Miller Ch. Theories of Africans: the Question of Literary Anthropology // "Race", Writings and Difference. Ed. by H.L. Gates, Jr. The University of Chicago Press. P. 282-283; In Person: Achebe, Awoonor and Soyinka at the University of Washington. P. 134.

²² West Africa. 1992. 20-26 July. P. 1231.

²³ Ио. 14:2.

универсального менталитета и сумели адаптироваться в обществе белых, в отличие от тех, кто все еще был "замкнут в своей черноте"²⁴.

В книге "В доме отца моего", изданной в 1992 году, К.Э. Аппиа пытался осмыслить процессы, происходящие в среде африканской интеллектуальной элиты. В противовес традициям мультикультурализма он не стремился выявить специфические особенности образа жизни и стиля мышления африканцев, а видел задачу в том, чтобы доказать, что это такие же люди, как и все остальные, и их история и культура давно стала неотъемлемой частью мировой. Приоритет общечеловеческих ценностей для автора был совершенно очевиден. Неслучайно он сосредоточил внимание на опыте конкретных людей, а не государств или этносов, вынужденных жить в обществе, где, ввиду их принадлежности к едва ли не самому "очевидному меньшинству", им постоянно указывали на их "инакость". Автор в полемике с К. Нкрумой, Л. Сенгором, В. Шойинкой, философом А. Диопом и другими умело тиражировал универсальный (западный) образ жизни и стиль мышления, уповая на то, что за ними будущее.

Автор посвятил книгу памяти отца - Джозефа Эммануэля Аппиа (1918 - 1990), одного из выдающихся политических деятелей Ганы эпохи независимости, соратника и близкого друга Кваме Нкрумы²⁵, принципиально разошедшегося с ним во взглядах и поэтому не удостоенного чести быть упомянутым на страницах "Автобиографии"²⁶. Он считался своим при дворе ашанти, в парламенте и в правительстве, в среде элиты британских левых, куда был вхож благодаря родственникам жены, дочери сэра Стэффорда Криппса. В 50 - 60-е годы "многие африканцы привозили на родину белых жен и теплые воспоминания о европейских друзьях"²⁷. Мать К.Э. Аппиа любила Африку, изучала ее быт и культуру, писала рассказы по мотивам фольклора ашанти и вполне уютно чувствовала себя в кругу африканской родни.

Их сын с детства жил "на грани миров". В Африке его окружала большая община с ее культом старших и умудренных опытом дедушек и бабушек, дядюшек и тетюшек и несметным числом двоюродных и троюродных братьев, сестер, племянников и племянниц. За ее пределами существовали школа, университет, церковь. Там царили иные порядки и законы. В воскресной школе и в церкви постоянно встречались и совместно изучали Закон Божий католики и методисты, англикане и протестанты, баптисты и христиане - копты.

Чопорный мир туманного Альбиона был для К.Э. Аппиа столь же родным. Только в отрочестве, в годы учебы в британской школе он пришел к пониманию того, что далеко не все, как он, воспитывались в Европе и в Африке среди европейских и африканских родственников, не у всех есть дядя в Ливане

²⁴ Fanon F. Black Skin, White Masks. L., 1968. P. 11.

²⁵ West Africa. 1990. 23-29 July. P. 2154.

²⁶ Нкрума К. Автобиография. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 287 с.

²⁷ Appiah K.A. In My Father House. P. 6.

и кузены в США, Франции, Кении и Юго-Восточной Азии. Позднее его сестры вышли замуж и осели в Норвегии и Нигерии. Он сам поселился в Америке. Его племянники появились на свет в Ботсване, Нигерии, Гане и США и были названы именами норвежцев, римлян, ашанти и йоруба. Весь мир стал представляться ему как один большой улей, и он, наконец, уверовал в библейскую идею, что "мир - одна семья".

Однако, по мнению К.Э. Аппиа, следовало знать свои корни. С ним был согласен и А.К. Арма. Он писал, что "большинство ... интеллектуалов, получивших образование в колониальных и неколониальных вузах, в процессе обучения были отлучены от собственных идейных корней и воспринимали чужие философские идеи и теории из западного арсенала ... те, кто признавал свои корни, но был обучен не признавать их, заменили их эрзацем, на который они наткнулись, думая о нем лучше, чем он есть на самом деле. Но наиболее знающие люди пытались установить справедливость до тех пор, пока не находили утраченные корни и себя"²⁸. Он обращался в первую очередь к африканской интеллектуальной элите - писателям и ученым, предпринимателям, политическим деятелям, "мыслителям" и идеологам политических партий и движений, всем, кто занимался репродуктированием идей и мнений - журналистам, педагогам, даже к школьным учителям, пытаясь заставить их задуматься о месте Африки в мировой культуре и истории, хотя испытывал определенные опасения относительно того, что они уже достаточно сильно инфицированы западным стилем мышления. Сам А.К. Арма не идеализировал западный образ жизни. "Весь мир полон европейскими злодеяниями" - такова запись, сделанная одним из героев его рассказа в своем блокноте²⁹.

Размышления о культурной принадлежности и корнях заставляли африканских интеллектуалов думать о проблеме идентичности, весьма модной на Западе в течение последних десятилетий. К.Э. Аппиа считал, что всех африканцев континента и диаспоры в первую очередь объединил цвет кожи³⁰. Однако проблему самоидентификации он рассматривал двояко: с позиции африканца и интеллектуала. По его мнению, африканца в гораздо большей степени интересовал вопрос: "кто мы?", а не "кто я?". Его волновала судьба общности - этноса, расы, где бы он ни жил, и в этом смысле он навсегда оставался африканцем. Интеллектуал, в силу специфики своего труда склонный к индивидуализму, решал вопрос иначе. Однако африканским интеллектуалам индивидуализм был присущ в меньшей степени, нежели жителям стран Запада. Они не были так самодостаточны. И если американец или европеец мог довольствоваться общением в узком кругу семьи и сослуживцев, африканцам нужна была публика. Им

²⁸ Armah A.K. *Masks and Marx: The Marxist Ethos vis-à-vis African Revolutionary Theory and Praxis* // *Presence Africaine*, vol. 131, 1984. P. 58.

²⁹ Wright D. *Aye Kwei Armah's Africa. The Sources of his Fiction*. Hans Zell Publishers, London; Munich, New York, 1989. P. 33.

³⁰ Appiah K.A. *In My Father House*. P. 5, 8-9.

необходимо было ощущать себя учителями, наставниками, пророками. Но даже наличие определенных различий между ними позволяло К.Э. Аппиа считать, что африканских и западных интеллектуалов разделяет дистанция, значительно меньшая, чем от Лондона до Лагоса³¹. Для писателя несомненно главным был не цвет кожи, а способность занять место в мировой литературе. Художнику и ученому следовало определить свою стезю в мире искусства и научных исследований³². В этом с ним соглашались В. Шойinka, А.К. Арма, А. Мазруи и другие.

Интеллектуалов, живущих на Западе, занимал еще один крайне важный вопрос - как сделать культуру Африки современной? По мнению К.Э. Аппиа, этим должны заняться интеллектуалы. Литература, искусство, наука с его точки зрения всегда будут развиваться по пути синтеза на основе опыта предшественников, который он, будучи приверженцем христианской религиозной морали, связывал с идеями, изложенными в Ветхом и Новом Заветах. Именно в них искал он ответы на мучившие его вопросы, и искренне верил в скорое наступление "эпохи нового вечного Евангелия, когда нравственность станет Абсолютной"³³. В подобных взглядах присутствовало немало прагматизма. Упоная на христианские ценности, К.Э. Аппиа рассчитывал на "милость" Всевышнего. Приобщение Африки к высотам универсальной культуры он ставил в зависимость от помощи извне - со стороны стран Запада, благотворительных фондов и организаций, церкви, диаспоры, в составе которой в последние годы оформился достаточно влиятельный "средний класс". Трудно не согласиться, что так было легче не только самому приобщиться к миру универсальной культуры, но и, с Божьей помощью, указать путь к успеху десяткам тысяч "блудных братьев и сестер".

Тем не менее подходы к универсализации культуры в среде африканских интеллектуалов оставались различными. Одни намеревались и дальше следовать в фарватере западных традиций, другие, напротив, оказались приверженцами синкретизма, третьи стремились выйти из сферы влияния универсальных идей и сохранить самобытность африканских культурных традиций. Однако со временем очевидным стало то, что привнесенные в Африку извне идеи свободы и универсальные моральные принципы (равноправие, братство, справедливость) оказались там гораздо более уважаемы и почитаемы, чем в среде их западных теоретиков³⁴. Африканские интеллектуалы явно проявляли склонность к интернационализации идей, что, по мнению А. Мазруи, превратило их в неде-

³¹ Там же. С. 107.

³² Miller Ch. Theories of Africans: the Question of Literary Anthropology // "Race", Writings and Difference. P. 281-282.

³³ Лессинг Г.Э. Воспитание человеческого рода // Мир образования. 1997. № 3. С. 41.

³⁴ Mazrui A. A. Africa's International Relations. The Diplomacy of Dependency and Change. P. 30, 105.

лимую общность. Ее отличительными чертами стали универсализм, интернационализм и либерализм³⁵.

Проявляя заботу об экологии африканской культуры, А. Мазруи соглашался с предостережением А.К. Армы, высказанным на страницах повести "Целители": "Мы можем потеряться в настоящем, если забудем о нашем прошлом и не будем задумываться о будущем"³⁶. Неслучайно практически все живущие на Западе интеллектуалы по мере возможностей в последние десятилетия встали на путь пропаганды ее достижений. В 80 - 90-е годы им удалось создать достаточно привлекательный образ африканской культуры, изменившей свое положение во времени и пространстве, синтетической по форме и содержанию, и на опыте своей семьи, друзей и близких, а также на основе обширной источниковой базы, включающей мемуарную и художественную литературу, периодическую печать, опросы и интервью, обобщить почти полувековой опыт послевоенной истории и сформулировать достаточно целостную и оптимистичную концепцию ее развития по пути к универсализму. Ее символом вполне могло бы стать вечно вращающееся колесо, олицетворение энергии и движения к свободе через крушение надежд и рабскую зависимость, "отчуждение" и "одиночество" - образ, заимствованный многими авторами у Ф. Фанона³⁷.

Собственно, мало кто питал иллюзии относительно возможности вырваться из этого круга. Напротив, используя контакты с коллегами из других стран и добиваясь консолидации интеллектуальной общины на региональном уровне, на континенте и за его пределами, африканцы, осевшие на Западе, сумели обогатить свою культуру извне, вдохнув свежую струю не только в развитие континента, но и африканской диаспоры. В 70 - 90-е годы их имена появились не только в числе лауреатов Нобелевской и Букеровской премий, но и в списках директоров и управляющих крупнейшими банками и фирмами. Африканцев приглашали на работу в престижные западные университеты и исследовательские центры, в международные организации, в том числе в Организацию Объединенных Наций. В определенной мере им удалось развеять миф о патологической отсталости и неспособности негров к адаптации в новой социо-культурной среде и в мире интеллектуальных профессий. Иными словами, африканские интеллектуалы, сумев адаптироваться на Западе, продемонстрировали не только свои способности к "выживанию". Они дали понять окружающим, что принадлежность к "очевидному меньшинству" не должна быть мерилом профессиональных навыков, что африканцы готовы конкурировать с представителями других рас и этносов и безусловно способны внести свой вклад в развитие мировой науки и культуры.

³⁵ Mazrui A. Political Values and the Educated Class in Africa. P. 354; Mazrui A. Violence and Thought. Essays on Social Tension in Africa. New York, 1966. P. 206.

³⁶ Armah A. K. The Healers.

³⁷ Fanon F. Black Skin, White Masks. P. 116.

Бонапартизм

(К постановке вопроса о сущности государственно-политического режима Второй империи во Франции)

Бонапартизм - понятие достаточно широкое как в содержательном, так и хронологическом плане. В данной статье речь пойдет о бонапартизме применительно к государственно-политическому режиму Второй империи во Франции (1852 – 1870 гг.).

До настоящего времени наше понимание сущности бонапартизма покоилось на тех оценках, которые дали этому историческому феномену основоположники марксизма-ленинизма, и в значительной степени дополнили отечественные историки-марксисты.

Из всех многочисленных определений понятия "бонапартизм", которые существуют в марксистской литературе, обратимся к наиболее емкому и краткому, изложенному в Советском энциклопедическом словаре: "Бонапартизм - контрреволюционная диктатура крупной буржуазии, опирающаяся на военщину и реакционно настроенные слои крестьянства и лавирующая между борющимися классами в условиях неустойчивого равновесия классовых сил; сочетает демагогию с политикой наступления на демократию и революционное движение"¹.

Теперь посмотрим, насколько данная дефиниция соответствует действительности применительно к государственному режиму Второй империи во Франции, благо в марксистских характеристиках много путаницы, неувязок и противоречий.

1. *Осуществление государственного переворота 2 декабря 1851 года Луи Бонапартом* не вызывает сомнений. Однако, на наш взгляд, остается открытым вопрос о его контрреволюционном характере. По утверждению К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, революционные потенции французской буржуазии к 1848 году были исчерпаны. По итогам буржуазно-демократической революции 1848 - 1849 годов власть во Второй республике оказалась в руках наиболее реакционной и консервативной части буржуазии, представленной легитимистско-орлеанистской "партией порядка", проводившей "контрреволюционную политику"². Таким образом, государственный переворот Луи Бонапарта был

¹ Советский энциклопедический словарь. М., 1987. С. 157.

² Ленин В.И. Из какого классового источника приходят и "придут" Кавеньяки // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32.

направлен против этих сил. Этот факт подтверждают и основоположники марксизма. Так, Ф. Энгельс отмечает, что "2 декабря борьба велась главным образом между буржуазией и Луи-Наполеоном"³, что Луи Бонапарт "уничтожил буржуазный парламент и подорвал политическое могущество буржуазии..."⁴. Его поддерживает К. Маркс, заявляя, что 2 декабря "Франция избавилась от деспотизма целого класса" и "крупная буржуазия холопски рукоплещет государственному перевороту 2 декабря ..., гибели своего собственного господства"⁵.

В итоге напрашивается парадоксальный вывод: государственный переворот, установивший бонапартистский режим, который "представлял наиболее отвечающую условиям времени форму буржуазной контрреволюции"⁶, был направлен против власти контрреволюционной буржуазии.

По всей очевидности, здесь вряд ли можно говорить о контрреволюционном перевороте. Скорее всего, события 2 декабря 1851 года следует рассматривать как борьбу за власть внутри правящей верхушки Второй республики, как столкновение бонапартистского президента и роялистского парламента и правительства, которое закончилось поражением роялистов.

2. *О диктатуре и терроре.* В марксистской литературе имеется достаточно широкий спектр формулировок и оценок государственного режима Луи Бонапарта: "деспотизм одного индивида", «императорский деспотизм»⁷, "диктатура Бонапарта"⁸, "военный деспотизм"⁹.

Учитывая, что в дословном переводе с латинского слова "диктатура" и "деспотизм" означают никем и ничем не ограниченную власть, и, отталкиваясь от вышеперечисленных формулировок, Вторую империю следует квалифицировать как одну из форм тоталитарного режима наиболее реакционных сил и держащегося исключительно на деспотизме, терроре, штыке и произволе¹⁰.

Вряд ли есть необходимость опровергать тот факт, что становление Второй империи происходило с определенными издержками для демократических свобод и институтов, в особенности в первые годы после переворота. Однако справедливости ради следует отметить, что большая часть репрессивных, антиреспубликанских, антидемократических мероприятий, приписываемых в мар-

³ Энгельс Ф. Действительные причины пассивности французских пролетариев // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 8. С. 236.

⁴ Там же. С. 240.

⁵ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 8. С. 205, 201.

⁶ История Франции. В 3 т. Т. 2. М., 1973.

⁷ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Там же. Т. 12. С. 17; Т. 8. С. 205; Маркс К. Сардиния // Там же. Т. 12. С. 17.

⁸ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Там же. Т. 8. С. 201.

⁹ Энгельс Ф. Действительные причины пассивности французских пролетариев // Там же. Т. 8. С. 238.

¹⁰ Маркс К. Правление преторианцев // Там же. Т. 12. С. 412.

ксисткой литературе императору Наполеону III, была осуществлена в период Второй республики, после победы буржуазно-демократической революции и в условиях функционирования демократической конституции от 4 ноября 1848 года¹¹.

Как любой нормальный государственный строй, режим Второй империи не являлся чем-то навсегда застывшим и неизменным. За время его существования прослеживается эволюция от монархии с авторитарными тенденциями (1852 – 1860 гг.) к либеральной империи (1860 – 1870 гг.), когда был осуществлен ряд конституционных мер, направленных на расширение демократических свобод и прав и полномочий представительных органов.

Кроме того, даже в условиях авторитарной империи сохранились представительные органы в лице Законодательного корпуса, органов местного самоуправления - муниципалитетов, которые формировались на основе всеобщего избирательного права. Продолжали свою деятельность оппозиционные буржуазные партии легитимистов и орлеанистов, а затем и республиканцев. Закон 17 февраля 1852 года существенно ограничил свободу печати, но не ликвидировал ее.

Сам факт существования легальной оппозиции государственному режиму и ее неуклонный рост, наличие оппозиционной прессы¹² противоречат утверждениям о полицейском деспотизме и военной диктатуре.

Следует выделить и еще один важный момент, связанный с тем, что за двадцатилетний период своего существования государственный строй Второй империи имел постоянную широкую социальную опору, состоящую практически из всех слоев населения страны. Уже на президентских выборах 10 декабря 1848 года Луи Бонапарт получил 75% голосов. Плебисциты 21 декабря 1851 года об одобрении действий президента Луи Бонапарта 2 декабря 1851 года и 21 ноября 1852 года о восстановлении империи дали ему 92% голосов¹³. На последнем плебисците 8 мая 1870 года, проведенном за 4 месяца до падения империи, 70% участвовавших в голосовании отдали свои голоса империи Наполеона III, тогда как против было подано 14,8%¹⁴.

И здесь встает очередной вопрос - типичен ли плебисцит (как форма волеизъявления народа) в качестве одного из методов управления страной для деспотии, военно-политической диктатуры? Типична ли столь широкая социальная опора для деспотического режима, держащегося, по К. Марксу, на 600 тыс. штыков?¹⁵

На втором этапе существования Второй империи (1860 – 1870 гг.) был осуществлен ряд значительных либеральных преобразований, которые свиде-

¹¹ См.: Революция 1848 - 1849. В 2 т. М., 1952.

¹² История Франции: В 3 т. М., 1973. Т. 2. С. 337.

¹³ Pouthas Ch. H. Histoire politique du Second Empire. P., 1954. P. 48.

¹⁴ Plessis A. De la Fête impériale au mur des fédérés. 1852 - 1871. P., 1979. P. 220.

¹⁵ Маркс К. Правление преторианцев // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 12. С. 412.

тельствовали о трансформации империи в конституционно-парламентскую монархию: 1) расширение прав представительных органов в лице Законодательного корпуса и Сената - предоставление права законодательных инициатив, выборы председателя Законодательного корпуса, право голосовать бюджет по статьям, публиковать полностью отчеты о заседаниях¹⁶; 2) 12 мая 1868 года был принят новый закон о печати, отменявший обязательность правительственного разрешения на издание новых органов печати.

6 июня 1868 года был принят закон, разрешавший проведение публичных собраний, которые стали примечательным явлением и сыграли значительную роль в общественно-политической жизни Франции конца 1860-х годов. В числе вопросов, обсуждавшихся на них: о привилегиях, о праве наследования, о женском труде, о монополиях, о наемном труде и пауперизме, о рабочих синдикальных палат, о коммунизме, и т.д.¹⁷

В 1860-е годы продолжается усилие оппозиции, охватывавшей республиканцев, орлеанистов и легитимистов. В январе 1870 года было сформировано новое правительство во главе с буржуазным республиканцем Э. Оливье, в апреле того же года была опубликована и представлена на плебисцит новая либеральная конституция, предусматривавшая дальнейшее расширение прерогатив представительных органов¹⁸.

В 1860-е годы был расширен круг либеральных реформ по отношению к рабочему классу. С 1862 года указом императора стачечников перестали привлекать к ответственности. 25 мая 1864 года Законодательный корпус отменил реакционный закон Ле Шапелье, существовавший с 1791 года, т.е. с времен Великой французской революции, в соответствии которым стачки были запрещены. Отныне за рабочими признавалось право на забастовку и создание «рабочих коалиций». В 1868 году правительство отменило ст. 1781 Гражданского уложения, что допускало свободное существование рабочих синдикальных палат (профсоюзов) наряду с предпринимательскими. Это дает толчок быстрому развитию профсоюзного движения в стране¹⁹.

Правительство Наполеона III принимало меры по улучшению жизни трудящихся, обеспечению их работой. В 1850 - 1860-х годах им были предприняты крупные общественные работы по перестройке и украшению Парижа. Это давало заработок десяткам тысяч рабочих, которые прибывали в столицу со всех концов страны. Подобные работы велись также и в других городах Франции: Марселе, Гавре, Лионе, Лилле. Из конфискованных в государственную казну капиталов Орлеанского дома было ассигновано 10 млн. франков на улучшение жилищных условий рабочих. В годы неурожаев и кризисов организовывались правительственные денежные подписки в пользу бедных. Предпринимателям,

¹⁶ Plessis A. Op cit. P. 219-220.

¹⁷ История Франции. Т. 2. С. 362-363.

¹⁸ Там же. С. 371.

¹⁹ Лукин Н.М. Избранные труды: В 3 т. М., 1960-1963. Т. 2. С. 53.

которые на своих предприятиях открывали "богоугодные" заведения, правительство предоставляло казенные субсидии²⁰.

Таким образом, вновь поневоле встает вопрос - каким образом соотнести все эти значительные либеральные перемены в экономике, государственной системе, общественно-политической жизни Франции периода Второй империи с утверждениями о военной диктатуре, деспотизме и полицейском терроре?

3. *Утверждение, что режим Второй империи держался на неустойчивом равновесии* продолжающих борьбу основных классов общества (буржуазии и пролетариата), также вызывает определенные сомнения.

1) Может ли быть какое-то равновесие между борющимися классами при военной диктатуре, так как сущность любой диктатуры, как нам кажется, именно и состоит в открытом подавлении одного класса другим и установлении его абсолютного господства?

2) Хотелось бы подчеркнуть к тому же, что, в отличие от легитимистско-орлеанистского периода (1815 – 1848 гг.), наполненного заговорами, массовыми волнениями, вооруженными восстаниями, крупными забастовками, активной деятельностью многочисленных тайных революционных клубов и обществ, Вторая империя не знала ничего подобного. Никакого значительного продолжения классовой борьбы здесь не было²¹.

3) Пролетариат ни в численном, ни в политическом отношении не представлял тогда основного класса французского общества. По данным переписи 1866 года, рабочие составляли 8%, а крестьянство - 53% от всего населения Франции²². Таким образом, основным классом было крестьянство, которое, по утверждению самих же основоположников марксизма-ленинизма, и решило политическую судьбу государственного режима Наполеона III.

4. *Лавирование между борющимися классами.*

1) Практически любому нормальному государственному режиму приходится время от времени в той или иной степени лавировать (маневрировать) между различными социальными группами, слоями и классами. Это необходимо для поддержания социального равновесия в обществе, социальной и политической стабильности, сохранения необходимой опоры режима. Если он этого не будет делать, то долго не продержится. К тому же, как нам кажется, применительно к государственной политике Второй империи речь должна идти не о лавировании, а о социальном маневрировании, что не одно и то же. И вообще в марксистской фразеологии в данном случае какое-то странное сочетание: военно-полицейская диктатура лавирует между классами. По законам элементарной логики, диктатура должна давить, а не лавировать.

²⁰ Лукин Н.М. Указ. соч. С. 51.

²¹ Энгельс Ф. Действительные причины пассивности французских пролетариев // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 8. С. 237.

²² Лукин Н.М. Указ. соч. С. 43.

2) В рамках концепции лавирования марксисты вписывают прежде всего политику Наполеона III по отношению к рабочему классу, подчеркивая при этом ее демагогический характер. Скорее всего, рабочая политика Наполеона III - это целенаправленное социальное реформаторство, ориентированное на создание в стране социального спокойствия, социального мира, что до поры до времени ему и удалось сделать.

5. *Мнимый надклассовый характер бонапартизма.* К. Маркс отмечал, что еще избрание Луи Бонапарта президентом Второй республики удовлетворяло практически все слои и классы французского общества, все партии, существовавшие в это время²³. Режим Второй республики действительно стремился подать себя как силу, которая стоит выше классовых противоречий, которая не выражает интересов какой-либо конкретной группировки людей, и поэтому служит единственной формой государственной власти. Можно полагать, что данное утверждение соответствует истине, так как в тот момент только подобная форма государственного устройства и могла обеспечить и обеспечила необходимый порядок и социальное спокойствие. Даже К. Маркс вынужден был, хотя и со значительными оговорками, это подтвердить в своей работе "Гражданская война во Франции", где он писал: "В действительности империя была единственно возможной формой правления в то время, когда буржуазия потеряла способность управлять нацией, а рабочий класс еще не получил этой способности"²⁴. (Кстати, еще одно парадоксальное утверждение, которое вновь вынуждает поставить вопрос о том, какой же все-таки класс тогда находился у власти. - Е.М.)

6. *Агрессивный, авантюристический, имперский характер внешней политики.*

1) Подобную политику во второй половине XIX века (как и много ранее) проводили все крупнейшие державы, но, тем не менее, почему-то их не обвиняют в проявлении бонапартизма. Наступил завершающий этап борьбы за передел мира, и вполне естественно, что Франция, претендующая на роль великой державы, не могла остаться в стороне от борьбы.

2) Возможно, ряд внешнеполитических акций Наполеона III носил (вне зависимости от его субъективных желаний) прогрессивное значение. Крымская война нанесла поражение жандарму Европы № 1 в лице России (по определению основоположников марксизма. - Е.М.). Франко-итало-австрийская война 1859 - 1860 годов - поражение европейского жандарма № 2, Австро-Венгерской империи, что способствовало, в конечном итоге, освобождению и объединению Италии.

Исходя из вышеизложенного, невольно встает вопрос - насколько режим Второй империи соответствует классическому канону бонапартизма? Склады-

²³ Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг. // Там же. Т. 7. С. 43.

²⁴ Маркс К. Гражданская война во Франции // Там же. Т. 17. С. 341.

вастся впечатление, что сам по себе термин "бонапартизм", в его марксистской трактовке, - понятие малосодержательное с научной точки зрения, которое не может с достаточной степенью адекватности раскрыть сущностную сторону явления, в данном случае политику и характерные черты государственного режима Второй империи во Франции. Данная дефиниция, скорее, имеет отношение к политической лексике и терминологии, чем к науке, и имеет к тому же, в марксистском изложении, ярко выраженную партийную окраску.

Государственно-политический режим Второй империи - сложное и противоречивое явление, которое очень плохо вписывается в прокрустово ложе марксистской концепции бонапартизма. Объективному освещению событий и правильным оценкам государственного режима Второй империи мешало отсутствие глубоких его исследований в марксистской литературе. Невольно создается впечатление, что все историки-марксисты, что-либо писавшие о Второй империи, пытались не установить истину, а лишний раз подстраховать в своих работах трактовки и характеристики, данные некогда основоположниками марксизма-ленинизма Второй империи и Луи Бонапарту.

С нашей точки зрения, государственно-политический режим Второй империи - не деспотизм, не военно-политическая диктатура, держащаяся исключительно на терроре и штыках. На штыке долго не усидишь. Вторая империя достаточно благополучно просуществовала почти 20 лет и пала в результате не внутреннего кризиса, а военной катастрофы.

Вторая империя - конституционно-представительная монархия, имевшая тенденцию к либерализации и демократизации своей государственно-политической системы, активно способствовавшая экономическому процветанию страны и поддержанию внутреннего социального мира, а также в значительной степени - укреплению международных позиций Франции.

Вторая империя - форма государственного правления, которая является составной частью и последним этапом не менее сложного и противоречивого переходного периода от "старого режима" (феодального строя) к классической буржуазно-демократической республике; период, начавшийся в 1789 году и завершившийся в 1875-м. Период, когда шел процесс выработки, апробирования и утверждения социально-экономических и политических основ современного буржуазного государства, а также основных республиканских и демократических ценностей, сформулированных в лозунгах Великой французской революции, - "Свобода. Равенство. Братство".

Солидаризм как составная часть теории социальной справедливости во Франции XIX века

В преддверии XXI века, когда историки и политики, обсуждая проблему глобализации мирового пространства, пытаются актуализировать идею о солидарности в обществе¹, представляется небезынтересным с научной точки зрения обратиться к ее историческим истокам.

Доктрина солидаризма, появлением которой Франция обязана Леону Буржуа², сыграла значительную роль в развитии социального законодательства в Западной Европе. Однако, как справедливо отмечает известный французский историк С. Берстейн, эта доктрина имеет довольно странную судьбу: "В истории политических идей она наиболее незаметна и недооценена: кто сегодня вспоминает Леона Буржуа, патриарха радикализма³, затерянного в недрах исторической памяти? В то же время в политической практике, как во Франции, так и в Европе, вряд ли найдутся социальные мероприятия, не выдержанные в ее концептуальном духе. Она, действительно, является стержнем европейской социальной модели общества, об основных достоинствах которой с новой силой заговорили теперь, когда они могут исчезнуть в процессе глобализации мировой жизни"⁴.

По сути, солидаризм как идейное течение конца XIX века зародился в условиях, когда в обществе обозначилось противоречие между политической демократией, основанной на всеобщем избирательном праве, и экономическим и социальным либерализмом, обрекавшим наиболее слабые социальные слои общества на поражение в жесткой конкурентной экономической борьбе. Его возникновение связано с попытками республиканцев, пришедших к власти, выполнить данные гражданам предвыборные обещания об освобождении народа,

¹ Недавно во Франции был опубликован специальный труд, посвященный этой проблеме, написанный коллективом авторитетных историков: Ruby M. Mondialisation et solidarité. Solidarisme et XXI-ème siècle. Préface de Serge Berstein. Orléans, 1998.

² В 1896 году в Париже появилась брошюра: Bourgeois L. Solidarité.

³ В 2001 г. две небольшие французские политические партии: партия левых радикалов, блокирующаяся с социалистами, и партия радикалов, входящая в правоцентристскую коалицию ЮДФ, ориентированную на союз с голлистами, - которые считаются историческими наследниками радикализма, будут отмечать столетний юбилей со дня создания некогда единой республиканской партии радикалов и радикал-социалистов.

⁴ Цит. по: Ruby M. Op. cit. P. 7.

достижении прогресса и справедливости для бедных. Преследуя эту цель, они в то же время стремились сохранить неизблемыми рыночные законы в развитии общества. Поэтому солидаризм был выбран ими как третий путь между индивидуалистским либерализмом и социализмом в силу их неприемлемости для республиканцев, “так как первый насаждал закон джунглей, противоречащий цивилизованному обществу, а второй угрожал существованию частной собственности, считавшейся гарантией свободы и достоинства человека”⁵.

В конце XIX века на помощь политикам в разработке теории солидаризма пришли представители интеллектуальной элиты общества: биолог А. Милн-Эдвард, социолог Э. Дюркгейм, философ А. Фуйе и др.⁶. В своих произведениях они развивали мысль о том, что “общество должно быть основано на социальном контракте, объединяющем всех его индивидов”⁷.

Иными словами, доктрина солидаризма призвана обеспечить социальную солидарность в обществе, к достижению которой стремились французские правительства на протяжении Третьей, Четвертой и Пятой республик⁸, а кульминационным моментом в ее развитии стало появление теории государства-провидения в мире после второй мировой войны.

Признавая актуальность идеи солидарности общества и необходимость ее “вхождения” в третье тысячелетие, было бы весьма логично проследить историю возникновения доктрины солидаризма во Франции, а также подробно остановиться на анализе ее основных компонентов. Тем более следует учитывать тот факт, что в отечественной литературе этот вопрос специально не освещался.

Леон Буржуа и зарождение солидаризма

Л. Буржуа (1851 - 1925) родился в Париже, получил юридическое образование и начал свою карьеру в качестве секретаря коллегии адвокатов, однако значительная часть его трудовой деятельности была отдана работе в административных органах. В 1877 году Буржуа становится генеральным секретарем префектуры департамента Марна, а спустя 10 лет - префектом полиции Парижа.

⁵ Ruby M. Op. cit. P. 10-11.

⁶ Работа Э. Дюркгейма “Социальное разделение труда” (“De la division du travail social”), опубликованная в 1983 г., принесла ему мировую известность как основоположнику социологии.

⁷ Ibid. P. 10.

⁸ Третья республика существовала во Франции в 1870 - 1940 гг., Четвертая - в 1946 - 1958 гг. (период с 1944 по 1946 год называется Временным режимом, и его часто вписывают в историю Четвертой республики), Пятая республика была провозглашена в 1958 году, существует и поныне. Подробнее о социальной политике за эти годы см.: Антюхина-Московченко В.И. Третья республика во Франции. 1870 - 1918. М., 1986; Рубинский Ю.И. Тревожные годы Франции. 1919 - 1939. М., 1973; Смирнов В.П. Новейшая история Франции. М., 1979; Наринский М.М. Борьба классов и партий во Франции в 1944 - 1958 гг. М., 1983; и др.

В 1882 году его посвящают в масонскую ложу “Ля сансерите”, связанную с ложей Великого Востока Франции. С 1888 года он становится постоянным представителем департамента Марна либо в Палате депутатов, либо в Сенате, председательствуя в этих палатах высшего законодательного органа соответственно в 1902 – 1904 и в 1920 - 1923 годы. На протяжении 1888 – 1923 годов Л. Буржуа восемь раз руководил работой различных министерств, а с ноября 1895 по апрель 1896 года был премьер-министром страны. Кроме того, он неоднократно участвовал в качестве представителя Франции на международных конференциях по миру в Гааге, в 1919 году возглавлял делегацию своей страны в Лиге Наций и даже был избран ее главой⁹. В том же году Л. Буржуа вошел в состав членов Академии наук.

Опубликованная в 1896 году книга “Солидарность” принесла Буржуа широкую известность, несмотря на то, что, излагая главные принципы солидаризма, он, по сути, лишь синтезировал давно существовавшие в мире представления о солидарности. Как справедливо писали современники Буржуа, экономисты Ш. Жид и Рис: “... идея о том, что солидарное общество - это общество, в котором все его люди составляют единое целое, подобно различным органам человеческого тела, сама по себе не нова. Во времена античности святой Павел, Марк-Аврелий, не говоря уже об Агриппе, изложили ее почти в тех же словах”¹⁰. Тем не менее именно в XIX веке теория солидаризма “обрела второе дыхание, даровав надежду на удовлетворение интересов тем гражданам, кто не желал больше мириться с экономическим либерализмом и выступал против коллективизма и этатизма”¹¹.

Слово “солидарность” впервые вошло в политический лексикон в 1839 году. Его употребил в своей знаменитой книге “Об обществе” (*De l'humanité*) философ П. Леру. Он попытался вложить в понятие солидарности не только юридический, но и философский смысл. Сам он писал об этом так: «Я первым употребил слово “солидарность”, чтобы ввести его в философию, которую я считаю религией будущего. Я хотел тем самым заменить понятие христианской благотворительности понятием общественной солидарности»¹². Хотя это слово не получило широкого распространения, уступив по популярности слову “социализм”, введенному в оборот тоже Леру, оно неоднократно становилось предметом дискуссий во французском обществе.

Так, в 1880 году А. Марион, профессор философии в лицее Генриха IV¹³, выпустил книгу “Моральная солидарность, очерк прикладной психологии” (*De*

⁹ См. об этом: Bourgeois L. Pour la Société des Nations. P., 1910.

¹⁰ Gide et Rist. Histoire des doctrines économiques depuis les physiocrates jusqu'à nos jours. P., 1944. P. 612.

¹¹ Цит. по: Bloch R. Histoire du Parti radical-socialiste. P., 1968. P. 12.

¹² Цит. по: Bloch R. Op. cit. P. 12.

¹³ Лицей Генриха IV - это весьма престижное среднее учебное заведение, выпускники которого, как правило, продолжают высшее образование и зачастую посвящают себя науке.

la solidarité morale, Essai de psychologie appliquée). В 1889 году созданное в Женеве Общество социальных исследований организовало серию конференций, во время которых сталкивались главные экономические доктрины того времени: экономический либерализм (Ф. Пасси), социализм (Штейнгер), христианизм (К. Жаннэ), "Новая школа" (Ш. Жид), переименованная вскоре в "Школу солидарности". В 1893 году Э. Дюркгейм предложил в уже упомянутой нами книге рассмотреть идею солидарности в новом ключе, с точки зрения разделения труда. Наконец, в 1896 году увидела свет книга Л. Буржуа "Солидарность", о которой тоже говорилось выше, а в течение зимы 1901/02 года в Высшей школе социальных наук Парижа¹⁴ был организован цикл лекций по теории солидарности, в котором принимал участие Л. Буржуа, а также другие ее приверженцы, такие, как, например, Андле, Бугле, Дев, Эйхталь, Фуйе, Брюно и др. Выступления докладчиков впоследствии вошли в состав единого сборника, опубликованного в 1902 году¹⁵.

Таким образом, в начале XX века идея солидарности стала неотъемлемой частью общественной жизни во Франции. Как бы в подтверждение этого, выступая с лекционным курсом в 1927/28 учебном году в Коллеж де Франс¹⁶, Ш. Жид провозгласил, что "тройственный девиз 1789 года: свобода, равенство, братство себя несколько исчерпал" и предложил дополнить его новым содержанием, присоединив четвертый лозунг: "солидарность"¹⁷. К этому времени доктрина солидаризма, главной идеей которой служит идея о солидарности в обществе, обогатилась по содержанию. Ее теоретики стали рассуждать о солидарности объективной, моральной, долга и правовой, придавая каждой из четырех перечисленных дефиниций свой смысл и прослеживая их взаимозависимость в обществе. Причем первая из них относится к естественной сфере деятельности человека, тогда как остальные три - к социальной.

Остановимся подробнее на каждой из названных категорий солидарности.

Аспекты солидаризма

Объективная солидарность - это понятие, как считают его авторы, наиболее очевидно¹⁸. Оно базируется на кантовском учении об органическом единстве организма, которое распространяется на общество, или, как его называет Ш. Жид, "ассоциацию"¹⁹. Суть объективной солидарности выражается в том, что "развитие каждого члена ассоциации должно быть гармоничным ... посто-

¹⁴ Высшая школа социальных наук в Париже остается и в наши дни одним из элитных учебных и научных центров страны, прием в который производится только по конкурсу.

¹⁵ Essai d'une philosophie de la solidarité. P., 1902.

¹⁶ Коллеж де Франс - высшее учебное заведение, известное своим высоким уровнем преподавания таких дисциплин, как философия, экономика, история, литература.

¹⁷ Цит. по: Bloch R. Op. cit. P. 11.

¹⁸ Essai... P. 2.

¹⁹ Ibid. P. 3.

янно эволюционировать в ходе общественного прогресса ... и касаться всех сторон человеческой активности”²⁰.

Моральная солидарность, по мнению последователей доктрины солидаризма, достигается обществом при выполнении двух необходимых условий. Во-первых, “если каждый его индивид имеет возможности для наиболее успешного саморазвития, а также воздействия на окружающую его среду в полную меру своих способностей”; во-вторых, “если в нем прослеживается органичная связь между индивидуальными и коллективными усилиями на пути продвижения к социальному равновесию”²¹.

Кроме того, одним из факторов успешной реализации этих условий они считают создание “общества договорного”, основанного на “соблюдении принципа обязанности и справедливости”²². Признавая, что человеческой природе свойственна борьба, сторонники солидаризма считают ее “средством для совершенствования и селекции в обществе”²³, а “солидарная ассоциация, - пишет Л. Буржуа, - является единственным условием успешного исхода борьбы за существование”²⁴. Он уверен в том, что человек “не может оставаться безразличным к социальной драме; он является в ней не зрителем, а актером, которому выпадет либо роль жертвы, если эта драма закончится слезами, насилием и ненавистью; либо роль героя, если она завершится миром, справедливостью и любовью. Главным побудительным мотивом ежечасной активности человека служит закон его собственной внутренней силы”²⁵.

Под этой внутренней силой Буржуа понимает разум, сознание и ум²⁶, обогатив таким образом философскую часть доктрины солидаризма концепцией Фихте о роли разума в освобождении индивида в обществе. На этой основе была окончательно сформулирована идея моральной солидарности как социального идеала, позволяющего индивиду “почувствовать себя настоящим человеком”²⁷. Последователи солидаризма считали ее универсальным мировым законом. По мнению А. Мариона, “она управляет человеком, обществом и странством. Изучать ее - значит исследовать условия совершенства общества, понять причины падения и роста в нем как индивидуальной, так и коллективной морали”²⁸.

Призывая к достижению социального прогресса в данном обществе и в данный момент, сторонники солидаризма противопоставляли свою доктрину христианскому милосердию. Так, К. Леон пишет, что “христианство ... пропо-

²⁰ Ibidem.

²¹ Ibid. P. 6.

²² Ibidem.

²³ Ibid. P. 4.

²⁴ Ibid. P. 3.

²⁵ Bourgeois L. Op. cit. P. 30.

²⁶ Ibid. P. 29.

²⁷ Ruby M. Op. cit. P. 37.

²⁸ Marion H. Op. cit. P. 45.

ведущая идея мировой катастрофы ... призывает человека к самоотречению, послушанию, прощению и унижению"²⁹. В свою очередь А. Дарлю акцентирует внимание на том, что "если моральная солидарность и делает ее сторонников в определенной степени коллективистами, то это ни в коей мере не умаляет для них значения роли индивидуального сознания и личной ответственности"³⁰.

Иными словами, вышеперечисленные авторы пришли к выводу о необходимости нацеливания всех усилий общества на организацию общественного союза, а также о том, что полученные от его создания блага должны использоваться в интересах каждого человека.

Солидарности долга Леон Буржуа и его единомышленники придавали двойственную функцию. С одной стороны, они включали в это понятие фактор активности каждого человека в борьбе за установление в обществе социальной справедливости³¹. Так, Ж. Малапер пишет: "То, что борьба за развитие индивидуума - это главное условие прогресса, является общепризнанным историческим фактом... Однако общеизвестно также, что если индивидуальные усилия человека замыкаются только на нем самом, ... то этого будет недостаточно, чтобы обеспечить ему длительное процветание, безопасность и существование в обществе"³². Л. Буржуа, апеллируя в этой связи к понятию долга³³, настаивает на том, что человек должен почувствовать свою ответственность как по отношению к предшествующему поколению, так и к современникам³⁴; осознать, что солидарность обязывает его "найти средства борьбы против человеческих страданий"³⁵; наконец, принять закон о солидарных действиях между отдельными людьми, социальными группами в рамках одного общества, а также между сообществами людей"³⁶.

Таким образом, вторая сторона солидарности долга определяется как ответственность. Разделяя взгляды своих соратников, А. Марион подчеркивает, что закон о солидарных действиях "вовсе не должен быть нацелен на абсолютную ликвидацию неравенства, так как она всегда присуща людям в силу различных индивидуальных способностей, данных природой"³⁷. Основная ценность такого закона, согласно Мариону, как раз и заключается в том, чтобы уважать человеческое достоинство³⁸, а Л. Буржуа трактует этот закон как "средство освобождения человека"³⁹.

²⁹ Essai... P. 234-238.

³⁰ Ibid. P. 253.

³¹ Ibid. P. 223; Bourgeois L. Op. cit. P. 54.

³² Essai... P. 61.

³³ Ibid. P. 9.

³⁴ Bourgeois L. Op. cit. P. 47.

³⁵ Essai... P. 11.

³⁶ Bourgeois L. Op. cit. P. 63.

³⁷ Marion H. Op. cit. P. 20.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Bourgeois L. Op. cit. P. 63.

Под солидарностью долга Л. Буржуа призывает граждан почувствовать социальный долг друг перед другом в обществе и, осознав всю степень ответственности за человеческое благо, заключить "социальный контракт"⁴⁰. Идея социального контракта в обществе является стержневой в концепции солидаризма, зародившегося во Франции в конце XIX - начале XX века. Его основоположники считали, что, благодаря социальному контракту, солидарность получает фундамент для приобретения необходимой правовой основы⁴¹.

Солидарность правовая базируется на согласии договаривающихся сторон подписать "взаимный ... социальный контракт, гарантирующий всем, насколько это возможно, справедливое распределение общественного богатства и социальную защиту"⁴². Причем, как писал Л. Буржуа, в отличие от Ж.-Ж. Руссо, считавшего идею о социальном контракте исходным моментом в развитии общественных отношений, сторонники солидаризма, напротив, видят в нем конечную цель этого развития⁴³. Далее он отмечал, что контракт, "свободно и последовательно исполняемый заключившими его сторонами, станет основой прав человека"⁴⁴. Причем Буржуа, как видно, вполне осознавал проблематичность заключения упомянутого контракта в современном ему обществе, опасаясь, что общественный дух, партии и людской эгоизм могут тормозить исполнение взятых обязательств⁴⁵. Кроме того, он был убежден в том, что общество, осознавая изначальное различие способностей и возможностей своих граждан по природе, должно избегать "простого жертвоприношения одних в пользу других" (иными словами, уравниловки. - Г.К.), а также обеспечить законодательным порядком принцип взаимности в социальном контракте и избегать насильственных действий от имени справедливости⁴⁶.

Доктрина солидаризма отводит государству весьма незначительную роль в принятии социального контракта: "Оно, как и в частном праве, - пишет Л. Буржуа, - должно использовать свои властные полномочия лишь для того, чтобы санкционировать подписанные соглашения и обеспечить соблюдение их условий"⁴⁷.

⁴⁰ Essai... P. 79.

⁴¹ Причем сторонники солидаризма употребляли французское слово "quasi-contrat", которое на русский язык переводится как специальное юридическое понятие, означающее обязательство, возникающее без предварительного соглашения сторон. На наш взгляд, русский перевод весьма емко отражает сущность стержневой идеи солидаризма, отражая, что обязательство, о котором идет речь, имеет, с одной стороны, естественную, а с другой - духовную природу.

⁴² Essai... P. 46.

⁴³ Bourgeois L. Op. cit. P. 133.

⁴⁴ Ibid. P. 132.

⁴⁵ Ibid. P. 69.

⁴⁶ Essai... P. 48-53.

⁴⁷ Ibid. P. 52.

На наш взгляд, вопрос о роли государства является вторым краеугольным камнем солидаризма. Фактически отрицая необходимость государственного регулирования социальных отношений, теоретики солидаризма существенно расходились с идеологами социализма, с которыми их весьма сближала идея построения общества социальной справедливости.

Солидаризм и социализм. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что понятие "социализм" не было абсолютно чуждым создателям доктрины солидаризма. Более того, Л. Буржуа прямо писал о том, что солидаризм в известном смысле есть социализм, но социализм специфический, неколлективистский⁴⁸. Такой социализм строится на защите идеи свободы личности и сохранения частной собственности в обществе. Но в то же время, как пишет Буржуа, "солидаризм не признает контрактов, заключенных с позиции экономической силы ..., заключенные на подобных условиях, они порочны по сути и не соответствуют идеалу справедливости"⁴⁹. Однако критика капитала со стороны Буржуа касается лишь крупнейших его представителей, тогда как "капитал в принципе необходим. Вопрос заключается лишь в его масштабах. Осуждать следует только злоупотребления им"⁵⁰.

Социалистическую борьбу против капитализма Л. Буржуа не приемлет за ее коллективистскую и революционную ориентацию. Первой он противопоставляет идею неравенства в обществе, заложенную природой происхождения человека, которую нельзя преодолеть⁵¹, второй - эволюционную теорию освоения человека, которое никогда не может быть достигнуто окончательно⁵². Для последователей солидаризма в конечном итоге предлагается задача борьбы за преодоление лишь социального неравенства, вызванного неравномерным распределением богатства, и за то, чтобы социальный долг обществу был дифференцирован для каждого⁵³. Иногда они говорили о своей теории как о либеральном социализме⁵⁴.

Солидаризм и либерализм. Критикуя либерализм XIX века, Л. Буржуа и его последователи, по сути, не отрицали основы его экономической теории. Единственное, что их не устраивало в либеральном обществе, - это отсутствие социальной солидарности, так как "социальный прогресс либералы связывали сугубо с индивидуальной активностью в обществе, где государственной про-

⁴⁸ Essai... P. 43.

⁴⁹ Bourgeois L. Op. cit. P. 19.

⁵⁰ Essai... P. 74.

⁵¹ Bourgeois L. Op. cit. P. 114.

⁵² Essai... P. 65.

⁵³ Ibid. P. 73.

⁵⁴ Например, Р. Блок сообщает о том, что Л. Буржуа не возражал против того, чтобы солидаризм называли либеральным социализмом. См.: Bloch R. Op. cit. P. 19.

текцией пользуются лишь отдельные индивиды”⁵⁵. Они доказывали, что необходимо признать, что человек по природе своей связан в обществе различными социальными отношениями, поэтому было бы гораздо лучше, если бы эти отношения основывались на принципе справедливости, а не на законах экономической конкуренции.

В доктрине солидаризма была предпринята попытка откорректировать либерализм, “заменяв в нем идею поиска индивидуального благополучия идеей персонального благополучия каждого индивида солидарной группы”⁵⁶. Л. Буржуа писал об этом так: “Недостаточно заявить: социальная справедливость - это взаимное уважение прав каждого... Нужна социальная наука, которая будет исследовать, какая из моделей общества позволяет индивидууму наилучшим образом реализовать предоставленные ему права и обязанности”⁵⁷.

Таким образом, критика либерализма творцами доктрины солидаризма сводилась в основном к критике его морали.

* * *

Подводя итоги, хотелось бы отметить в первую очередь, что в солидаризме мы видим не что иное, как попытку распространить философию Канта на социальные отношения. Подтверждением этому служит идея особой значимости для человека преодолеть свою природу через свободу выбора. Для приверженцев солидаризма весьма характерно стремление распространить кантовскую теорию о роли физики в преобразовании материальной жизни на общественную мораль. Моральный долг, считавшийся прежде понятием индивидуальным, становится в доктрине солидаризма делом социальной организации, а социальная справедливость приходит на смену благотворительности.

Солидаризм отрицает принцип классовой борьбы и революционных действий в обществе, а также не основывается на глубоком анализе причинно-следственных связей зависимости людей и несправедливости в обществе. Согласно его концепции, предлагаемые им социальные реформы создадут условия для постепенного устранения этих явлений. Настаивая на обязательной солидарности как пути объединения людей, доктрина солидаризма явилась, по сути, одним из важных этапов на пути развития и совершенствования французской демократии.

⁵⁵ Ruby M. Op. cit. P. 62.

⁵⁶ Ibid. P. 66.

⁵⁷ Essai... P. 8.

Политическая эмиграция как фактор в системе европейских международных отношений в середине XIX века

Политическую эмиграцию как явление следует рассматривать не только как значимый фактор внутренней политики страны-донора и страны-реципиента, но и как весомый компонент в системе международных отношений. На почве формирования национальных эмигрантских общин возникают не только определенные отношения между страной, откуда родом политические эмигранты и связи с которой они, как правило, пытаются поддерживать в той или иной форме, и государствами, принявшими изгнанников. В сложный узел этих взаимоотношений оказываются втянутыми и другие государства, руководствуясь при этом самыми разнообразными соображениями. Это могут быть соображения общечеловеческой гуманности, выполнения норм международного права и, наконец, собственные интересы, оказавшиеся затронутыми данной ситуацией.

История политической эмиграции в Европе в середине XIX века дает интересный материал для осмысления этой проблемы.

Первоначально самый значительный поток эмигрантов из стран, где революционные и национально-освободительные движения 1848 – 1849 годов закончились поражением, устремился в Швейцарию. Еще со времен Реформации за ней закрепился статус убежища гонимых. Ее положение в качестве нейтрального государства стало дополнительным стимулом для избрания Швейцарии страной оседания. Следует учесть также географическую близость этого государства к странам, откуда шел массовый исход политических беженцев. Наконец, Швейцария первой на Европейском континенте законодательно закрепила право политического убежища в реально действовавшей конституции (ст. 55 Конституции 1848 года)¹.

Именно эта страна первой почувствовала и бремя, которое она возложила на себя, приняв изгнанников. Потерпевшие поражение, но не сломленные, они и здесь пытались продолжать борьбу. Особенную активность проявляли эмигранты из германских государств и Италии. В результате в адрес федерального правительства стали поступать дипломатические депеши, в которых соответствующие кабинеты требовали выслать наиболее досаждавших им "рефюжье" (этот термин активно использовал А.И. Герцен в своих мемуарах). Швейцар-

¹ Гиленская Л.Н. Право убежища: Международно-правовые вопросы. М., 1968. С. 15.

ские власти отдавали себе отчет в том, что нейтралитет страны гарантирован великими европейскими державами и ссора с сильными соседями не входила в их планы. В ходе бурных дебатов, развернувшихся на заседаниях Национального совета в ноябре 1848 года, была выработана позиция по отношению к эмигрантам, которые своим поведением привели к серьезным внешнеполитическим осложнениям. Наиболее четко ее сформулировал генерал Г. Дюфур: "...мы имеем право предоставлять убежище эмигрантам, и этим правом мы гордимся ... однако лишь при одном условии: чтобы эмигранты подчинялись нашим законам, чтобы они не предпринимали ничего такого, что могло бы угрожать нашей внутренней и внешней безопасности". Однако необходимость считаться с требованиями соседей, по мнению некоторых членов совета, совсем не означала послушное их выполнение в полном объеме. Так, тот же генерал Г. Дюфур обратил внимание собравшихся на категоричное по форме заявление главнокомандующего австрийской армией в Италии фельдмаршала Й. Радецкого. В связи с этим он указал: "Я вполне понимаю, что изгнанный тиранией патриот стремится и на нашей территории бороться за свободу своей родины... Поэтому, если эмигрант берется за перо или винтовку и направляет их против соседнего правительства, мы его за это не вышлем ... а удалим от границы... И именно теперь, когда Радецкий, человек, которому вряд ли симпатизирует кто-либо из присутствующих ... требует от нас такого несправедливого удаления из пограничной полосы *всех* эмигрантов, когда он подкрепляет свои требования угрозами, даже враждебными мероприятиями, именно теперь нам меньше всего подобает выполнять несправедливое требование более сильного противника, так как может создаться впечатление, что мы уступаем превосходящей силе"².

Однако мнение значительной части членов Национального совета не было учтено в реальных шагах швейцарского федерального правительства, которое лишило пограничный кантон Тессина права предоставлять убежище политическим беженцам и выполнило все требования Й. Радецкого, мотивируя это необходимостью поддержать нейтральный статус страны "любой ценой". Таковой же оказалась позиция официальных властей и в связи с другим внешнеполитическим осложнением, вызванным намерением немецких эмигрантов в 1850 году провести съезд в г. Муртене с целью объединить свои усилия и наладить выпуск общегосударственного органа. В ответ на сигналы из ряда немецких полицейских ведомств президент Швейцарского союза А. Дрюз распорядился начать массовую высылку рефужье. По подсчетам немецкого эмигранта В. Вольфа, к январю 1851 года численность изгнанников, воспользовавшихся правом политического убежища в Швейцарии, сократилась с 11 000 до 500, причем удалена из страны была самая активная и радикально настроенная мас-

² Цит. по: Энгельс Ф. Национальный совет // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 104.

са, а также те, кто испытывал серьезные материальные затруднения на чужбине³.

Подобная политика швейцарских властей привела к тому, что здесь осели в основном те беженцы, которые придерживались умеренных политических воззрений, обладали солидными средствами, известностью в научных, культурных, политических кругах. Не будучи убежденными революционерами, бешеным вихрем революции оторванные от привычных дел, они вернулись в Швейцарию к своим обычным занятиям и превратились в добропорядочных граждан конфедерации. В 50 - 60-е годы наученное горьким предыдущим опытом предоставления политического убежища огромной массе беженцев, федеральное правительство максимально усложнило процедуру натурализации эмигрантов. Описывая свои долгие попытки получить швейцарское подданство, А.И. Герцен подчеркивал, что только солидное состояние, размещенное в лондонском и парижском банках Ротшильдов, и протекция известных людей из мира политики и искусства позволили ему добиться цели.

Тот факт, что в случае, когда активность эмигрантов вызывала осложнения внешнеполитического порядка, Швейцария уступала давлению правительств и полицейских структур государств-доноров, вызывал резко негативную реакцию со стороны изгнанников, разочаровавшихся в надежности данного убежища. К Марксу гневно писал в памфлете "Господин Фогт": "По первому же требованию полиции швейцарское либеральное правительство нарушило право убежища... Тысячам баденских солдат путем всяческого обмана навязывали паспорт для поездки на родину, где они прямо попадали в руки жандармов, заранее знавших, "что, откуда и каким образом"... "Угрозы войной" со стороны иностранных государств и "политически-пропагандистские тенденции" - вот все, что пролепетал в свое оправдание ... Союзный совет"⁴. Аналогична и оценка А.И. Герцена: "Поведение федерального совета в отношении к политическим выходцам, которых они выбрасывали по первому требованию Австрии или Франции, было позорно"⁵. Категоричность подобных суждений вполне понятна. Однако наплыв сюда весьма радикально настроенной массы рефужье действительно создал в стране ситуацию напряженную, чреватую серьезными последствиями для национальных интересов. Стремясь сохранить столь важный для Швейцарии статус нейтрального государства, власти предприняли решительные шаги и избавились от той части изгнанников, которая пыталась превратить территорию страны в боевой плацдарм.

Совсем иного плана была реакция британского кабинета на попытки внешнего давления в отношении эмигрантов. Континентальные правительства не раз пытались спровоцировать английские власти на ужесточение курса в отношении изгнанников, которые нашли приют на берегах туманного Альбиона.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. С. 427.

⁴ Там же. Т. 6. С. 107.

⁵ Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 10. С. 96.

Преследуя при этом сугубо свои политические цели, они обращали внимание своих островных коллег на опасность дестабилизации внутреннего положения в стране в связи с активной и достаточно радикальной по характеру деятельностью рефюжее. Однако, как справедливо замечает ученый из Кембриджского университета Б. Портер, и британские правящие круги, и общественное мнение сходились на том, что английскому обществу нечего опасаться со стороны эмигрантов⁶. Эту точку зрения разделяли члены коалиционного кабинета Рассела и Эбердина, либерального правительства Пальмерстона и консервативного министерства Дерби. Их твердая позиция определялась, во-первых, историческим опытом приема политических беженцев, а во-вторых, тем, что полицейское ведомство метрополии постоянно, хотя и не демонстративно, держало изгнанников в поле зрения. Судя по его донесениям, слухи о многочисленных "заговорах", которые, по данным континентальных держав, готовились эмигрантами, не находили подтверждения и оказывались инспирированными либо англичанами, недоброжелательно относившимися к рефюжее, либо самими европейскими кабинетами.

Кроме того, спокойствие британской политической элиты и общественности в отношении угрозы со стороны изгнанников базировалось на том видении причин революционных взрывов, которое сложилось к тому времени в Англии. В отличие от правительств континентальных держав, британцы были убеждены, что драматические социальные катаклизмы не рождаются в результате деятельности отдельных личностей или групп, секретных агентов или иностранных заговорщиков. В основе их лежат гораздо более глубокие причины, и в первую очередь неудовлетворительное руководство внутренней политикой со стороны конкретных кабинетов. В этом отношении примечательно следующее высказывание Пальмерстона: "Единственная искра взорвет пороховой магазин. Но горящий факел выгорит безобидно на большой дороге. Если страна находится в состоянии скрытого внутреннего недовольства, малейший знак может усилить это недовольство и привести к взрыву; но если страна будет хорошо управляться и народ будет удовлетворен, тогда письма и прокламации несчастных изгнанников будут столь же бесполезны, сколь факел на большой дороге"⁷.

Именно в таком ракурсе и отвечали британские власти своим коллегам с континента. Так, например, попытки австрийского правительства обратить внимание Пальмерстона на активную антигабсбургскую деятельность лидера венгерской эмиграции Л. Кошута и такой заметной фигуры в среде итальянских рефюжее, как Дж. Мадзини, закончились тем, что в ответных депешах обращалось внимание австрийской стороны на необходимость либерализации общественно-политического строя в империи в интересах ее же самой. Стабилизация внутренней ситуации свела бы на нет деструктивные усилия изгнанников. А в частной переписке один из видных английских дипломатов того времени, Кла-

⁶ Porter B. The refugee question in mid-Victorian policies. Cambridge, 1979. P. 128.

⁷ ZPD. 1852. V. 119. Col. 511-512.

рендон, совсем откровенно писал, что для габсбургских политиков эмигранты превратились в козлов отпущения, на которых списывается полная неспособность венских властей контролировать ситуацию в стране и за счет которых можно не утруждать себя поисками кардинального решения внутренних проблем. В 1853 году он писал английскому посланнику в Вене графу Уэстморленду: "Гораздо легче приписать им (эмигрантам. - В.Д.) восстания и революционный дух, чем заставить себя разобраться в причинах народного недовольства... Хотя эмигранты желают свержения своих правительств, они мало что могут сделать, а вернее, ничего для реализации своих отвратительных целей... У них нет денег и поддержки в Англии. Они могут писать воззвания и призывать к восстаниям, но подобные вещи ... никогда не могут успешно возглавляться с расстояния... Австрии как раз не следует бояться изгнанников до тех пор, пока они остаются в Англии"⁸.

Разницу в восприятии эмигрантов континентальными и британскими державами прекрасно проиллюстрировал сатирический журнал "Punch" в марте 1868 года. Тогда, сразу после покушения итальянского эмигранта Ф. Орсини на Наполеона III, давление на британский кабинет по поводу контроля за рефюжье усилилось многократно. На одном из рисунков в журнале изображено собрание политических изгнанников глазами напуганных европейских кабинетов: шабаш кровожадного сброда, вынашивающего мстительные планы. А рядом по контрасту расположен рисунок, где это же собрание самим англичанам видится лишь как мирная беседа добродушных прожектеров, за неимением других занятый строящих воздушные замки.

Англии как безусловному центру европейской политической эмиграции середины XIX века пришлось столкнуться еще с целым рядом проблем, осложнивших ее отношения с континентальными государствами. В частности, британским властям пришлось смириться с тем обстоятельством, что Лондон наводнили секретные агенты, осуществлявшие слежку за наиболее активными и радикально настроенными беженцами. Они усиленно вербовали осведомителей из среды отчаявшихся изгнанников. Демонстративное отслеживание эмигрантов со стороны стран-доноров зафиксировали в своих письмах и мемуарах, например, А.И. Герцен и К. Маркс, отметив, что следствием этого стала настоящая шпиономания в кругах рефюжье, осложнившая и без того напряженный психологический климат. Кстати, британские политики были убеждены, что именно секретные агенты и осведомители во многом способствовали складыванию преувеличенного представления об угрозе европейским режимам, исходившей от эмигрантов. Отрабатывая немалое жалование, а на эти цели деньги всегда находились, они буквально забрасывали континентальные кабинеты сообщениями о готовившихся заговорах. О том, какие огромные средства тратились на слежку за изгнанниками, свидетельствует одно донесение агента российского 3-го отделения: "... рассказывают, что поводом к удалению графа

⁸ Цит. по: Porter B. Op. cit. P. 131-132.

Хребтовича от поста посланника в Лондоне было, между прочим, обстоятельство, что в отчете своем он показал значительную сумму, до 150 тысяч рублей, израсходованную якобы для обнаружения шести корреспондентов Герцена"⁹.

Не только постоянная и при этом беспочвенная паника со стороны континентальных министерств раздражала лондонский кабинет, который был вынужден каждый раз как-то реагировать на соответствующие дипломатические представления. Гораздо более осложнял нормальное течение межгосударственных отношений тот бесцеремонный тон, который был характерен для этих обращений. Британские власти были вынуждены неоднократно напоминать своим европейским адресатам, что с 1830 года те по существу сами проводили целенаправленную политику выживания социально беспокойных элементов на берега туманного Альбиона и английские политики не раз выражали протест против сознательного превращения территории своей страны в колонию для политических оппозиционеров с континента. Уже упоминавшийся Кларендон с возмущением писал в 1857 году: "Никуда не годно со стороны французской полиции прогнать всех итальянских эмигрантов и прочих бродяг, от которых они хотели избавиться, а затем жаловаться, что мы дали им убежище"¹⁰.

Только одна их претензий европейских держав к Великобритании в связи с эмигрантами в какой-то мере, на наш взгляд, имела право на существование. Их совершенно не удовлетворяло качество английского полицейского надзора за политическими изгнанниками. Любопытно в этом отношении замечание А.И. Герцена: "Лучше организованной полиции, как в Лондоне и в Англии, не существует в мире... Она только не ловка в политических преследованиях, ей не было случая развиваться в них"¹¹. Впрочем, английские власти не менее резонно выражали сомнение в профессиональных качествах континентальной полиции. Так, например, они обратили внимание австрийцев на то, что Дж. Мадзини перед каждой экспедицией в северную Италию проводит своеобразную рекогносцировку на местности, и выразили удивление, как человеку со столь примечательной внешностью удастся проскальзывать мимо полицейских постов. А в ответ на обвинения со стороны своих соседей по Ла-Маншу, что своей бездеятельностью англичане способствовали подготовке покушений на Наполеона III, последние как раз подчеркивали, что французская сторона была ими своевременно уведомлена о готовящемся заговоре, однако не смогла предотвратить его.

Из этого обильного потока взаимных обвинений можно отчетливо видеть и моменты сотрудничества властей стран-доноров и Англии как страны-реципиента, и моменты взаимных претензий. Апогеем обвинительной кампании в адрес британского правительства стали недвусмысленные намеки на то, что политика "попустительства" эмигрантам в их оппозиционной деятельности

⁹ См.: Герцен А.И. Собр. соч. Т. 13. С. 601.

¹⁰ Цит. по: Porter В. Op. cit. P. 136.

¹¹ Герцен А.И. Собр. соч. Т. 13. С. 286-287.

носит коварный характер и имеет целью намеренное разжигание революционного пожара в Европе, чтобы на базе континентальной дестабилизации реализовать свои гегемонистские дипломатические установки. Размеры статьи не позволяют углубиться в этот сюжет, отметим только, что в планы английских правительств никак не входило нарушение с таким трудом достигнутого "равновесия сил" в венской системе международных отношений¹². Спокойствие же, с которым британские политики, в отличие от швейцарских, противостояли давлению континентальных держав по вопросу о политических эмигрантах, конечно же, объясняется статусом Великобритании как великой европейской державы, сознанием силы и могущества английского государства.

Политические эмигранты в середине XIX века оказывались порой причиной не только двустороннего конфликта (страны-донора и страны-реципиента). Так называемая "военная угроза" осени 1849 года дает нам пример, как подобный конфликт принимает многосторонний характер, чреватый общеевропейской войной. В августе 1849 года, не дожидаясь неминуемого разгрома объединенными силами российского и австрийского государства, уцелевшие в боях части венгерской революционной армии и примкнувшие к ней польские патриоты пересекли турецкую границу и были интернированы по решению видлинского пашы. Здесь обосновались около 800 поляков и почти 4 000 венгров. Решение Порты приютить изгнанников диктовалось в числе прочих и сугубо меркантильными соображениями: турецкие власти намеревались существенно обновить высший офицерский состав своей армии за счет талантливых революционных военачальников с их богатым боевым опытом. Однако ситуация довольно быстро обрела неприятный для эмигрантов поворот. В Константинополь со специальной миссией прибыл князь М. Радзивилл. Встревоженное появлением на границах Российской империи нового центра польской эмиграции царское правительство потребовало выдачи всех поляков, осужденных судом за участие в восстаниях 1830 и 1846 годов. Одновременно габсбургский кабинет потребовал от турецких властей выдачи мятежных венгров.

В обозначившийся конфликт сразу вмешались западные державы, в частности Франция и особенно Англия. Для последней в связи с уже обозначившимся англо-русским соперничеством в ближневосточном регионе важно было не дать России укрепить таким образом свое влияние. Под давлением Великобритании турецкое правительство отвергло требования России, выраженные в ультимативной форме. Кабинет Пальмерстона пообещал Османской империи всю необходимую помощь, а английская эскадра под командованием У. Паркера уже готова была войти в Дарданеллы и в случае необходимости взять на борт лидеров эмиграции¹³. Русский посланник в Лондоне барон

¹² См. подробнее: Дегтеревская В. Н. Политическая эмиграция в Великобритании в середине XIX века. Ярославль, 1994. С. 31-62.

¹³ См.: Авербух Р. А. Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией. М., 1935. С. 224-229; Шеремет В. И. Османская империя и Западная Европа: Вторая треть XIX в. М.,

Ф.И. Бруннов полагал, что в основе опасной британской дипломатической борьбы лежит надежда, что, пока тянутся соответствующие переговоры, турецкое правительство определится с венгерскими и польскими беженцами (например, переправит их в страну, которая выразит согласие их принять) и тем самым устранил причину конфликта. В этом случае Англия, ничем не пожертвовав (Пальмерстон верно рассчитал, что царские власти не рискнут ввязаться в вооруженное противостояние с Британией, Францией и Турцией), не даст возможности России восторжествовать над Османской империей и в то же время укрепит свои позиции защитника гонимых патриотов, на стороне которых неизменно были симпатии английской общественности¹⁴.

Вскоре последовала английская нота русскому правительству с предложением посредничества в улаживании конфликта. Британская сторона особенно подчеркнула в ней, что любое независимое государство имеет право предоставлять политическое убежище преследуемым лицам. В ответе российской дипломатии высветилось иное толкование данного предмета. Царские власти отклонили предложение Англии на том основании, что британцы "слишком широко понимают право убежища, защищая тех, которые посягнули на все законы своей страны"¹⁵.

Наконец напряженные поиски выхода из сложного внешнеполитического конфликта завершились следующим образом. Эмигрантам было предложено на выбор два решения их судьбы. Во-первых, они могли принять ислам, пойти на службу в турецкое войско и стать полноправными подданными османского султана. Во-вторых, они могли избрать страной поселения Англию или Францию, и тогда вопрос о них автоматически переходил под юрисдикцию соответствующей страны. Британское правительство именно в это время издало закон о паспортах. Один из его пунктов освобождал принявших английское подданство эмигрантов от всяких преследований за прежнюю политическую деятельность. Только в канун нового 1850 года были возобновлены разорванные русско-турецкие дипломатические отношения, а также отозвана так и стоявшая наготове британская эскадра. Урегулирование отношений Османской и Габсбургской империи затянулось до апреля 1850 года. Вывоз же эмигрантов с территории Турции удалось организовать только с января 1851 года¹⁶.

Таким образом, перед нами пример того, как проблема эмигрантов становилась козырной картой в крупной дипломатической игре, где ставкой было влияние в том или ином важном с экономической и стратегической точек зрения регионе.

1986. С. 147-148; Kabdebo T. *Diplomat in Exile. Francis Pulszky's political activities in England. 1849 - 1860*. Boulder, 1979. P. 57-58.

¹⁴ Авербух Р.А. Указ. соч. С. 233.

¹⁵ Там же. С. 235.

¹⁶ Там же. С. 236-265.

Американское рабство первой половины XIX века в оценках английских наблюдателей

Первые десятилетия XIX века ознаменовались резким обострением социальных, политических противоречий в английском обществе, усилением идейной борьбы по наиболее актуальным проблемам. Одним из наиболее дискуссируемых был вопрос о запрещении рабства в вест-индских колониях Англии.

Известно, что именно английская корона способствовала возрождению и утверждению этого института во вновь присоединяемых заморских землях, а сами англичане, несмотря на их приверженность идеалам свободы, долгое время в большинстве своем не видели ничего противоправного в порабощении африканских негров. Но уже с конца XVIII века в Англии набирает силу движение за освобождение негров-рабов. Усилиями нескольких поколений английских аболиционистов были достигнуты определенные успехи в этом направлении: в 1807 году специальным парламентским актом была запрещена торговля рабами в британских колониях, а в дальнейшем заключена серия международных договоров, ограничивавших вывоз рабов с Африканского континента.

Обсуждение вопроса о запрещении невольничества в вест-индских колониях стало приобретать новые импульсы по мере усиления контактов между Англией и США - государством, в котором, несмотря на провозглашение принципов всеобщего равенства и социальной справедливости, институт рабства продолжал существовать и успешно развиваться. Бывшая метрополия ревностно следила за положением дел в северо-американском государстве: в сочинениях английских путешественников, с начала XIX века все более активно посещавших США, подробно освещались различные стороны жизни американской республики - особенности социально-экономического, политического устройства, нравы, образ жизни американцев. И ни одна работа, опубликованная по итогам путешествия за океан, не могла считаться полной без специального рассмотрения вопроса о рабстве. Причем интерес британцев к этой проблеме не ослабел и после того, как в 1833 году невольничество в английских колониях Вест-Индии было официально запрещено.

Большинство англичан склонялись к мысли о том, что существование рабства противоречило законам цивилизованного общества, и считали необходимым его упразднение. В работах авторов, осуждавших невольничество, содержалось немало сведений о жизни и тяжелом труде негров-рабов. Особенно невыносимым было положение невольников, работавших на плантациях. Вот что об этом писала Френсис Троллоп, находившаяся в США в 1827 – 1831 годах: "Ужас, который внушала рабам перспектива быть отправленным на плантацию,

я могла наблюдать во время пребывания в Виргинии: отец молодого раба ... в течение часа после того, как он узнал об уготованной ему участи, топором отсек себе запястье левой руки". В то же время писательница признавала, что статус негров-рабов был неодинаковым, в наиболее выгодном положении находились домашние рабы: "В целом условия содержания домашних рабов неплохие, но ужас заключается в том, что они не могут, если захотят, что-либо изменить в своей судьбе ... Если хозяева заботятся о своих рабах, то только как о собственности. В действительности подлинно добрые чувства редко связывают две стороны"¹. Неоднозначно высказывался о положении негров-рабов известный писатель Бэзил Холл, посетивший северо-американские штаты в 1827 - 1828 годах. В его комментариях чувствуется и осуждение в целом системы рабства, и одновременно желание оправдать жестокость плантаторов: "Каждый рабовладелец в той или иной мере деспот... Однако страх перед наказанием - это главный способ дисциплинирования рабов, поскольку у них нет каких-либо стимулов к добросовестному труду... Боюсь, что кнут должен еще использоваться, но только как средство наведения порядка". Далее автор несколько цинично замечал: "Привыкнув же, рабы трудятся с хорошим настроением, бодро ... во власти каждого из них - избежать наказания". По словам писателя, на многих плантациях Юга неграм-рабам жилось совсем неплохо: "Им предоставляют три выходных дня на Рождество... им дают в изобилии мяса и виски... им разрешается иметь свое хозяйство"².

Для многих британских путешественников, даже тех, кто был абсолютно непримирим к невольничеству, было характерно желание так или иначе объяснить позицию плантаторов-рабовладельцев, их суровость: "Они родились в этой системе, считают ее нормой или необходимым злом, они впитали все убеждения и предубеждения своих отцов"³. Однако никого не могло оставить бесстрастным наблюдателем посещение аукционов, на которых "одни люди продавали других, словно обычный скот"⁴. Особенно тягостное впечатление производила обычная для подобных торгов практика разделения негритянских семей, когда родителей и детей, сестер и братьев продавали разным хозяевам: "Если такое возможно в христианской стране, все должны знать об этом..."⁵. Настаивая на необходимости отмены системы рабовладения, ее противники обращали внимание на негативные последствия, к которым приводило существование этого "позорного института". Прежде всего англичане констатировали крайне пагубное воздействие рабства на нравы американцев: "Рабство коренным образом преобразует все человеческие принципы... Результат обладания властью над рабами - наихудший ... рабство уничтожает лучшие человеческие чувства".

¹ Trollop Frances. Domestic manners of the Americans. N.Y., 1949. P. 244.

² Hall Basil. Travels in America. Edinburg, 1829. Vol. 3. P. 255.

³ Stirling James. Letters from the Slave States. L., 1957. P. 345.

⁴ Ibidem.

⁵ Hamilton Thomas. Men and manners in America. L., 1968. Vol. 2. P. 191.

По мнению Френсис Троллоп, рабовладельцы попросту не воспринимали негров как людей: "Часто я имела возможность убедиться в привычном равнодушии к присутствию рабов... Например, я видела молодую леди, которая спокойно снимала корсет в присутствии негра-лакея"⁶. Многие британцы отмечали "невероятный цинизм" американских рабовладельцев. Известная писательница Гарриет Мартино, побывавшая в США в 1834 – 1836 годах, привела в своей работе слова Джеймса Мэдисона, который "небрежно проинформировал ..., что женщины-рабыни рожают столько, сколько смогут ... в среднем по 15 детей..."⁷. Нескрываемое отвращение британцев вызывали питомники для рабов, в которых "не было ни одной шестнадцатилетней рабыни, не имевшей детей, и тридцатилетней, не имевшей внуков"⁸. Авторов многих работ особенно возмущало то обстоятельство, что нередко рабовладельцы оставляли в неволе собственных детей, прижитых от рабынь. А по свидетельству Томаса Граттана, «квартиронок и октаронок специально "разводили" для публичных домов, многие из которых были заполнены исключительно светлокжими рабынями»⁹.

Английский аболиционист и религиозный деятель Джозеф Стердж, посетивший США в 1841 году, утверждал, что система невольничества, в корне противоречившая идеям христианства, не только отравляла моральный климат в американском обществе, но и "убивала в людях стремление духовно расти, развиваться". В связи с этим он отмечал, что в "рабовладельческих штатах система образования поразительно контрастирует с положением дел в свободных штатах: здесь не только рабы пребывают в состоянии варварства ... недостаток элементарного общего образования ощущается среди значительной части привилегированного класса". В своем исследовании Дж. Стердж привел данные из "American Almanac" за 1841 год, в соответствии с которыми "не менее 30 тысяч взрослого мужского населения Виргинии не умели ни писать ни читать. При том, что система образования этого штата считалась лучшей среди рабовладельческих штатов"¹⁰. Отсутствие должной просвещенности, по словам автора, препятствовало формированию у жителей рабовладельческих штатов религиозных знаний и чувств. Он с ужасом констатировал: "Нередко в отдаленных графствах Виргинии у многих людей дома нет Библии, и они о ней никогда не слышали"¹¹.

Существование рабства, по мнению английских наблюдателей, приводило не только к духовной и нравственной деградации населения Юга. Англичане указывали и на другие, не менее опасные тенденции развития этого региона. Известный публицист Джеймс Стирлинг, посетивший Америку в середине 50-х

⁶ Trollop Fr. Op. cit. P. 248.

⁷ Martineau Harriet. Society in America. P., 1837. Vol. 2. P. 118.

⁸ Berger Max. The British traveller in America, 1836 - 1860. N.Y., 1964. P. 115.

⁹ Ibid. P. 119.

¹⁰ Sturge Joseph. A visit to the United States in 1841. N.Y., 1969. P. 179.

¹¹ Ibidem.

годов, имел все основания прогнозировать для южных штатов серьезные потрясения социально-политического характера. Он предупреждал американцев, что "рабовладельческое общество в социальном отношении - крайне нестабильно, поскольку над ним постоянно нависает угроза бунта рабов". Кроме того, наличие в одном государстве "двух взаимоисключающих экономических систем" неизбежно вело, по мнению автора, к политической децентрализации и расколу Союза.

Тот факт, что рабовладельческая система Юга тормозила социально-политический прогресс американского государства в целом, признавался многими английскими путешественниками. Известный своими передовыми взглядами общественный деятель Адам Ходжсон, посетивший США еще в начале 20-х годов, отмечал, что существование рабства приводило к социальной поляризации общества, препятствовало формированию среднего класса - "важнейшего условия прогрессивного общественного развития"¹².

Однако наиболее весомым и убедительным аргументом в поддержку требования отмены рабства призвано было стать обоснование экономической неэффективности плантационного хозяйства в том варианте, который утвердился в южных штатах США. Об этом говорилось в работах большинства англичан, выступавших за отмену рабства.

Немалое внимание этой проблеме уделил в своем исследовании и А. Ходжсон, испытавший сильное влияние учения А. Смита о преимуществах свободного труда. Он попытался, например, показать, что колебания рыночных цен на рис, хлопок, сахар нередко делали плантационные хозяйства нерентабельными в силу необходимости содержать постоянное количество дорогостоящей рабочей силы. Ссылаясь на данные А. Смита, русского экономиста Сторча, а также суждения некоторых плантаторов, А. Ходжсон утверждал, что труд рабов обходился не менее чем на 25% дороже, чем труд наемных работников. В подтверждение своих слов автор приводил примеры из истории Древнего Рима, сведения об экономическом состоянии крепостной России. Интересно высказывание английского писателя о том, что "пресловутая русская лень и экономическая пассивность проистекали прежде всего из рабского состояния русского крестьянства, их незаинтересованности в активизации хозяйственной деятельности"¹³.

Доказывая неэффективность американской плантационной системы, английские наблюдатели традиционно сравнивали темпы экономического развития свободных и рабовладельческих штатов. В качестве причины заметного отставания Юга многие авторы указывали не только на непродуктивность труда рабов, но и на особенности ментального характера, которые были присущи населению южных штатов. По словам Дж. Стирлинга, в рабовладельческих шта-

¹² Hodgson Adam. Remarks during a journey through North America in the years 1819, 1820 and 1821 in a series of letters. N.Y., 1970. P. 311.

¹³ Ibidem.

тах "труд ассоциировался прежде всего с обликом раба, именно поэтому в сознании жителей южных штатов закрепилось отношение к труду, как к чему-то позорному и низкому. Подобное отношение распространялось практически на все виды труда, предпринимательской деятельности, что и парализовало экономический прогресс Юга"¹⁴.

Будучи сторонниками упразднения рабства, англичане в то же время осознавали всю сложность решения этой проблемы. Многие из них считали главным препятствием на пути скорейшего избавления от "позорного наследия монархии" демократические принципы, на которых базировалась американская конституция, наделявшая штаты широкими правами. Вот как оценивал ситуацию, создавшуюся к началу 40-х годов в американском обществе, Дж. Стердж: "Рабство сохраняется в силу значительного суверенитета штатов, когда они фактически независимы от центра. Конституционно рабство не может быть отменено ни центральным правительством, ни свободными штатами..."¹⁵. В то же время британский путешественник отмечал явный дисбаланс сил внутри Союза: "Южные штаты сильны тем, что имеют преимущественное представительство в нижней палате Конгресса... Южане контролируют все назначения внутри исполнительной власти"¹⁶. Расстановка политических сил в стране, по мнению многих наблюдателей, определялась складывавшейся рыночной конъюнктурой: именно поэтому в сохранении рабства были заинтересованы не только плантаторы-южане, поставлявшие на рынок хлопок, рис, сахар, но и финансово-промышленные круги Севера, осуществлявшие посредничество в этой торговле. Некоторые британцы подчеркивали роль Англии не только в установлении, но и консервации института рабства на территории США: "Осуждая рабство, мы склонны забывать о собственном вкладе в его сохранение. Хлопок ведь для нас!"¹⁷.

Признавая приоритетную роль экономических и политических факторов в поддержании рабовладельческой системы в Америке, англичане указывали и на др. обстоятельства, которые способствовали "живучести средневекового института". Немалое значение британские наблюдатели придавали роли общественного мнения, "в споре которого решалось будущее Америки"¹⁸. К примеру, они с удивлением отмечали повсеместно растущую неприязнь американцев к неграм. По словам Г. Мартино, "еще Лафайет во время последнего пребывания в США выражал свое изумление по поводу усиливавшегося предубеждения в отношении чернокожего населения. Он вспоминал, что во время революционной войны негры и белые не только сражались рядом друг с другом, но и вме-

¹⁴ Stirling J. Op. cit. P. 65.

¹⁵ Sturge J. Op. cit. P. 176.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Hall B. Op. cit. P. 230.

¹⁸ Stirling J. Op. cit. P. 180.

сте присутствовали на церковных мессах"¹⁹. Дж. Стирлинг в середине 50-х годов констатировал: "Северянин по-прежнему предпочтет сидеть рядом с хорьком, нежели с негром"²⁰. А Дж. Стердж был поражен тем, что, даже заплатив двойную цену, негр не мог попасть в тот же вагон поезда, в котором путешествовали белые американцы²¹. Т. Хэмилтон следующим образом прокомментировал неизвестную европейцам систему расовой сегрегации: "Такое было бы невозможно в Европе и тем более в Англии, где человек с деньгами независимо от цвета кожи был бы хорошо встречен повсюду: и в отелях, и в театрах, и в увеселительных заведениях"²².

Известный английский писатель, а также геолог и естествоиспытатель Чарльз Лайелл, побывавший в США в 1845 году, попытался разобраться в причинах столь предвзятого отношения к неграм в Америке. Он высказал предположение о том, что предубежденность американцев в отношении чернокожего населения являлась по сути проявлением "сильнейших аристократических чувств". Таким образом, по словам английского писателя, в обществе, провозгласившем всеобщее равенство, реализовывалось естественное для каждого человека стремление выделиться из общей массы, самоутвердиться, наконец, желание подчинять себе других людей, повелевать ими²³.

Неприязненное отношение значительной части американцев к негритянскому населению, по мнению англичан - противников рабства, значительно задерживало решение наболевшей проблемы. По мнению Дж. Стерджа, заметным образом изменить сложившуюся ситуацию могла бы церковь, которая "призвана была воспитывать верующих в духе любви и сострадания к несправедливо обиженным и притесняемым". Однако англичанин с сожалением отмечал, что "вопреки своему предназначению господствующие христианские церкви Америки - епископальная, методистская, обе пресвитерианские всемерно способствовали сохранению угнетенного состояния негров". Дж. Стердж был потрясен тем, что "в выступлениях деятелей церкви, в религиозных памфлетах часто звучали чудовищные утверждения о том, что рабство не есть нравственное зло, а вполне христианское установление, освященное библейской традицией"²⁴. Английский аболиционист с возмущением констатировал, что нередко сами священнослужители становились рабовладельцами, и требовал незамедлительно покончить с этим.

Однако следует отметить, что, несмотря на непримиримую позицию по отношению к рабству, большая часть британских путешественников в целом негативно оценивали деятельность американских аболиционистов. Тех, кто выра-

¹⁹ Martineau H. Op. cit. P. 123.

²⁰ Stirling J. Op. cit. P. 53.

²¹ Sturge J. Op. cit. P. 38.

²² Hamilton Th. Op. cit. P. 211.

²³ Lyell Charles. A Second Visit to the United States of North America. Vol. 2. L., 1849. P. 294.

²⁴ Sturge J. Op. cit. P. 183.

ил им свое сочувствие, можно буквально пересчитать по пальцам: Г. Мартино в своих публичных выступлениях не раз выражала поддержку аболиционистскому движению. Однако затем для обеспечения собственной безопасности ей пришлось значительно сократить маршрут своего путешествия по южным штатам. Дж. Стердж сам помогал рабам бежать по "тайной подземной дороге", чем подвергал свою жизнь еще большему риску.

В основном же посетившие США англичане считали методы аболиционистов "экстремистскими и малоэффективными". Они утверждали, что немедленное освобождение негров без специальной подготовки и без компенсации их хозяевам, на чем настаивали многие американские аболиционисты, приведет свободных негров к нужде и лишениям, а рабовладельцев и всю экономику Юга - к краху. Кроме того, по мнению английского писателя Александра Маккея, "непродуманная агитация аболиционистов провоцировала рабов на резкую конфронтацию со своими хозяевами, а те, в свою очередь, ужесточали формы обращения с невольниками". В результате, по словам англичанина, деятельность аболиционистов объективно ухудшала положение негров-рабов и задерживала решение проблемы рабства, делая все менее вероятным мирный исход событий²⁵.

Какой же выход из создавшегося положения видели сами британские наблюдатели? В большинстве своем они были уверены в том, что в конце концов рабство в Соединенных Штатах будет ликвидировано. При этом они предостерегали американцев от принятия поспешных и непродуманных решений, полагая, что нагнетание напряженности вокруг вопроса о рабстве чревато самыми серьезными последствиями для страны. По мнению многих англичан, приблизиться к разрешению конфликтной ситуации было возможно путем убеждения рабовладельцев в преимуществах свободного труда. Первым шагом на этом пути, по словам А. Ходжсона, должно было стать повсеместное предоставление рабам возможности вести собственное хозяйство и получать доход. Одновременно, по мнению писателя, следовало готовить негров к свободной жизни: обучать их, соответствующим образом воспитывать, приобщать к достижениям европейской цивилизации²⁶. Дж. Стирлинг также полагал, что "освобождение рабов должно быть постепенным, по мере того, как рабовладельцы будут осознавать неэффективность труда рабов и научатся уважительно к ним относиться"²⁷. Важное значение улучшению условий содержания рабов придавал и Б. Холл. По его мнению, предоставление рабам более качественного питания, одежды, медицинского обслуживания, смягчение системы наказаний могло бы способствовать установлению по-настоящему добрых отношений между хозяевами и невольниками и таким образом подготовить почву для окончательного

²⁵ Berger M. Op. cit. P. 106.

²⁶ Hodgson A. Op. cit. P. 183.

²⁷ Stirling J. Op. cit. P. 245.

разрешения конфликтной ситуации"²⁸. Но далеко не все британцы считали возможным подобный ход событий. Так, по словам Т. Хэмилтона, "рабство в Америке могло быть искоренено только путем великого принуждения"²⁹. Таким образом, большинство англичан - противников рабовладения довольно туманно представляли себе возможные пути решения проблемы невольничества. Примечательно и то, что даже те из них, кто посетил Америку буквально накануне Гражданской войны, не верили в возможность скорейшей ликвидации рабства в США.

Несмотря на усиление антирабовладельческих настроений в британском обществе и запрет невольничества в вест-индских колониях, часть англичан продолжала поддерживать систему рабовладения. Те из них, кто посетил североамериканское государство, пытались обосновать не только жизнеспособность плантационного хозяйства, но и его необходимость и целесообразность. Так, даже высказывавший ряд критических замечаний в отношении хозяйственной системы южных штатов Ч. Лайелл допускал, что "при оптимальной организации она весьма эффективна"³⁰. В качестве аргумента в защиту рабства британцы нередко указывали на экономическую значимость рабовладельческой системы хозяйствования для многих стран. Английский предприниматель Генри Эшворт, побывавший в Америке в середине 30-х годов, считал рабство "необходимым звеном разветвленной экономической цепочки, в которую помимо Юга были вовлечены северные штаты, а также другие страны, благодаря чему миллионы людей получают средства к существованию"³¹. Подчеркивая необходимость сохранения рабовладения, английская писательница и естествоиспытательница Амалия Мюррей, прибывшая в Америку в начале 50-х годов, утверждала, что "отменять рабство только потому, что некоторым рабам попались жестокие хозяева, так же логично, как ликвидировать свободный наемный труд на том основании, что работодатели эксплуатируют рабочих". По словам писательницы, "рабство вовсе не было злом, оно устанавливало действительно оптимальные взаимоотношения между трудом и капиталом"³².

Оправдывая существование невольничества, английские наблюдатели-защитники рабства пытались показать, что негры-рабы "вполне счастливы и довольны своей судьбой". Известный английский писатель Уильям Теккерей, который в начале 50-х годов совершил несколько лекционных туров по Соединенным Штатам, следующим образом описывал город Ричмонд: "Улицы, гостиницы полны негров - я никогда не видел настолько счастливо выглядевших людей. Видно, что хозяева заботятся о них". По мнению писателя, слишком суровое обращение с рабами было невозможно уже в силу того, что "негры доро-

²⁸ Hall B. Op. cit. P. 241.

²⁹ Hamilton Th. Op. cit. P. 230.

³⁰ Lyell Ch. Op. cit. P. 358.

³¹ Berger M. Op. cit. P. 109.

³² Ibid. P. 119.

ги хороший раб стоит до 1200 долларов"³³. А по словам Ч. Лайелла, невольника и рабовладельца соединяла особого рода "взаимная привязанность: раб как бы растворяется в образе своего хозяина, а тот в свою очередь чувствует свою ответственность за него"³⁴. Говоря об условиях жизни рабов в Америке, британские наблюдатели часто сравнивали их с положением английских рабочих. Вот что писал об этом шотландский ткач Дэвид Томпсон: "В Англии 10 - 12 тысяч мальчиков работают по 12 часов в день в невыносимых условиях. В Америке же нет ни одного плантатора, который не встал бы на защиту своего раба от подобной жестокости... Негры-рабы счастливы! Они ни за что не несут ответственности, не боятся, что их дети будут голодать, что о них забудут в болезни или старости... Имеют ли подобные привилегии рабочие такой хваленной страны, как Англия?"³⁵.

Пытаясь показать, что условия существования американских невольников "вполне приемлемы", английские наблюдатели все-таки считали необходимым каким-либо образом оправдать их недостойный человека статус. Главным аргументом при этом было утверждение об интеллектуальной, духовной неполноценности африканцев, их неспособности разумно распорядиться своей судьбой самостоятельно. А. Мюррей полагала, что негры попросту неспособны к продуктивному свободному труду: "Творец создал этих людей для работы под присмотром белых... Они хитры, ленивы, грязны... Они большие дети"³⁶. У. Теккерей также считал, что статус раба был уготован неграм природой. Природа же, по мнению У. Теккерей, наделила их формой сознания, неидентичной сознанию белого человека, благодаря чему рабы воспринимали свое положение как вполне естественное³⁷. Касаясь вопроса об умственных способностях африканцев, Ч. Лайелл приводил сведения некоторых анатомов, которые утверждали, что "мозг взрослого негра по степени развитости схож с мозгом белого ребенка или даже орангутанга"³⁸. И хотя при этом писатель признавал, что встретил в Америке немало негров, которые удивили его своим "умом и приятными манерами", он вполне оправдывал систему раздельного обучения детей белых и негров в северных штатах, приняв на веру следующее предложенное ему объяснение: "До 14 лет дети негров и белых развиваются примерно одинаковыми темпами. Но после, если в ребенке нет примеси крови белого человека, в большинстве случаев процесс обучения протекает крайне сложно"³⁹.

Следует, однако, отметить, что даже те англичане, которые являлись противниками рабства, не были уверены в интеллектуальной, психической, нравст-

³³ Transatlantic crossing American visitors to Britain and British visitors to America in the nineteenth century. L., 1971.

³⁴ Lyell Ch. Op. cit. P. 352.

³⁵ Berger M. Op. cit. P. 121.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Transatlantic crossing... P. 256.

³⁸ Lyell Ch. Op. cit. P. 128.

³⁹ Ibidem.

венной равноценности европейцев и негров. Так, Ф. Троллоп осторожно признавала, что вопрос об умственном развитии африканцев был "одним из наиболее важных, но и малоизученных"⁴⁰. Весьма красноречиво звучит название трактата, принадлежавшего перу английского чартиста Джона Кэмпбэлла: "Негромафия: исследование ложности предположения о равенстве различных рас людей"⁴¹. И совершенно не случайно большинство сторонников освобождения негров-рабов были против предоставления им равных с белыми политических и гражданских прав и прежде всего избирательного права⁴².

Оценки британскими наблюдателями американского общественного устройства первой половины XIX века высветили широкий спектр взглядов англичан по одному из актуальнейших вопросов - о рабстве. Большинство британцев к тому времени пришли к пониманию пагубных для общества последствий существования института невольничества, хотя их аболиционистские настроения отличались гораздо меньшим радикализмом в сравнении с позицией американских противников рабства: как правило, английские авторы высказывались за постепенную и даже ограниченную эмансипацию негров-рабов. Однако часть англичан высказывали еще более консервативную точку зрения, пытаясь доказать правомерность и даже настоятельную необходимость сохранения рабовладельческой системы.

Борьба мнений вокруг вопроса об отмене рабства, которая нашла отражение на страницах сочинений английских путешественников, публиковавшихся по обе стороны океана, безусловно, влияла не только на формирование общественного мнения по данной проблеме, но и на весь ход реформаторской деятельности в этом направлении и в Англии, и в США.

⁴⁰ Trollop Fr. Op. cit. P. 130.

⁴¹ Boston R. British chartists in America. Cambr., 1971.

⁴² Hamilton Th. Op. cit. P. 97.

Публикации Комиссии по современной истории (ФРГ) как исторический источник для изучения положения католической церкви в период национал-социализма

В послевоенный период в ФРГ начала свою работу Комиссия по современной истории (Kommission für Zeitgeschichte). Ее членами стали видные немецкие историки Людвиг Фольк, Конрад Рёпген, Ханс Хоккерте, Клаус Готто, Юрген Аретц, Бернхард Стасиевски, Рудольф Морсей, а также их ученики и последователи, к настоящему времени - более двадцати человек.

Цель своей деятельности Комиссия видела в поиске и публикации исторических источников, относящихся к положению и деятельности современной католической церкви, осмыслении и публикации трудов членов Комиссии по данной тематике. В соответствии с этим целевым дуализмом публикации Комиссии разделены на две так называемые тетради: тетрадь А - Источники, и тетрадь Б - Исследования. К настоящему времени тетрадь А включает в себя 42 тома общим объемом около 24 тыс. страниц. Тетрадь Б включает в себя более 50 томов общим объемом более 14 тыс. страниц. Как мы видим, объем публикаций источников превышает объем публикаций исследований.

Комиссией выделены десять направлений научного поиска:

1. Немецкий католицизм перед первой мировой войной (2 тома документов, 10 томов исследований).
2. Церковная политика епископата и государства к 1918 году (4 тома документов).
3. Политический и социальный католицизм в Веймарской республике (5 томов документов, 9 томов исследований).
4. Отношения Германии и Ватикана в 1933 – 1945 годы (6 томов документов, 4 тома исследований).
5. Церковная политика немецкого епископата в 1933 - 1945 годы (11 томов документов, 1 том исследований).
6. Церковь и католики в условиях национал-социалистического режима (8 томов документов).
7. Особенности положения и закат католических союзов и средств информации в «третьем рейхе» (5 томов исследований).
8. Региональные и частные аспекты борьбы церкви (2 тома документов, 7 томов исследований).
9. Католическая эмиграция 1933 – 1945 годов (4 тома документов, 2 тома исследований).
10. Католицизм в послевоенной Германии (ок. 20 томов исследований).

Таким образом, центр тяжести деятельности Комиссии по публикации источников приходится на период 1933 – 1945 годов (пункты 4 - 9, 31 том документов, или 3/4 от их общего числа). Количество исследований, напротив, лишь 19, или менее 2/5 от их общего числа.

Отношениям Германии и Ватикана посвящены 3 тома обмена нотами Святого престола и немецкого Имперского правительства под редакцией Дитера Альбрехта¹.

Наибольшая активность Ватикана приходится на период от заключения Конкордата до 1938 года. Большая часть нот исходила от секретаря папы Пия XI, кардинала Пачелли. Поэтому в немецкой историографии даже появился термин «политика заявлений кардинала Пачелли». Лично им было адресовано 56 нот, в основном германскому послу в Ватикане Бергену. Они касались преимущественно общих нарушений условий Конкордата. Апелляции по более частным вопросам исходили от папского нунция в Берлине Орсениго. Количество официальных (от имени Святого престола) нот, меморандумов, промеморий в довоенный период - всего 10. Пик активности всех церковных инстанций синхронно приходится на начало 1935 года - лето 1935-го, начало - весну 1936-го, начало 1937-го, лето 1937-го, ноябрь 1937-го, осень 1939 года, что позволяет сделать вывод об отсутствии перманентности в диалоге Святого престола и нацистской Германии. Содержание документов свидетельствует о том, что основными причинами для заявлений являлись:

а) гонения на католические общественные организации, особенно молодежные, - максимум заявлений приходится на начало 1935 года, на лето 1935-го и на первую половину 1936 года;

б) преследования государством представителей католического клира Германии - максимум заявлений в 1937 году;

в) агрессивная внешняя политика Германии - осень 1939 года.

С началом мировой войны происходит формализация контактов Ватикана с германскими властями. На смену личным посланиям кардинала Пачелли, ставшего к тому времени папой Пием XII, и нунция Орсениго приходят обезличенные заявления папского секретариата, посольства Ватикана, направляемые государственному секретариату, министерству иностранных дел и другим официальным инстанциям. Характерной чертой переписки Ватикана является отсутствие среди его адресатов партийных лидеров и партийных инстанций НСДАП, а также инстанций и руководства СС и спецслужб, даже если рассматриваемый вопрос не мог быть решен без их участия. Ватикан пытался отделять национал-социализм как идеологию от реального госаппарата Германии и

¹ Dieter Albrecht (Bearb.). Der Notenwechsel zwischen dem Heiligen Stuhl und der deutschen Reichsregierung. Band I: Von der Ratifizierung des Reichskonkordats bis zur Enzyklika «Mit brennender Sorge». Mainz, 1965. 2. Aufl. 1974. XXVIII + 459 S. ; Band II: 1937-1945. Mainz, 1969. XXVII + 277 S.; Band III: Der Notenwechsel und die Demarchen des Nuntius Orsenigo 1933-1945. Mainz, 1980. XCVIII + 862 S.

строить свои отношения только с последним. Однако и эта попытка оказалась безуспешной, как и попытка строить отношения на личных контактах.

Количество нот германских инстанций к Ватикану существенно меньше, чем нот Ватикана. Они написаны, как правило, в форме ответов на ноты Ватикана с ответными обвинениями на невыполнение условий Конкордата, заключенного 20 июля 1933 года. Основным дискуссионным вопросом было обсуждение и толкование условий статей Конкордата применительно к католическим общественным организациям. Статья 31 разрешала существование только католических «религиозных, культурных и познавательных (каритативных)» организаций. Для нацистов было характерно расширительное толкование понятия «политическая деятельность». Высказывания руководителей или членов легально существовавших католических общественных организаций, трактовавшиеся нацистами как политические, как показывают документы, становились формальным поводом для закрытия этих организаций. Вокруг этих инцидентов завязывалась активная, но чаще всего безуспешная для католиков официальная переписка.

Том Государственных актов по подписанию Имперского Конкордата под редакцией Альфонса Купера содержит официальную переписку германских властей, черновики и наброски статей Конкордата. Документы позволяют сделать вывод о наличии заранее продуманного плана действий у нацистского руководства. Конкордат требовался для привлечения симпатий католиков к новому режиму. Поэтому делегация во главе с вице-канцлером Ф. Папенем постоянно получала указания об ускорении подписания. Нацисты были даже готовы пойти на уступки в редакции отдельных параграфов, видимо заранее не собираясь их всерьез выполнять².

Церковные Акты по подписанию Конкордата под редакцией Людвиг Фолька являются как бы дополнением к указанному выше изданию. Они содержат документы церковных инстанций, переписку, обсуждения условий Конкордата³. Характерно, что церковные круги, в отличие от многих общественных деятелей, не обсуждали саму необходимость Конкордата, не ставили вопрос о возможности и целесообразности доверия национал-социалистам и лично Гитлеру. Тон высказываний церковных иерархов, как правило, менее откровенен, чем у нацистов. Складывается впечатление, что церковные деятели, в отличие от нацистов, не были уверены, что их высказывания станут известны только сторонникам. Эта внутренняя фильтрация понижает ценность приведенных документов, делает необходимым внесение поправок и привлечение дополнительных источников.

² Alfons Kupper (Bearb.). Staatliche Akten über die Reichskonkordatsverhandlungen 1933. Mainz, 1969. XLV + 537 S.

³ Ludwig Volk (Bearb.). Kirchliche Akten über die Reichskonkordatsverhandlungen 1933. Mainz, 1969. XXXIII + 386 S.

Письма Пия XII немецким епископам 1939 - 1944 годов под редакцией Буркхарта Шнайдера, Пьера Блета, Анжелло Мартини, содержат 124 документа за подписью Пия XII⁴. 112 из них направлены непосредственно епископам, 7 - всему немецкому епископату, 3 - баварскому епископату, по одному - к католикам диоцеза Эрмланд, и к немецким католикам от 3 января 1943 года. Для посланий папы Пия XII характерен особенно тщательный отбор слов. Чем шире аудитория, тем формальнее характер обращения. Так, в рождественском послании к немецким католикам от 3 января 1943 года Пий XII поздравил их с праздником, выразил сочувствие их трудностям и лишениям, происходящим от жестокости и греховных помыслов, призвал их соблюдать церковные заповеди и надеяться на лучшее⁵. Никаких «некорректных» в политическом отношении высказываний в отношении гитлеровского режима сделано не было. Послания епископатам и епископам также полны общими местами и завуалированностями. Безусловно, обращение папы является особым типом, жанром католической риторики, со своим традиционным каноном. Они образуют часть святого писания. Кроме этого, нельзя забывать о том, что на контролируемой нацистами территории находились десятки тысяч священнослужителей, десятки миллионов католиков. Все это вместе взятое безусловно подрывало возможный антинацистский потенциал обращений папы. Однако пропаганда христианских ценностей объективно подрывала идейную монополию национал-социалистов. В этом контексте послания Пия XII представляют собой любопытный и крайне поучительный образец неконспиративной связи духовного лидера с аппаратом и массами, находящимися под влиянием диктаторского режима с универсальной идеологией.

Картину гитлеровских репрессий против католического клира воссоздает работа Ульриха Хеля «Священники под гитлеровским террором»⁶. Она состоит из двух частей: биографической и табулярной. Автор приводит поименный список лиц духовного звания, пострадавших в ходе гитлеровских репрессий, с данными биографического характера. Весь фактический материал сведен в форме статистического анализа в таблицы. Источниками информации Хелю служили Федеральный архив, земельные архивы, архив Ватикана, Архив диоцезов.

Общее число пострадавших священнослужителей определено автором в 8 021 человек, или примерно 36% всего клира⁷. Процент пострадавших по церковным провинциям колеблется от 6 до 67%⁸. При этом процент католического

⁴ Burkhart Schneider (Bearb. In Zusammenarbeit mit Pierre Blet und Angelo Martini). Die Briefe Pius XII. An die deutschen Bischöfe 1939-1944. Mainz, 1966. XLVI + 381 S.

⁵ Ibid. S. 208.

⁶ Ulrich von Hehl (Bearb.). Priester unter Hitlers Terror. Eine biographische und statistische Erhebung. Im Auftrag der Deutschen Bischofskonferenz unter Mitwirkung der Diözesanarchive. Mainz, 1984. 2 Aufl. 1985. XCII + 930 S.

⁷ Ibid. S. LXXI.

⁸ Ibid. S. LXXIII.

населения в диоцезах колеблется от 7 до 98% по разным областям Германии⁹. Приводятся данные о возрасте пострадавших. Каждый четвертый из них был моложе 30 лет, 22% - от 31 до 40 лет, 26% - от 41 до 50 лет, 17% - от 51 до 60 лет, 6% - от 61 до 70 лет, 3% - старше 70 лет¹⁰. Приводятся данные о повторяемости репрессий в отношении одних и тех же лиц. Так, 4 123 человека пострадали по одному разу, 1 910 - дважды, 949 - трижды, 498 - четырежды, 253 - 5 раз, 133 - 6 раз, 58 - 7 раз, 44 - 8 раз, 21 - 9 раз, 32 - 10 и более раз¹¹.

Общее количество «политически мотивированных мероприятий» против лиц духовного звания составило 22 703, в том числе 1 615 случаев профессиональной дискриминации, 1 573 - запреты на работу в школе, 599 - высылка, 3 351 - обыск, 4 201 допрос, 3 718 предупреждений, 2 058 судебных процессов, 1 321 террор, 1 567 денежных штрафов, 2 059 случаев лишения свободы, 418 отправлено в концентрационный лагерь, 59 человек убиты, 164 - прочее¹².

Установлен повод к репрессиям в 17 580 случаях: 669 - работа в школе, 2 932 - богослужения, 2 644 - деятельность члена ордена, 488 - связь с иностранной, 1 545 - критика режима, 1 943 - политическая неблагонадежность, 709 - деятельность, враждебная государству, 108 - евреи, 1 108 - прочее, 543 - без объяснений¹³.

Выделены инстанции, осуществлявшие террор. В 2 423 случаях это суд, 2 139 - органы управления, 1 715 - полиция, 7 396 - гестапо, 2 055 - партия, 153 - армия и военные суды, 460 - прочие, 6 362 - не установлены¹⁴. Произведена разбивка по конкретным мероприятиям, по месту и региону репрессий. Редактор показывает связь между возрастом и характером репрессии, возрастом и поводом. Установлен хронологический порядок репрессий, в каком году, в какой земле, по какому поводу, какой инстанцией, какое наказание вынесено. Дана таблица в абсолютных цифрах и процентах, простых и перекрещивающихся¹⁵.

Детальнейшее рассмотрение статистического материала сочетается в данной работе с не вполне оправданным на наш взгляд:

а) выделением граф в табл. 8а (характер наказания). Формулировки позволяют один и тот же эпизод, инцидент проводить по нескольким графам. Например, графа профессиональной дискриминации частично дублируется графой запрета на работу в школе; обыск и допрос также тяготеют к парности в

⁹ Ibid. S. LXXIV.

¹⁰ Ibid. S. LXXV.

¹¹ Ibid. S. LXXVI-LXXVII.

¹² Ibid. S. LXXIX.

¹³ Ibid. S. LXXXI.

¹⁴ Ibid. S. LXXXIV.

¹⁵ Ibid. S. LXXXV. См. также: Walter Adolph. Geheime Aufzeichnungen aus dem nationalsozialistischen Kirchenkampf 1935-1943, bearbeitet von Ulrich von Hehl. Mainz, 1979. 4. Aufl. 1987. XI.II = 310 S. Ln

проведении; в ходе судебных процессов выносятся приговоры, предусматривающие штрафы, высылку, заключение;

б) отрывом показа репрессий против духовенства от общего контекста репрессивной политики национал-социалистов. Объективно оценить репрессии против духовенства можно, только сравнив их с репрессиями против других групп населения Германии. Это ограничивает значение данной публикации, делает необходимым привлечение дополнительного материала.

Одним из важнейших по значению источником являются «Отчеты СД и гестапо», под редакцией Хайнца Бобераха¹⁶. Они содержат как собственно аналитические отчеты, записки, доклады спецслужб для своего руководства о деятельности католической церкви, ее структур и организаций, так и переписку инстанций, приказы, распоряжения, постановления и отчеты об их исполнении.

Сборник составлен с использованием материалов прежде всего Бундесархива, а также документов Ватикана *Acta Apostolicae Sedis*, Архива диоцезов. Отчеты и переписка спецслужб, планируемые мероприятия наглядно показывают враждебное, непримиримое отношение нацистов к католической церкви. Она рассматривалась как постоянный источник опасности, сомнений и колебаний в обществе, открытой критики и нападок на идеологию и практику национал-социализма. Подробно анализировалось положение церкви, ее влияние в массах, положение католических организаций. Особое внимание уделялось зарубежным откликам о положении церкви в Германии, настойчиво «выявлялась» их «связь» с демаршами немецкого духовенства.

До 1939 года отчеты составлялись ежегодно, а также по мере необходимости, по запросам руководства. С лета 1939 года отчеты становятся ежеквартальными. Также увеличивается количество распоряжений, деловой переписки. Документы позволяют выделить периоды максимальной активности спецслужб в отношении католической церкви. Она приходилась на периоды с лета 1939 года до начала 1940-го, на первую половину 1941-го, вторую половину 1942-го, 1943 год, лето 1944 года.

С началом войны количество документов возрастает, меняется их содержание, структура, форма и объем. Вместо длинных структурированных аналитических отчетов появляются краткие оперативные сообщения о конкретных событиях, лицах, участвующих в них, возможных последствиях для «немецкого народа и государства». Тон отчетов становится еще более официозным, оторванным от реальных настроений в немецком обществе. Появляются характерные речевые обороты. Например: «В то время, когда весь немецкий народ сплотился вокруг фюрера...»; «...когда немецкий народ ведет свою историческую борьбу...»¹⁷.

¹⁶ Heinz Boberach (Bearb.). Berichte SD und der Gestapo über Kirchen und Kirchengemeinden in Deutschland 1934-1944. Mainz, 1971. XLIII + 1021 S. Ln.

¹⁷ Ibid. S. 681, 812 и др.

Ведомости СД и гестапо наглядно показывают двойственность нацистской политики в отношении католической церкви. С одной стороны, это серьезная борьба в сфере идеологии, переходящая в политику террора и преследований идейных оппонентов. С другой стороны, нацистские спецслужбы не имели установок, и не ставили своей целью уничтожение ни католиков, ни католического клира в физическом смысле. Напротив, немецкие католики были нужны Гитлеру и его репрессивному аппарату в качестве послушного, идейно преданного расходного материала в борьбе за мировое господство.

Центральным, наиболее фундаментальным трудом Комиссии является шеститомник «Акты немецкого епископата о положении церкви (1933 - 1945)» под редакцией двух «патриархов»: Бернхарда Стасиевского и Людвига Фолька¹⁸. На пяти тысячах страниц опубликованы около полутора тысяч документов: писем, посланий, воззваний, петиций, обращений, резолюций, выступлений, резолюций, заметок, официальных решений, записей дискуссий и т. п. Данная работа выполняет функцию своеобразного каркаса всей тетради А. Остальные работы Комиссии выполняют по отношению к ней функции детализации, рассмотрения более узких, частных проблем, событий, документов.

Томы разделены хронологически, но не структурированы, а выходили по мере набора материалов. Четкой привязки к конкретным историческим событиям в качестве водоразделов нет. Первый том содержит документы 1933 - 1934 годов, второй - 1934 - 1935-х, третий - 1935 - 1936-х, четвертый - 1936 - 1939-х, пятый - 1940 - 1942-х, шестой - 1943 - 1945 годов. Редактором первых трех томов является Б. Стасиевский, трех последних - Л. Фольк.

Наиболее детально рассматривается период 1933 - 1936 годов. Это вполне оправдано, так как именно эти годы наиболее насыщены документами, оценками. В это время происходит «притирка» церкви и национал-социалистического режима. Выясняются и обозначаются позиции сторон. Это относительно мирный и благополучный период сосуществования церкви и нацизма. Позднее количество документов сокращается по вполне объективным причинам: выяснение бесперспективности диалога, ясность позиций, репрессии, дефицит средств коммуникации, материальные лишения, связанные с войной.

Особую ценность представляют собой материалы Фульдской и Фрайзингской конференций епископов, а также пленарных конференций немецких епископов. Конференции епископов являлись высшим коллегиальным органом католической церкви Германии, не имевшей организационного единства.

¹⁸ Bernhard Stasiewski (Bearb.). Akten deutscher Bischöfe über die Lage der Kirche 1933-1945. Band 1: 1933-1934. Mainz, 1968. LII + 969 S.Ln.; Band 2: 1934-1935. Mainz, 1976. XLVIII + 505 S.Ln.; Band 3: 1935-1936. Mainz, 1979. LII + 588 S.Ln.; Ludwig Volk (Bearb.). Akten deutscher Bischöfe über die Lage der Kirche 1933-1945; Band 4: 1936-1939. Mainz, 1981. XXXII + 864 S.Ln.; Band 5: 1940-1942. Mainz, 1983. XXVIII + 1018 S.Ln.; Band 6: 1943-1945. Mainz, 1985. XXXVIII + 961 S.Ln.

Материалы конференций, а также переписка позволяют выделить темы, в наибольшей степени затрагивавшие немецкий епископат. Это, в хронологическом порядке:

а) обсуждение условий Конкордата внутри клира и с государственными инстанциями;

б) судьба католических общественных организаций и средств информации;

в) критика нацистской идеологии;

г) судьба католиков - «неарийцев»;

д) репрессии против членов католического клира;

е) начало второй мировой войны;

ж) «штурм монастырей» - закрытие их, а также теологических факультетов, призыв их слушателей и монахов на военную службу;

з) программа эвтаназии;

и) террор против католиков на оккупированных территориях.

Особое значение имеет публикация текста папской энциклики «С особой (жгучей) заботой» от 14 марта 1937 года. В ней на высшем для католиков уровне авторитета было заявлено, что «абсолютизация народа, расы, крови, партии, класса противны богу и церкви»¹⁹.

Важным источником по истории взаимоотношений католицизма и национал-социализма является сборник писем и газет католической эмиграции «Немецкие письма», изданный в двух томах, под редакцией Хайнца Хюртена²⁰. Он содержит 178 номеров рукописного либо издаваемого примитивными способами издания с аналогичным названием, выходившего в Австрии с 1934 по 1938 год. Оно формировалось на основе писем из Германии, выдержек из европейских газет - французских, ирландских, австрийских, швейцарских. Часть материалов бралась из германской католической и ненацистской периодики, ещё не закрытой гитлеровцами, чаще всего из «Кельнской народной газеты» (Kölnische Volkszeitung), также Frankfurter Zeitung, Westdeutsche Beobachter, Basler Nachrichten, Münsterschen Anzeiger и других. Использовались также выдержки из нацистских газет, особенно Völkischer Beobachter. Публикации относились преимущественно к аспектам частной, культурной, религиозной жизни, а также политической. Благодаря своей неподцензурности, источники откровенно рассказывают о характере гитлеровского режима, тяжелом положении католиков в Германии, о невозможности свободного исповедания, о преследованиях на почве идейной и национальной нетерпимости. Документы достаточно хорошо освещают теневую сторону проблем немецких католиков, акцентируются на ней, изображают часто в гротескной форме, используя литературные приемы сатиры и иронии. Особенно удачным в этом отношении был «репортаж» «Маленький город под сенью свастики», где на примере небольшого ба-

¹⁹ Ursachen und Folgen. Bd. 9. Berlin, 1982. S. 561-571.

²⁰ Heinz Hurten (Bearb.). Deutsche Briefe 1934-1938. Ein Blatt der katholischen Emigration. Band 1: 1933-1935. Mainz, 1969. LI + 733 S.Ln.; Band 2: 1936-1938. Mainz, 1969. 1186 S.Ln.

варского городка изображалась судьба всей Германии²¹. Наличие подобного издания само по себе служит доказательством диктаторского, репрессивного характера режима. Это является одновременно свидетельством конформизма оставшихся в Германии общественных и религиозных деятелей. Однако резкой критики католического клира, и особенно «князей церкви», «Немецкие письма» не содержат.

Важное значение имеют также публикации документов из личных архивов наиболее заметных фигур католического клира: кардинала Фаульхабера (под редакцией Л. Фолька)²² и епископа Галена (под редакцией П. Лöffлера)²³. Их общественно-политическая деятельность, в силу их влияния на клир, и организационных особенностей католической церкви, не могла не иметь значения. По мнению большинства немецких исследователей, епископ граф Гален являлся центральной фигурой немецкого «церковного сопротивления». Он наиболее активно из иерархов выступал с антинацистскими по духу проповедями во время богослужений, использовал возможность публикации и пропаганды фундаментальных основ католического мировоззрения. Верхушка рейха трижды обсуждала вопрос об аресте Галена, но из-за заметности фигуры отказалась от этих планов, ограничившись арестом нескольких составов его секретариата. На могиле Галена установлен бюст папы Иоанна XXIII со словами признательности за его деятельность в тяжелые для церкви годы. Однако мы вынуждены заметить, что публикаторы документов оставили «за кадром» деятельность Галена в 1932 году, когда он был одним из наиболее влиятельных сторонников привлечения НСДАП к деятельности в правительстве. Выбор периода с 1933 года позволил редакции вольно или невольно создать образ безукоризненного борца с нацизмом, не вполне соответствующий действительности. Более объективно отражены опубликованными документами позиции и деятельность кардиналов Фаульхабера, и особенно «старой лисы» Бертрама. Показан их антидемократизм, заискивание и заигрывание с верхушкой нацистов. Являясь председателями соответственно Фрайзингской и Фульдской конференций епископов, кардиналами, они были формальными лидерами германских католиков, несли ответственность и перед папвой, и перед папой, и перед властями. Поэтому их легче всего обвинить в конформизме, и масса опубликованных Комиссией документов позволяет это сделать.

Фактически Комиссия по современной истории является главной, крупнейшей в ФРГ и мире организацией, публикующей источники по проблемам католицизма в национал-социалистической Германии. Широта охвата, колос-

²¹ Heinz Hurten (Bearb.). Deutsche Briefe 1934-1938. Ein Blatt der katholischen Emigration. Band 1: 1933-1935. Mainz, 1969. S. XXXVII.

²² Ludwig Volk (Bearb.). Akten Kardinal Michael von Faulhabers 1917-1945. Band 1: 1917-1934. Mainz, 1975. XCVI + 952 S. 2 Bildtafeln, Ln.; Band 2: 1935-1945. Mainz, 1978. 2. Aufl. 1984. XXXVI + 1176 S. Ln.

²³ Bischof Clemens August Graf von Galen. Akten, Briefe und Predigten 1933 - 1946: 2 Bände, bearbeitet von Peter Löffler. Mainz, 1988, im Druck.

сальный объем, исключительная скрупулезность и детальность, научная добросовестность - в полной мере характерны для деятельности Комиссии. Характерный для членов Комиссии и многих немецких историков комплекс вины за нацистское прошлое своей страны и вытекающее из этого комплекса стремление преувеличить значение и потенциал немецкого сопротивления национал-социализму лишь в незначительной степени повлияли на отбор документов для публикации. Даже научные оппоненты членов Комиссии пользуются в своей деятельности опубликованными ею документами. Эти публикации позволяют делать выводы, оценки, расходящиеся с научными позициями публикаторов.

Для иностранных исследователей, не имеющих возможности длительное время работать в немецких архивах, публикации Комиссии имеют исключительное значение.

Содержание

М.Е. Ерин	
Трагедия плена (Из истории шталага 326 (VI К) Зеппе. 1941 - 1945 гг.)	3
А.В. Васильченко	
Учреждения дополнительного образования и образование взрослых в системе национал-социалистической диктатуры	13
С.Ю. Торопова	
Об особенностях религиозно-политической ситуации в поздневикторианской Англии	23
Н.А. Смирнов	
Армия Крайова: финал истории	34
Т.М. Гавристова	
"В доме отца моего обителей много" (К вопросу о возможностях адаптации африканских интеллектуалов в западном обществе)	43
Е.Г. Михайловский	
Бонапартизм (К постановке вопроса о сущности государственно-политического режима Второй империи во Франции)	55
Г.Н. Каннинская	
Солидаризм как составная часть теории социальной справедливости во Франции XIX века	62
В.Н. Дегтерева	
Политическая эмиграция как фактор в системе европейских международных отношений в середине XIX века	71
Н.Ш. Каркозашвили	
Американское рабство первой половины XIX века в оценках английских наблюдателей	79
А.В. Гаврилов	
Публикации Комиссии по современной истории (ФРГ) как исторический источник для изучения положения католической церкви в период национал-социализма	89

Проблемы новой и новейшей истории

Редактор, корректор А.А. Антонова
Компьютерная верстка Л.А. Кузьмичевой

Лицензия ЛР № 020319 от 13.12.96.

Подписано в печать 14.02.2000. Формат 60×84/16. Бумага тип.
Усл. печ. л. 5,8. Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 100 экз. Заказ № 56.

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе ЯрГУ.

Отпечатано на ризографе.

Ярославский государственный университет.
150000 Ярославль, ул. Советская, 14.